

МОЗЫРЩИНА:
ЛЮДИ,
СОБЫТИЯ,
ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Мозырь, 27 мая 2022 года

ISBN 978-985-477-824-2

9 789854 778242

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Мозырь, 27 мая 2022 г.

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2022

УДК 378:001(476.2)+93(06)+371
ББК 72.4(4Беи)я43+63я43+74я42
М74

Редакционная коллегия:

Т. Н. Сыманович, кандидат педагогических наук;
М. М. Щербин, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный редактор);
Е. Е. Барсук, кандидат исторических наук, доцент

Печатается согласно плану научно-практических мероприятий,
планируемых к проведению в УО МГПУ им. И. П. Шамякина в 2022 году,
и приказу по университету от 24.05.2022 № 467

Мозырщина: люди, события, время : материалы Междунар. науч.-практ.
М74 конф., Мозырь, 27 мая 2022 г. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
Т. Н. Сыманович, М. М. Щербин (отв. ред.), Е. Е. Барсук. – Мозырь :
МГПУ им. И. П. Шамякина, 2022. – 190 с.
ISBN 978-985-477-824-2.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции,
в которых рассматриваются актуальные проблемы современной исторической науки,
обсуждаются теоретические и практические аспекты воспитания и образования.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, научным работникам,
преподавателям и учителям, а также всем, кто интересуется современными
тенденциями развития науки и образования.

*Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность
за аутентичность и точность сведений, приводимых в материалах, за соблюдение
законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности
несут авторы.*

УДК 378:001(476.2)+93(06)+371
ББК 72.4(4Беи)я43+63я43+74я42

ISBN 978-985-477-824-2

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Актуальные проблемы современной исторической науки

<i>Ахраменко П. Е.</i> О сохранении исторической памяти (на материале топонимики д. Михалки Мозырского района).....	6
<i>Бай Сюетун.</i> Развитие научно-технического сотрудничества между КНР и ФРГ в эпоху стратегического партнёрства.....	11
<i>Барсук Е. Е.</i> О формах и механизмах формирования исторической памяти белорусов в XV–XX вв.	15
<i>Богданов В. М.</i> Внешняя политика коалиционных кабинетов временного правительства России (май – октябрь 1917 г.).....	22
<i>Варнава З. С., Колбасина И. Н.</i> Промыслы жителей Мозырского уезда в XIX веке.....	26
<i>Варнава З. С., Белевич А. В.</i> Вклад Николая Пушкаря в развитие декоративно-прикладного творчества Припятского Полесья	30
<i>Гавриловец Л. В.</i> Культурно-национальная специфика Гомельского региона.....	34
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Развіццё турызма ў БССР у перыяд хрушчоўскай «адлігі»	38
<i>Дубровка Е. Н.</i> Оценки деятельности С. Н. Булак-Балаховича в британской прессе и документах кабинета (октябрь 1920 – январь 1921 г.).....	43
<i>Елизаров С. А.</i> Восстановление советской системы органов государственной власти и управления в Полесской области (сентябрь 1943 г. – май 1945 г.).....	48
<i>Забельнікова О. В.</i> Социальное самочувствие женщины в обществе.....	52
<i>Капліеў А. А.</i> Адметныя асаблівасці арганізацыі кіравання аховай здароўя ў БССР і Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.....	57
<i>Ковяко И. И.</i> Деятельность Германских исторических институтов в Вашингтоне и Лондоне: от создания к современности	63
<i>Крюковский В. Д.</i> Физическое воспитание школьников в Беларуси (1924–1925 гг.).....	67
<i>Мязга М. М.</i> Барацьба з дэзерцістам на Мазыршчыне ва ўмовах пераходу ад вайны да міру (1920–1921 гг.).....	71
<i>Нарыжная Е. П.</i> История моей страны через историю моей семьи: вечный диалог поколений	76
<i>Острога В. М.</i> Религиозно-монархическое воспитание в учебных заведениях Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.	83

<i>Панарин А. А., Панарина Е. В.</i> Историческая память и борьба с фальсификациями истории Великой Отечественной войны	88
<i>Попчанка Г. А.</i> Аб канфесійнай палітыцы на беларускіх землях: ад перавагі ўніяцтва да панавання праваслаўя (XVIII – 30-я гг. XIX ст.).....	93
<i>Рожкова С. Н., Васьков П. С.</i> Восточный вопрос в XVI–XIX вв.	98
<i>Сальков А. П.</i> Словацко-венгерское территориальное разграничение (октябрь 1918 – июнь 1920 г.).....	103
<i>Севницкая О. И.</i> О развитии музейного дела в БССР в 1964–1965 гг.	108
<i>Сунь Шэнцзы.</i> Сотрудничество КНР и Республики Беларусь в гуманитарной сфере в 2005–2021 гг.: китайская историография вопроса	113
<i>Телепень С. В., Рыбаченко Е. Д.</i> Характеристика традиционной исторической репрезентации в XV–XVI вв. как формы исторической памяти белорусов.....	117
<i>Уваров И. Ю.</i> Особенности эпидемической ситуации в Гомеле в первой половине 1919 г.	120
<i>Ціхаміраў А. У.</i> Давід Барысавіч Мельцэр і балгарыстычныя даследаванні ў Беларусі.....	123
<i>Юрис С. А.</i> Некоторые аспекты заготовительной и закупочной деятельности потребительской кооперации БССР в 1945–1950 гг.	127

Раздел 2. Теория и практика обучения и воспитания

<i>Адзіночанка В. А.</i> Дыялог беларускай дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі ў сферы культуры.....	134
<i>Кириллов Ю. Н.</i> Методологическая рефлексия ценностной природы гуманитарного знания.....	137
<i>Кошман П. Р.</i> Рэгіянальныя наратывы беларускай літаратуры XIX ст.	142
<i>Лисовский Л. А., Ахраменко П. Е.</i> Отражение Припятского Полесья в названиях.....	146
<i>Новик С. Н.</i> Работа в команде как средство развития личности подростка	151
<i>Соловьянов А. П.</i> Молодёжные школы как форма обучения методике историко-патриотического туризма в Беларуси	155
<i>Степанова В. В.</i> Программы развития и поддержки чтения в рамках реализации государственных задач духовно-нравственного воспитания населения	158

<i>Судибор И. Л.</i> О роли творчества М. А. Булгакова в образовательном процессе.....	164
<i>Сыманович Т. Н.</i> Методические основы нравственного воспитания личности в древнерусской духовной традиции	167
<i>Хомутовский К. И.</i> Мастерская управленческих идей и решений «Топ-10 факторов эффективной организации идеологического воспитания в образовательном процессе»	172
<i>Щербин М. М., Исаев В. А.</i> Идеи единения и согласия в патриотическом воспитании белорусов	178
<i>Юрис Т. А.</i> Лекционная форма преподавания гуманитарных дисциплин: опыт модернизации	180
Сведения об авторах.....	187

МГПУ им. И. П. Шамякина

Раздел 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

(на материале топонимики д. Михалки Мозырского района)

П. Е. Ахраменко
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

2022 год объявлен в Республике Беларусь Годом исторической памяти. Л. Н. Мазур отмечает: «Историческая память составляет основу, ментальное ядро общественного сознания, обеспечивая возможность идентификации и самоидентификации отдельной личности и общества в целом. В настоящее время изучение исторической памяти стало одним из активно развивающихся направлений исторической науки (и не только). Отправной точкой в разработке этих проблем стали труды таких авторов, как Ю. М. Лотман, Л. П. Репина и др.» [1, с. 243]. Историческая память, как подчеркивает Л. Н. Мазур, характеризуется с позиции социокультурного феномена, нацеленного на осмысление исторических событий и их символическую репрезентацию. Общность исторического сознания и памяти определяют такие свойства исторической памяти, как актуальность и изменчивость, т. е. постоянную модификацию образов прошлого. Историческая память оперирует преимущественно образами, т. е. «переработанной» информацией. Чем глубже «переработка» и осмысление обществом исторических событий, тем лучше они запоминаются и дольше помнятся. Эту задачу выполняют наука и искусство, реагируя на текущие события и перемещая эти образы в «хранилище памяти», которые фиксируются в названиях мест проживания, исторических событиях, художественных книгах, документах.

Мозырищина имеет богатую историю: это и периоды военного лихолетья и годы мирного созидательного труда, тысячелетняя история и изменения последних лет. И все эти процессы находят свое отражение в языке, фиксируются сначала у одного человека, а затем в целом и в исторической памяти народа. У каждого человека должна быть историческая память и преемственность традиций и менталитета. Как отмечает Л. П. Репина, «историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, ... субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого...» [2, с. 10].

Большое значение для сохранения исторической памяти имеют языковые наименования тех или иных объектов, располагающихся в местах проживания, – топонимы.

Топонимия, в том числе и микротопонимия, сохраняет в себе особенности речевых явлений прошлого, культуру народа [3]. Это, как в капле воды отражается солнце, отмечается и в микротопонимах деревни

Михалки. Михалки – бывший административный центр Михалковского сельсовета и совхоза «Мозырский». Деревня располагалась в 16 км от райцентра, 11 км от железнодорожной станции Мытва, на шоссе Мозырь – Наровля.

Сейчас эта деревня осталась уже в истории. В декабре 1993 г. в связи с промышленным строительством прекратила своё существование одна из самых древних деревень Мозырщины. Имеются упоминания о том, что она существовала уже с XIV века. В «Географическом словаре Королевства Польского», изданном в Варшаве в 1880 г., о Михалках говорится, как о поселении с 1432 г. Но фактически история деревни, безусловно, более древняя. Об этом свидетельствуют курганы дреговичей. О том, что деревня уже в XIII ст. играла определенную роль в социально-экономической жизни, свидетельствует найденный при раскопках в 1940 г. клад из 208 серебряных монет (грошей) Чехии XV в. [4, с. 93–94].

С 1569 г. Михалки – в составе Речи Посполитой. Собственность Ленкевичей, представителей старинного дворянского рода на Полесье. По легендам, их потомки Ленки вели борьбу с монгольскими и крымско-татарскими завоевателями.

В 1793 г. Михалки вошли в состав Российской империи и стали волостным центром Мозырского уезда. Был восстановлен Михалковский православный приход (приходская церковь во имя Рождества Богородицы). После присоединения Полесья к России местные крестьяне совместно с воинскими частями проложили через леса, болота и реки почтовую и военно-коммуникационную дорогу Санкт-Петербург – Мозырь – Каралин (Ельск) – Овруч и далее в южные российские губернии, т. н. Волынский тракт. Через Михалки проходил и второй путь из губернского Минска через Скрыгалов – Мозырь и далее на Барбаров и Киев. В деревне в течение более 120 лет находилась конная почтовая станция.

В 1865 г. в Михалках было открыто народное училище. В 1878–1879 учебном году в нём обучалось 29 мальчиков и 2 девочки.

В «Описании церквей и приходов» за 1879 г. отмечалось: «Все прихожане крестьянского сословия, занимаются земледелием. К церкви очень усердны. Жители Михалок отличаются своей развитостью и энергичностью – чество очень дорожат и потому держат себя чистоплотно и нравственно...» В справочном издании «Волости важнейшие селения Европейской России» за 1886 г. сообщается: «Михалки, дворов – 21, жителей 168, от уездного центра 14,5 вёрст, в селениях Михалки и Писаревка: волостное правление, церковь православная, почта, школа, винокуренный завод, мельница водяная...». В те же годы из Михалковской волости выделилась Каралинская (Ельская) волость [4].

Как отмечается на краеведческом портале «Мозырский край», название деревни образовано от имени Михаил и белорусских его обиходных вариантов: Михалка, Михась и другие. Деревня объединила несколько небольших поселений, возникших недалеко одно от другого, на берегах

безымянной речки, притока Солокучи: Михалки, Писаревка, Слобода, Новосёлки, Купреевка. Со временем они слились в единый населённый пункт – Михалки [5]. Следует отметить такой интересный факт, как трансформация наименования «Писаревка». Такого названия улицы в деревне не было, а была «Пигаровка». Как объясняли местные жители, название возникло в связи с тем, что эта часть деревни сгорела и остались одни «пигарки» (угли). Вот такая она народная этимология.

Существует о названии деревни Михалки и красивая легенда. В ней говорится о том, что ранее христианам запрещалось жениться на иноверцах, а некий парень Михал, любивший еврейскую девушку Хайку, убежал от преследований и поселился с ней на краю непроходимого болота. От слияния имен «Михала» и «Хайки» и произошло наименование «Михайки», в дальнейшем трансформировавшееся в «Михалки». Белорусский писатель Л. Прокша в своей книге «За Добрыцай рэчкай» пишет относительно происхождения топонима Михалки о том, что названия деревень Михалки, Кустовница и Митьки (они располагаются близко друг от друга) даны по именам первопоселенцев – трех братьев – Михала, Кости и Митьки [8].

Отметим, что жизнь в деревне остановилась в связи с тем, что в 1968 г. рядом с ней началось строительство целой системы заводов, в том числе и такого нефтегиганта, как «Мозырский нефтеперерабатывающий завод». Поэтому близлежащие деревни Михалки и Кустовница подлежали сносу.

Однако до настоящего времени наименования мест, служащих для называния определенных географических объектов и не занятых цехами заводов, обозначаются, как и прежде, при жизни деревни.

Особенности развития деревни, культура сельчан закреплялись в местных названиях (названиях местных урочищ, полей, сенокосов и т. п.), употреблялись бывшими жителями данной деревни для точного наименования местоположения объекта, а в настоящее время в неофициальных беседах употребляются работниками Мозырского нефтеперерабатывающего завода для обозначения мест, близлежащих к заводу.

Деревня Михалки была окружена со всех сторон сосновыми лесами и дубравами. Для точного обозначения этих мест им давались соответствующие названия. Так, к юго-востоку от Михалок находились урочища, которые назывались «Линёц» и «Сабинóв». Известно, что эти леса до революции принадлежали пану Линкевичу, у которого была дочь Сабина, и названия были даны по имени бывшего владельца лесов – пана Линкевича и его дочери.

С северо-запада от деревни располагался вековой дубовый лес (как говорили старожилы, никто не помнил, чтобы его когда-нибудь садили, он вырос «самосеем»), и называли его за «солидный возраст» «Старина́». Рядом с урочищем «Старина» имеется еще одно урочище – «Кóйров», в котором был когда-то громадный ров, вымытый ливнями. Название, как нам видится, дано по слиянию указательного местоимения «той» плюс существительное «ров», которое затем трансформировалось в «Кóйров».

Между данными урочищами имеется относительно открытое место, гектара три, – «Мейлохова поляна», в настоящее время оно частично засажено елью, в большинстве же заросло самосеянными деревьями лиственных пород, на краю поляны до настоящего времени остались следы фундамента дома, полузаваленный колодец, одичавшие плодовые деревья. Название «Мейлохова поляна» дано по фамилии человека Мейлоха, который в связи со столыпинской реформой в начале XX в. перешел жить из деревни на так называемые отруба.

Среди поля была рукотворная возвышенность, а рядом с ней котлован, из которого местные жители брали для хозяйственных нужд глину. Это место называлось «Клу́нице» в связи с тем, что здесь ранее стояла клу́ня – постройка, где обрабатывали лён.

К западу от деревни располагалось поле, которое называлось «Ка́мень», называли его так потому, что на этом поле было много камней и для того, чтобы можно было успешно вести на нем сельскохозяйственные работы, камни приходилось постоянно убирать.

Недалеко от данного поля, в отдалении от деревни стояла большая деревянная постройка для хранения сена, которую называли «Гумно́». Само же место именовалось «Загумённо» или «Гу́мнице».

К северу от д. Михалки, близ поселка «Дружба», располагающегося рядом с линейной нефтеперекатывающей диспетчерской станцией (название дано по одноименному нефтепроводу «Дружба»), находится поляна «Скоморо́ховка». Относительно названия существует легенда о том, что на этой поляне перед войсками Петра I, которые здесь отдыхали несколько дней, выступали скоморохи, – так и закрепилось за данным местом название «Скоморо́ховка».

В деревне было несколько микроселений – собственно «Миха́лки», «Новосёлки», «Слобо́дка», «Пига́ровка», «Купре́евка», «Кале́ник», «Бере́зки», образующих незаконченный квадрат вокруг болота. По данным наименованиям в 70-е гг XX в. были названы улицы деревни. «Новосёлки» (довольно распространенное название в Беларуси) получили свое название в связи с новыми постройками, возведенными по соседству со старым селением. О «Пига́ровке» речь шла выше, «Бере́зки» – за то, что недалеко от деревни были старые, громадные красивые берёзы, как говорили, – остатки «Екатери́нинского шля́ха». «Кале́ник» и «Купре́евка» получили наименование по фамилиям местных жителей Каленика и Купрея.

В центре деревни раньше стояла церковь, рядом с ней сад – несколько десятков яблонь – и колодец. Само это место называлось «Церкови́ще». Сад и колодец назывались соответственно «Попов сад» и «Попов колодец». После революции церковь была разрушена, а на ее месте (и из ее материала) построен клуб, и место стали называть двояко: более старые люди «Церкови́щем», а молодые – «Клубо́вищем».

Кроме данных наименований существовали и названия более мелких объектов, например, «По́плав» – луг посреди деревни, «Резе́рвы» – часть

болотистого места в центре деревни, где добывали торф, «Сáжалка» – озеро, «Шíлега» – место за деревней, заросшее кустарником (ивой прутовидной, верболозом), «Шмóйлова долина» – часть сеножати в лесу, по имени человека, которого на этом месте расстреляли во время Великой Отечественной войны, «Домики» – жилые постройки, находящиеся недалеко от деревни.

Деревня Михалки имела славные традиции. Около 200 жителей Михалок сражались на фронтах Великой Отечественной и в партизанских отрядах. 120 из них не вернулись домой [6, с. 220–221].

Большой вклад в воспитание молодёжи послевоенного времени внесли директора Михалковской средней школы Л. Н. Зайчик и И. И. Сидорок, Н. Х. Михальчук. М. В. Беспаловой присвоено звание «Заслуженный учитель Белорусской ССР». Бывшие выпускники школы П. Ф. Ахраменко и П. Г. Чирун долгие годы творчески работали в руководящих органах района и области. А. Т. Ярошевский – хирург, известный на Мозырщине врач. С. М. Яцута – геологоразведчик, исследовал недра Кубы.

В Михалках прошли детские и школьные годы белорусского писателя Всеволода Кравченко. Первый «хлеб» учителя и первые строчки в поэзии сделал в Михалковской средней школе В. М. Верамейчик, белорусский поэт, автор многих сборников стихотворений. С Михалками тесно связана биография белорусской поэтессы и литературоведа В. И. Смыковской.

Почти 560 лет существовали Михалки. Ныне на месте деревни выросли корпуса нефтеперерабатывающего завода, завода кормовых дрожжей, ряда предприятий стройиндустрии и «Теплоэлектроцентральный». Год от года развивается крупный промышленный узел, главный градообразующий центр, кузница кадров. По просьбе людей сохранено историческое название деревни в наименовании сельсовета – Михалковского [7, с. 95–96].

В настоящее время вся территория на месте снесенных деревень Михалки и Кустовница именуется как «Промышленная зона Михалки» (в связи с тем, что Михалки были центром сельского совета) или называется сокращенно и безлико – «промзона».

Деревни Михалки в Мозырском районе Гомельской области уже нет. В связи с этим особый интерес приобретают названия, которые бытовали в этой местности при ее жизни. В 2020 г. бывшие жители бывшей д. Михалки обратились с просьбой к председателю Мозырского районного Совета депутатов Валентине Назаренко об увековечивании памяти деревни с целью сохранения истории Мозырщины [8]. И вот там, где сейчас проходят трамвайные пути, связывающие город и Мозырский НПЗ, недалеко от останочного пункта «Михалки» установлен валун с выгравированной табличкой «Памятный знак бывшей деревне Михалки. 1432–1990 гг.».

Список использованных источников

1. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.

2. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – М., 2003. – С. 10.

3. Иванова, А. А. Микротопонимия Мозырского Полесья : монография / А. А. Иванова. – Мозырь, 2007. – 220 с.

4. Деревни и люди Мозырщины: историко-документальная хроника Мозырского района, всех сельсоветов и населённых пунктов региона (деревень, посёлков, хуторов) [Электронный ресурс]. – Мозырь : Колор, 2001. – С. 93–94. – Режим доступа:<http://rayon.mozyrlib.by/index.php/derevni-mozyrshchiny/160-d-mihalki>. – Дата доступа: 15.04.2022.

5. Мозырский край – краеведческий портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://rayon.mozyrlib.by/index.php/derevni-mozyrshchiny?start=56>. – Дата доступа: 18.04.2022.

6. Памяць: Гіст. дакум. хроніка Мазыра і Мазырск. р-на / Уклад. М. А. Капач, В. Р. Феранц. – Мінск: Маст. літ., 1997. – С. 220–221.

7. Деревни и люди Мозырщины : историко-документальная хроника Мозырского района, всех сельсоветов и населённых пунктов региона (деревень, посёлков, хуторов) [Электронный ресурс]. – Мозырь : Колор, 2001. – С. 95–96. – Режим доступа: <http://rayon.mozyrlib.by/index.php/derevni-mozyrshchiny/160-d-mihalki>. – Дата доступа: 25.04.2022.

8. Исчезнувшая, но не забытая [Электронный ресурс] // Жыццё Палесся. – 2020. – № 359. – Режим доступа:<https://www.mazyr.by/2020/08/ischeznuvshaya-no-ne-zabytaya/>. – Дата доступа: 28.04.2022.

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КНР И ФРГ В ЭПОХУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

**Бай Сюетун
БГУ (Минск)**

Научно-техническое сотрудничество является важной частью китайско-германских отношений. В условиях растущей глобализации науки и техники обе стороны продолжают совершенствовать механизм межправительственного сотрудничества и расширять развитие китайско-германского партнерства в области науки и техники. В данной статье рассматривается процесс развития китайско-германского сотрудничества в области науки и технологий в эпоху стратегического партнерства, которая берет свое начало в 2004 г.

Основой китайско-германского сотрудничества в области науки и техники является «Межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве», подписанное 9 октября 1978 г. [1]. Совещания Комитета по научно-техническому сотрудничеству между КНР и ФРГ, которые проводятся с 1980 г., являются одним из наиболее постоянных и стабильных механизмов сотрудничества в китайско-германских научно-технических контактах. До апреля 2021 г. между двумя сторонами было проведено 25 совещаний. Сопредседателями совещаний являются Министерство науки и техники КНР и Федеральное министерство образования и научных

исследований Германии. После многолетних совместных усилий правительств двух стран китайско-германское сотрудничество в области науки и техники принесло существенные результаты в таких областях, как защита окружающей среды, автономное вождение, новые энергетические транспортные средства, интеллектуальное производство и науки о жизни.

С момента установления стратегического партнерства в 2004 г. частый обмен визитами на высоком уровне между двумя сторонами укрепил взаимодействие в области науки и техники. Страны подписали ряд заявлений и меморандумов о сотрудничестве в области науки и техники, а также создали стабильный механизм и ряд платформ диалога. Например, в мае 2004 г. страны подписали «Китайско-германский меморандум о научно-техническом сотрудничестве в области возрождения промышленности на северо-востоке Китая» [2]. В ноябре 2005 г. Китай и Германия совместно провели Международный конгресс по возобновляемым источникам энергии в Пекине и подписали Пекинскую декларацию, целью которой является содействие развитию возобновляемых источников энергии [2]. Во время визита премьера Вэнь Цзябао в Германию в январе 2009 г. Китай и Германия сделали совместное заявление об инициативе по совместной организации «Перекрестного года науки и образования в КНР и ФРГ» для продвижения научных и образовательных обменов между двумя странами [3].

В июне 2011 г., во время первого раунда консультаций между правительствами Китая и Германии, стороны договорились о расширении платформы для диалога и сотрудничества в таких областях, как научные исследования. Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии подписали «Совместное заявление о создании китайско-германской платформы для инноваций в области наук о жизни», а также «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства в области электромобилей» [4].

Второй раунд китайско-германских правительственных консультаций прошел в августе 2012 г. За этот период Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии подписали «Совместное заявление о сотрудничестве в области полупроводниковых технологий освещения», а также подписали «Совместное заявление о расширении сотрудничества в области электромобилей и защиты климата» с Федеральным министерством окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей Германии [2].

В 2014 г. КНР и ФРГ предложили развивать «инновационное сотрудничество» в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства и опубликовали «Программы действий по китайско-германскому сотрудничеству». Это открыло новую главу в китайско-германском сотрудничестве в области науки и техники, движущей силой развития отныне стали инновации. Следует отметить, что идея сопряжения программ «Сделано в Китае – 2025» и «Индустрия 4.0» является стержневой стратегией китайско-германского инновационного партнерства [5, с. 349].

В марте 2014 г. Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии подписали «Совместное заявление о намерениях относительно китайско-германского инновационного центра “Чистая вода” (“Sauberes Wasser”))» [2]. В октябре того же года было подписано «Совместное заявление о намерениях сотрудничества в рамках Года науки 2015: города будущего». Кроме того, Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство транспорта и цифровой инфраструктуры ФРГ опубликовали «Совместное заявление об углублении и расширении сотрудничества в области инновационных технологий и соответствующей инфраструктуры» [2].

В 2015 и 2016 гг. соответствующие органы власти двух стран опубликовали «Стратегию Китая на 2015–2020 гг.» и «Стратегию Германии» соответственно. Со своей стороны Германия видит важность сотрудничества с Китаем в том, чтобы совместно внедрять инновационные знания и технологии, укреплять позиции Германии как исследовательской и инновационной державы, открывать китайский рынок для компаний и вместе успешно решать огромные социальные и экологические проблемы нашего времени. В связи с этим сотрудничество с Китаем является незаменимой возможностью для Германии и должно быть использовано [1]. С позиции китайской стороны укрепление научно-технического сотрудничества с Германией имеет большое актуальное значение для текущей реализации стратегии инновационного развития Китая [6, с. 4].

Во время четвертого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в июне 2016 г. нормативно-правовая база научно-технического сотрудничества была расширена. Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии утвердили «Совместное заявление о намерении продолжать китайско-германскую инновационную платформу и партнерство в области молодежных инноваций и предпринимательства». В дополнение был заключен «Меморандум о взаимопонимании по стратегическому сотрудничеству в области сетей мобильной связи пятого поколения» с Федеральным министерством транспорта и цифровой инфраструктуры Германии [2].

В июне 2017 г. в Берлине состоялся китайско-германский форум «Сотрудничество в области инноваций», организованный совместно Министерством науки и технологий КНР и Федеральным министерством образования и научных исследований Германии. Премьер-министры и министры науки и технологий выступили с совместными речами. Они подчеркнули взаимное стремление к дальнейшему углублению и укреплению инновационного сотрудничества [7].

В ходе пятого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в июле 2018 г. Министерство науки и технологий КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии подписали документ о сотрудничестве в области умного производства и изменения климата [2].

С 2020 г. из-за эпидемии обмен научно-техническим персоналом между Китаем и Германией сократился, но сотрудничество в области науки и техники не остановилось. Некоторые мероприятия проходили в онлайн-формате, например, Китайско-германский форум по научно-техническому сотрудничеству в августе 2020 г., 25-е совещание Китайско-германской совместной комиссии по научно-техническому сотрудничеству в феврале 2021 г. и видеовстреча министров науки и техники Китая и Германии в апреле 2021 г.

Несомненно, в китайско-германском сотрудничестве в области науки и техники также существуют некоторые проблемы: защита прав на интеллектуальную собственность, отсутствие единых стандартов и правил, нехватка высококвалифицированной рабочей силы, а также тот факт, что имидж Китая как партнера в немецких научно-технических инновациях начинает меняться на имидж конкурента. Однако научно-техническое сотрудничество между Китаем и Германией с момента его официального установления в 1978 г. практически не пострадало от политических потрясений и, особенно, от многочисленных торговых споров [8, с. 27]. С переходом отношений в фазу стратегического партнерства Китай и Германия всегда стремились к достаточно стабильным и долгосрочным научно-техническим связям. Одновременно, согласно последнему раунду китайско-германских межправительственных консультаций в апреле 2021 г., в будущем научно-техническое сотрудничество между КНР и ФРГ будет сосредоточено на новых областях, таких как борьба с изменением климата, цифровая трансформация и стратегическая инновационная политика [9].

Таким образом, установление отношений стратегического партнерства в 2004 г. заложило прочную основу для развития китайско-германского научно-технического сотрудничества. При поддержке правительств обеих сторон были расширены его сферы и усовершенствованы механизмы реализации. Сотрудничество в этой области стало одним из самых важных, прочных и динамичных в системе стратегического партнерства Китая и Германии. В то же время, в контексте нового раунда технологической революции и промышленных преобразований, инновации, наука и технологии стали главной движущей силой развития. В связи с этим возросла актуальность научно-технического сотрудничества для Китая и Германии.

Список использованных источников

1. China Strategy 2015–2020 – Strategic Framework for Cooperation with China in Research, Science and Education [Electronic resource] // BMBF. – Mode of access: <https://www.readkong.com/page/china-strategy-2015-2020-strategic-framework-for-8655422>. – Date of access: 11.03.2022.

2. Чжунго тун Дего де гуаньси = Отношения между Китаем и Германией [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзябу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/sbgx_679090/. – Дата доступа: 12.03.2022. (на кит. яз.).

3. Вань Ган фу Дэго Чуси Чжунде Кэцзяо Нянь Цидун Иши Бин Фабао Цзянхуа = Вань Ган отправился в Германию на церемонию открытия Китайско-германского года науки и образования и выступил с речью [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Жэньминьчжэнфу = Центральное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/gzdt/2009-04/17/content_1288522.htm. – Дата доступа: 12.03.2022. (на кит. яз.).

4. Чжунде Гуаньюй Цзянь ли Дяньдунчэ Чжаньлюе Хобань Гуаньси де Ляньхэ шэньминь = Совместное заявление об установлении стратегического партнерства в области электромобилей [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/201106/t20110629_314157.shtml. – Дата доступа: 18.03.2022. (на кит. яз.).

5. Тимофеев, О. А. Сопряжение программ «Сделано в Китае-2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии / О. А. Тимофеев, В. С. Ронжина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 338–351.

6. Кеци Чуансинь Гунсу Вэйлай Дего Чжаньлюе = Технологические инновации Вместе формируем будущее Стратегия Германии // Чжунгокесюецзишубу = Министерство науки и технологий КНР. – 2016. – Р. 18 (на кит. яз.).

7. Ли Кэцян тун Дего Цзунли Мокээр Гунтун Чуси Чжунде Луньтань Гунсу Чуансинь Бин Фабао Яньцзян = Ли Кэцян и канцлер Германии Меркель принимают участие в китайско-германском форуме Совместное формирование инноваций и выступают с речью [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0602/c1024-29312695.html>. – Дата доступа: 20.03.2022. (на кит. яз.).

8. Frietsch, R. German-Sino collaboration in science, technology and innovation / R. Frietsch, U. Tagscherer // Fraunhofer ISI Discussion Papers-Innovation Systems and Policy Analysis. – 2014. – Р. 30.

9. Чжунде 25 вэй Бучжан Юньцзюан Лянго Цзунли Цзяньчжэн Шифанлэ насе Синьхао = 25 Министры Германии и Китая проводят консультации в режиме онлайн, какое сообщение отправили премьер и канцлер вместе [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/29/content_5603877.htm. – Дата доступа: 18.03.2022. (на кит. яз.).

О ФОРМАХ И МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ В XV–XX вв.¹

Е. Е. Барсуک

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Познание прошлого предполагает отбор, хранение и передачу знаний о нём, а также способность людей осмысливать свой жизненный опыт и опыт предыдущих поколений, трансляция которого невозможна без памяти.

Память представляет собой знания человека о мире, информацию о должном поведении в обычной жизни и чрезвычайных условиях. Для формирования исторической памяти важны три обстоятельства: забвение

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору № 1410/2021 от 22.03.2021.

прошлого; различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий; открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.

Процесс отбора, анализа и систематизации знаний о прошлом соотносится с механизмами формирования исторической памяти в виде «коммеморации» (зафиксированных воспоминаний о прошлом) и «рекоммеморации» (забвения, стирания из памяти отдельных событий).

Забвение – неотъемлемый элемент исторической памяти, который не только изменяет образ прошлого, но и создает целостное и логичное восприятие событий, отсекая лишнее. В противном случае, история превратится в нагромождение фактов.

Образ прошлого зависит не только от сохранившихся сведений, но и от его значения, собственно исторического контекста, значения, придаваемого ему потомками, и значения, навязываемого отдельными людьми или социальными группами в собственных целях. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для индивида или общества. Образ прошлого – это всегда отражение наших интересов [1, с. 10–14].

Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и сообщества людей запоминать или забывать определённые события прошлого. Передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной. Но критерии достоверности образа прошлого были разными в разных обществах. Представление о том, что важно знать о прошлом, также изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для общности одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью. Отдельные события и персонажи прошлого могли приобретать в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами. Истории многих народов и могущественных династий начинались с рассказов о богах и героях, воспринимавшихся в качестве первопредков и зачинателей всех будущих событий.

Для средневековой историографической традиции Европы идеальным образцом была Библия Вульгата (на латинском языке). Однако прослеживалась авторская версия прошлого и интерпретация его связей с настоящим. В отличие от европейских хроник древнерусское, затем белорусско-литовское летописание ставило своей задачей не только создание правдивого рассказа о прошлом и достоверной фиксации настоящего, но и выполняло функции религиозного, дидактического и прагматического характера. Летописи содержали краткий очерк основных событий библейской истории и ставили их в общий ряд событий местной истории.

Фиксирование образов прошлого на белорусских землях в XV–XVIII вв. характеризовалось традиционными формами историописания:

летописями, хрониками, религиозно-полемической и мемуарной литературой. Большинство источников белорусского происхождения этого периода дошло до современников в виде летописных сводов и изборников. Они также содержат тексты религиозного содержания.

Первый летописный свод 1446 г. также содержит несколько списков: Никифоровский, Супрасльский, Слуцкий, Академический, Виленский и объединяется наличием во всех них части под названием «Летописец Великих князей Литовских». Именно он стал ядром всех белорусско-литовских летописных сводов [2, с. 29, 37].

В состав каждого списка входят различные части. Так, Супрасльский список включает в себя «летописания» до 1427 г., «Похвалу Витовту», некоторые смоленские сведения и о княжении Свидригайлы и его борьбе с Сигизмундом Кейстутовичем, Киево-Печерский патерик.

Ядром второго летописного свода, созданного в 20-е гг. XVI в., является «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», появление которого было обусловлено новыми общественно-политическими условиями и необходимостью исторического обоснования права Великого княжества Литовского на белорусские и украинские земли и доказать знатное происхождение княжеской династии. Его создание вписывается в общеевропейскую тенденцию XVI в. – создание мифических национальных генеалогий, связанных с древним происхождением народа. Ко второму летописному своду причисляют списки Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевский, Румянцевский, Евреиновский [2, с. 38].

Огромное значение и популярность в Королевстве Польском, ВКЛ, затем Речи Посполитой имели так называемые польские хроники. Это «Хроника» М. Стрыйковского, «О происхождении и истории поляков» Мартина Кромера, «Хроника всего мира» Мартина Бельского и «Хроника Польская» Е. Бельского, «Описание европейской Сарматии», авторы которых пользовались сведениями многих летописных списков. Постепенно летописание угасает, но значение хроник сохраняется и даже возрастает.

Изменение исторических условий в середине XVI в. обусловило создание третьего Летописного свода, более известного как «Хроника Быховца». Произведение включает в себя дополненные «Летописец Великих князей Литовских», «Хронику Великого княжества Литовского» и оригинальные сведения [2, с. 47].

Историческая репрезентация на белорусских землях в XVII–XVIII вв. представлена эволюцией традиционных форм и возникновением новых, таких как мемуарная литература. Преемницей средневековой традиции и одновременно носителем идей Реформации и Контрреформации была религиозная полемика первой половины XVII в., обусловив дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к Брестской церковной унии.

Религиозно-полемические произведения отражали изменение конкретно-исторических условий как в Европе и Речи Посполитой, так и на белорусских землях, эволюцию ценностей, целей и задач определенных социальных групп, усложнение общества с его многообразными социально-политическими запросами.

Историческое сознание XVII в. претерпевало колоссальные изменения в результате Ренессанса с его идеями гуманизма и вольнодумства, Реформации и религиозных войн, утраты солидарности всего христианского мира, Контрреформации и создания Московского патриархата, распространения униатства и инкорпорации православной элиты в польскую шляхту путем принятия католичества, заимствования польской культурной традиции и социокультурного раскола общества на статичную народную культуру и шляхетскую.

Большая часть шляхты, преимущественно средней и мелкой, придерживалась одних и тех же убеждений, общественных и политических взглядов, цитировала одних и тех же авторов. Единые шляхетские привилегии, участие в единых формах политической жизни, унификация образования обусловили формирование единой ментальности и идеологии независимо от этнической, конфессиональной принадлежности и имущественного положения. Значительная роль в формировании «народа шляхетского» принадлежала идеологии сарматизма, которая определяла стиль жизни и способ мышления шляхты Великой Сарматии (Речи Посполитой, державы вольностей шляхетских). Сложился идеальный образ сармата – патриота своей Отчизны и шляхетского сословия, храброго рыцаря и защитника общественных интересов независимо от собственных амбиций, искусного оратора, гостеприимного, искреннего, гордого и свободного человека, убежденного в своей культурной, политической и национальной исключительности [3, с. 150].

К типу регулярных дневников можно отнести метеорологические и политические записки Храповицкого и Незабытовского. Среди произведений историко-мемуарной литературы первой половины XVII в. можно назвать «Диариуш» Самуила Маскевича, состоящий из двух частей: дневниковой (1594–1604) и мемуарной (1605–1621). Автор повествует о своей военной службе королю Речи Посполитой (принимал участие в подавлении рокоша против Сигизмунда III Вазы, в событиях Смутного времени в Русском государстве, был судьей и писарем в Новогрудке).

Ярким памятником мемуарной литературы эпохи барокко является «Диариуш о событиях в Польше» Альбрехта Станислава Радзивилла о событиях 30–50-х гг. XVII в. Автор занимал различные государственные должности, в том числе и канцлера ВКЛ, выполнял дипломатические миссии, основал иезуитский коллегиум в Пинске. Воспоминания Яна Цадровского, служившего у Б. Радзивилла также содержат сведения о событиях 50–80-х гг. XVII в. в ВКЛ.

Своеобразным сочетанием антиуниатской полемической и мемуарной литературы является «Диариуш» Афанасия Филипповича, игумена Брестского Симеоновского православного монастыря. Его произведение является сборником различных по жанру, сюжету и назначению частей, 10 из них написаны непосредственно самим игуменом. Части объединены вставками, целостностью, яркостью и некоторой эпатажностью авторского образа и радикальными авторскими взглядами. Афанасий Брестский был сторонником исихазма (православного этично-аскетического учения) [4].

Основной формой фиксации процессов коммеморации и рекоммеморации образа прошлого белорусов в XIX – начале XX вв. был исторический нарратив в виде этнографических исследований и фольклористики, а также специальных и обобщающих исторических трудов.

Механизмы формирования исторической памяти народа – коммеморация и рекоммеморация взаимосвязаны и взаимодополняемы, поскольку в них фиксируется и транслируется актуальный образ прошлого, обусловленный конкретно-историческими условиями, задачами и интересами социальных групп общества.

Разделы Речи Посполитой и вхождение в состав Российской империи белорусских земель изменили социально-политические, экономические и культурные условия развития и актуализировали иное содержание коммеморации и рекоммеморации. Эти механизмы формирования исторической памяти нашли отражение в идеологии западнорусизма и официальной концепции «триединого русского народа», верного православию и противостоящего католицизму на Западе, существование которой было обусловлено противостоянием с «великопольской» концепцией.

Образ прошлого в Российской империи закреплялся на основе православно-консервативных позиций. Однако XIX в. – это также время кризиса сарматизма и его замена местным патриотизмом, время национально-культурного возрождения, развития белорусоведения и театра, складывания белорусского литературного языка и формирования белорусской национальной идеи.

Исследования фольклора и быта, истории и культуры населения Северо-Западного края закрепили представления об этнографической самобытности края. Образ прошлого, как символическая система транслируемых из поколения в поколение исторических данных и мифов, наиболее ярко выражен в фольклоре, поскольку именно устное народное творчество сохраняет и передает бесценный исторический опыт предков.

Так, один из основоположников белорусской фольклористики Н. Я. Никифоровский рассматривал фольклор как основной компонент социализации (воспитания и передачи опыта, структурирования времени и выстраивания отношений) и мировоззренческую основу человека и общества.

Одна из первых попыток обобщения и систематизации истории Беларуси от времени расселения славян и появления норманов, истории Полоцкого княжества до истории ВКЛ и Речи Посполитой была предпринята И. В. Турчиновичем в работе «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен», изданной в 1857 г. По его мнению, история Беларуси самостоятельна и делится на два периода: древний и новый, который начинается с XV в. и тесно связан с политической историей Литвы, Польши и России. С этого времени Беларусь стала «по своему географическому положению ареной решения вопросов политической жизни этих государств силой оружия, последствия этой кровопролитной борьбы и составили судьбу и новую историю Белорусского края» [5, с. VIII].

В целом, исторический нарратив XIX в. во всем многообразии отражал общественные установки и идеологические предпочтения социальных общностей Российской империи в целом и национальных окраин, в том числе и Северо-Западного края, заложил основы белорусоведения, способствовал формированию «местного патриотизма» и национального движения в начале XX в.

Создание белорусской национальной историографии относится к переломной эпохе начала XX в., которая характеризовалась ростом национально-освободительного и демократического движений в Европе в целом, и на белорусских землях, входивших в состав Российской империи. Эти процессы были обусловлены ростом национального самосознания и борьбой за сохранение идентичности и права на самоопределение наций, нашедших отражение в формировании национальной исторической школы, изданием первых обобщающих систематизированных работ по истории Беларуси, утверждавших самобытность, самостоятельность культуры, языка и традиций.

Первая систематизированная работа о Беларуси, изданная для белорусов на белорусском языке в 1910 г. в Вильно под названием «Кароткая гісторыя Беларусі», принадлежит В. Ластовскому. В предисловии автор отмечал, что издание не является результатом научного исследования, а представляет собой короткий систематизированный очерк истории, составленный на основе различных российских, польских и украинских источников, необходимый для строительства жизни народа и познания истории Отечества на родном языке. В его работе история Беларуси отражена как история княжений, войн и политических событий, дополненных сведениями по истории культуры.

М. В. Довнар-Запольский был ярким представителем социально-экономического направления в белорусской историографии. В обобщающей работе «История Белоруссии» он сосредоточил свое внимание на основных политических событиях, социально-экономической жизни, государственном строе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Однако

«История Белоруссии» была запрещена к изданию как «выражающая позицию белорусского национального демократизма» в 1926 г. и впервые увидела свет только в 1994 г.

Научно-популярное издание В. М. Игнатовского «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» считался первым марксистским курсом по белорусской истории, отражал новые подходы автора к историческим событиям с интересными и логичными выводами. Автор отрицал тезис дореволюционных и клерикальных историков о «католической агрессии» и «борьбе народных масс за православие и воссоединение с Россией» и противоречил таким же положениям в советской историографии, но рассматриваемым с марксистских позиций.

В начале XX в. исторический нарратив характеризуется становлением белорусской национальной историографии, в рамках которой формируются отдельные направления: национально-демократическое, государственное и социально-экономическое. Такое деление достаточно условно, поскольку разница между ними невелика и представлена различными приоритетами исследования.

Таким образом, основной формой репрезентации исторического прошлого белорусов в XV–XVI вв. было летописание. Эволюцией традиционных форм и возникновением новых, таких как мемуарная литература в виде дневников и воспоминаний характеризуется образ прошлого белорусов в XVII–XVIII вв. Исторический нарратив становится преобладающей формой репрезентации прошлого в XIX – начала XX вв., который во всем многообразии (в рамках официальных концепций «русской народности», «триединого русского народа» и западнорусизма или «местного патриотизма» и национальной идеи) отражал общественные установки и идеологические предпочтения социальных общностей Российской империи в целом и национальных окраин, в том числе и Северо-Западного края, заложил основы белорусоведения, способствовал формированию национального движения в начале XX в.

Список использованных источников

1. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
2. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі : вучэбны дапам. – Гродна : ГРДУ, 2000. – 161 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экоперспектива, 2003–2011. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.
4. Коршунов, А. Ф. Афанасий Филиппович: Жизнь и творчество / А. Ф. Коршунов. – Минск : Наука и техника, 1965. – 184 с.
5. Турчинович, О. Обозрение истории Белоруссии / О. Турчинович. – СПб. : типография Эдуарда Праца, 1857. – 313 с.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОАЛИЦИОННЫХ КАБИНЕТОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ (МАЙ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)

**В. М. Богданов
ГГУ им. Ф. Скорины (Гомель)**

Двумя самыми заметными событиями 1917 г. стали Февральская и Октябрьская революции в России. Уже Февральская революция привела к существенным изменениям во внешней политике государства. В данной статье мы попытаемся определить важнейшие черты и направления внешней политики России, проводимой коалиционными правительствами России в период с мая по октябрь 1917 г.

Падение насчитывавшей более трехсот лет монархии, преобразования в общественной жизни, смена политического курса вызывали восхищение и приковывали к себе внимание всего мира. Помимо восторженности, интерес был обусловлен и прагматическими соображениями. Первая мировая война длилась уже третий год. Обе стороны понесли огромные жертвы, но исход все еще оставался неопределенным. Материальные и людские резервы Антанты чуть ли не вдвое превосходили резервы Четверного союза, но на его стороне оставалось военное преимущество. На весну 1917 г. Антанта наметила генеральное наступление. Опираясь на большую разницу в силах, Антанта планировала полностью сокрушить страны Центрального блока [1, с. 287]. Залогом победы должны были стать скоординированные действия на всех театрах военных действий. После революции в России с особой остротой проявлялся вопрос: будет ли она продолжать войну и каких целей будет добиваться теперь? Ответы на эти вопросы имели огромное значение для союзников России и первостепенное для нее самой. Выбранная Временным правительством политика предопределила развитие событий в стране на протяжении 1917 г. На крах Временного правительства в том числе оказал влияние и принятый внешнеполитический курс.

К сожалению, в имеющейся на сегодня историографии внешняя политика предоктябрьской России не освещена достаточно полно. Число монографий по данной теме измеряется единицами, а статей лишь несколькими десятками. На этом сказалось то, что предоктябрьский период в истории России оказался переходным. Успехи во внешней политике были достаточно блеклыми. Они мало чем выделялись на фоне царской дипломатии, а понесенные утраты с лихвой их перекрывали. Было бы несправедливым говорить о полной тождественности старого и нового курса, но и о их полном разрыве сказать нельзя. Внешняя политика Временного правительства потерпела полный крах, причем за небольшой период, потому в ее исследовании ученые не видели большой ценности. В советских исследованиях внешняя политика Временного правительства получила негативную оценку. Наибольшую резкость она имела в период с 20-х по

60-е гг. XX в. После этого самые одиозные тезисы были отброшены, а оценки стали более объективными [2, с. 213].

Внешнюю политику России в марте – октябре 1917 г. можно разделить на два больших периода, соответствующих тому, кто занимал пост министра иностранных дел. В марте-апреле МИД возглавлял лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков. Под давлением уличных выступлений и подчиняясь решению других министров, он был вынужден передать свой пост беспартийному М. И. Терещенко и покинуть правительство [3, с. 111]. В настоящее время милюковский период исследован значительно полнее, что связано со всплеском интереса в 90-х гг. XX в. к русскому либерализму и к фигуре П. Н. Милюкова в частности. Деятельность его преемника не получила так много внимания. Исследований, которые были бы специально посвящены деятельности М. И. Терещенко, нам в настоящее время неизвестно, хотя он был министром иностранных дел с мая по октябрь 1917 г. – почти в три раза больше, чем П. Н. Милюков. Мы полагаем, что в истории России этот период является не менее значимым, и заслуживает самостоятельного исследования. Ниже мы постараемся обозначить основные черты, свойственные этому периоду.

Апрельский кризис был вызван разногласиями между буржуазными и социалистическими политиками по вопросу о целях войны. Первые выступали за сохранение прежнего курса, доставшегося Временному правительству еще от дипломатии времен монархии. Напротив, социалистические партии выступали за пересмотр секретных соглашений, отказ от аннексий и контрибуций, скорейшее заключение мира, основанного на «братстве» народов. После Апрельского кризиса Временное правительство было реформировано: около 40 % постов в нем заняли министры-социалисты, пришедшие из Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов [3, с. 121].

Обновленное правительство выпустило декларацию. Ее первый пункт провозглашал: «Во внешней политике временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий, – мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов» [4, с. 488]. Таким образом, в самых общих чертах в декларации излагалась позиция Временного правительства по важнейшим проблемам внешней политики: заключению мира, территориальным приобретениям, контрибуциях.

Новый состав Временного правительства решительно отверг заключение сепаратного мира. В этом были едины и социалисты, и несоциалисты. Однако, их аргументация значительно отличалась. Для последних участие в войне оправдывалось защитой национальных интересов и катастрофическими потерями в случае заключения мира на выгодных для Германии условиях. Для социалистов необходимость продолжать войну была

обусловлена тем, что только победа над немецким империализмом позволит заключить справедливый мир «без аннексий и контрибуций». Сепаратный же мир приведет к уничтожению революции в России и сделает невозможным торжество демократических принципов в международной политике [5, с. 1].

Вопрос об аннексиях и контрибуциях выявил значительные разногласия между социалистами и ценовым элементом. Для большинства российских социалистов была характерна убежденность в том, что Первая мировая война развязана в интересах буржуазии и не ведется в народных интересах. Единственным приемлемым выходом из этого было немедленное заключение мира, в котором не будет ни победителей, ни побежденных, ни национальных угнетений. Любые неравноправные действия, будь то захват территорий или взимание контрибуций, полагали социалисты, озлобит побежденных против победителей и приведет к развязыванию очередной войны. Только отказ от каких бы то ни было санкций в силах прекратить национальную вражду и установить справедливый прочный мир [5, с. 1].

Предшественник М. И. Терещенко, иронично прозванный Милюковым-Дарданелльским, ни в частных беседах, ни в публичных выступлениях, ни в правительственных декларациях не соглашался на пересмотр аннексионистских соглашений [6, с. 308–309]. Это сделал М. И. Терещенко, в первые месяцы на должности вынужденный постоянно оглядываться на требования Петроградского совета. Один из предводителей меньшевиков Г. И. Церетели вспоминал, что поначалу сотрудничество министра иностранных дел и Петросовета проходило очень гладко: «Терещенко, действительно, лояльно сотрудничал с нами за все время существования первого коалиционного правительства. Он осведомлял нас обо всех своих сношениях с союзными правительствами и не предпринимал ничего, не посоветовавшись с нами» [7, с. 112].

Тем не менее, в изменения, внесенные М. И. Терещенко, вкрался значительный нюанс. Его суть заключалась в словах «на началах самоопределения народов». В интерпретации нового министра отказ от аннексий вовсе не означал отказа от территориальных приобретений. В августе М. И. Терещенко отстаивал мысль о том, что самоопределение народов вовсе не означает их отделения от прежнего государства. Не все народы, говорил министр, желают обрести полную самостоятельность. Многие предпочли бы иметь автономию в составе государства, которое защитит их интересы. Польше Временное правительство предоставляло практически полную независимость, за исключением обязательного военного союза с Россией. Восточная Галиция и Турецкая Армения должны были войти в состав России [6, с. 377].

Такую же эластичность М. И. Терещенко проявил в вопросе о контрибуциях [6, с. 468]. Он указывал на то, что военные действия практически не велись на территории стран Четверного союза. Германия и ее союзники произвели огромные разрушения на оккупированных территориях. Уничто-

жались, причем иногда и намеренно, культурные ценности. Покоренное население было обложено тяжелыми контрибуциями. Отказаться от компенсации, отмечал М. И. Терещенко, было равносильно выплате Антантой Центральному блоку огромной суммы. Добиться настоящей реализации принципа «без контрибуций» можно было, только подвергнув Германию и ее союзников репарациям [8, с. 394].

Наиболее ожесточенные споры между либерально-консервативными кругами и социалистами вызывал вопрос о проливах. Для первых контроль над проливами был главным призом войны. Он обещал сделать южное побережье неуязвимым для вторжения враждебного флота и обеспечить России твердый контроль над сбытом товаров через южные моря. Однако, реализация стратегических и экономических интересов не находила сочувствия у социалистов, основывавших внешнюю политику на этических принципах [9, с. 169–170]. Присоединение Константинополя и «хинтерланда» никак не могло быть оправдано самоопределением народов.

В данном случае М. И. Терещенко вновь избрал промежуточную линию. В мае он указал на несвоевременность пересмотра целей войны, включая и вопрос о проливах. М. И. Терещенко последовательно отказывался от нейтрализации проливов за исключением ситуации, в которой бы все великие державы произвели морское разоружение. Однако, в отличие от предшественника, М. И. Терещенко перестал настаивать на аннексии прилегающих к проливам участков суши. Новый министр считал, что наилучшим выходом для России будет обеспечение контроля над проливами через систему международных договоров, которые установили бы нужный России режим в проливах без непосредственного их занятия [10, с. 595–596].

Политика Временного правительства в бытность министром иностранных дел М. И. Терещенко отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Министр иностранных дел в условиях коалиционного правительства вынужден был лавировать между его либеральной и социалистической частями. Это привело к тому, что МИД и правительство в целом проявляли последовательность лишь в деле отказа от сепаратного мира. Но будущий мир различным политическим силам в составе Временного правительства виделся по-разному. В таких вопросах, как право наций на самоопределение, захват Черноморских проливов, коалиционное правительство пыталось сочетать проведение политики в соответствии с российскими государственными интересами (имперской по сути) с лозунгами, выдвигавшимися социалистическими партиями. Внешняя политика коалиционных правительств содействовала углублению политического кризиса в стране.

Список использованных источников

1. История первой мировой войны 1914–1918 гг. : в 2 т. / И. И. Ростунов [и др.] ; под ред. И. И. Ростунова. – М. : Наука, 1975. – Т. 2. – 670 с.

2. Бон, Т. М. Внешняя политика России в 1917 г.: от конфликта политических лозунгов к спорам в историографии и конфликту источников / Т. М. Бон, Ю. М. Малышева, А. А. Сальникова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 208–222.

3. Милуков, П. Н. История второй русской революции : в 3 вып. / П. Н. Милуков. – София : Российско-Болгарское издательство, 1921–1923. – Т. 1, вып. 1. – 249 с.

4. Декларация временного правительства // Константинополь и проливы по секретным документам б. Министерства иностранных дел : в 2 т. / сост.: Е. А. Адамов. – М., 1925. – Т. 1. – С. 487–489.

5. Обращение Совета «К народам всего мира» // Известия. – 1917. – № 15. – С. 1.

6. Михайловский, Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства : в 2 кн. / Г. Н. Михайловский. – М. : Международные отношения, 1993. – Кн. 1 : Август 1914 – октябрь 1917. – 519 с.

7. Церетели, И. Г. Кризис власти / И. Г. Церетели. – М. : Центрполиграф, 2007. – 256 с.

8. Васюков, В. С. Внешняя политика Временного правительства / В. С. Васюков. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

9. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте : пер. с англ. Г. А. Шахова / А. Ф. Керенский ; научный консультант Р. Кантор. – М. : Издательство «Республика», 1993. – 384 с.

10. История внешней политики России / А. В. Игнатъев [и др.] ; под ред. А. В. Игнатъева. – М. : Международные отношения, 1997. – 672 с.

ПРОМЫСЛЫ ЖИТЕЛЕЙ МОЗЫРСКОГО УЕЗДА В XIX ВЕКЕ

З. С. Варнава

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь),

И. Н. Колбасина

ГУО «Гимназия г. Калинковичи» (Калинковичи)

Непрерывные леса и открытые болота, пустынное и безлюдное пространство с непроходимыми весной и осенью дорогами – такой увидели Мозырщину этнографы XIX в. Исследователь И. Эремич с большой любовью описывал суровые и дикие места Полесья: «Болота, то длинные как реки, то широкие как озера, подернутые дымкой легкого тумана, стелются перед вами до самого горизонта и исчезают в синеве дали. В глубине перспективы поднимаются из болота высокие острова, покрытые гигантской растительностью, нога ваша никогда не ступит на эту землю неведомую. Это почти Америка, ожидающая своего Колумба» [1, с. 108].

В 1863 г. Географическо-статистический словарь Российской империи сообщал о Мозырском уезде: «площадь уезда, известная под именем Мозырщины, занимала южную часть Полесья; она представляла более или менее непроходимую низменность, в которой леса (56 %) и открытые болота занимали едва ли не более 4/5 всей площади. Исключение составляли возвышенности на левом берегу Припяти близ местечек Петриков, Туров и города Мозыря» [2, с. 288]. Из девяти уездов Минской губернии Мозырский

уезд в XIX веке был самым большим по площади и наименьшим по численности населения. «При обозрении других уездов губернии мы увидим, что нигде нет такого отношения между количеством леса и народонаселением уезда, а поэтому естественно, что лесные промыслы в Мозырском уезде должны составлять важнейшую ветвь народного богатства» [3, с. 24]. Несмотря на сложные природные условия, местные жители с удивительным упорством и трудолюбием не только выживали, но и оставили ценнейший опыт трудовой деятельности, представленный разнообразными промыслами. Под промыслами в этнографической литературе понимаются подсобные в сельском хозяйстве занятия, которые отличаются от земледелия и животноводства. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии, изданное в 1870 г. сообщало: «В Мозырском уезде существуют все три рода промышленности: добывающая, обрабатывающая и промывающая». Добывающая промышленность состояла из хлебопашества, огородничества, садоводства, лесоводства, скотоводства, пчеловодства и рыбной ловли [3, с. 22]. По сведениям П. Семенова, самыми распространенными промыслами жителей уезда были: лесной (рубка и сплав леса по рекам, сдирание лыка, изготовление рогож и лесных изделий); лесохимический (добыча дегтя и смолы с помощью подсочки живицы, производство канифоли и скипидара из живицы, жжение угля, выварка поташа); рыболовство, охота на зверей и птиц, пчеловодство [6]. Производимые и добываемые изделия крестьяне не только использовали для собственных нужд, но и продавали. В период с 1859 по 1862 гг. на 17 пристанях Мозырщины, кроме Мозырской, ежегодно грузилось леса и лесных материалов на 105 784 рубля. Из них: на 25 686 руб. – смолы, на 50 666 рублей – дегтя и плотов со смолою, на 1728 руб. – камня и извести. Самой удобной из всех пристаней была Петриковская, разгрузка товаров осуществлялась только на Мозырской пристани [2, с. 289]. И. Эремич в 1867 г. в «Очерках белорусского Полесья» писал: «Полешук всегда чем-нибудь занят, и, не зная, на что употребить и куда девать руки в дни праздничные, скоблит или режет какой-нибудь прутик ножиком, вечно болтающимся на ремешке у левого его бока. В длинные вечера зимние и осенние, когда лучина ярко горит же, при свете лучника плетет веревку, или лапоть, вяжет сеть, гнет обод, выделяет полоз, ось, телегу или дробит лучину [1, с. 212]. В историко-статистическом описании Мозырского уезда приводятся сведения о лесных продуктах, добываемых в Мозырском уезде: «английские брусья, сосновые, дубовые, ясеневые колоды, березовые дручки, кроквы, латы, сваи, дрова сосновые, ольховые, березовые, дубовые, ободья ясеневые, клепка дубовая. Судна: берлины, баркасы, барки, лубы, гиляры, чайки, деготь, скипидар, трон, береста для дегтю, береста для тикю. Кроме этого, крестьяне повсеместно занимались выделкой колес, телег, саней, бочечной посуды разных размеров, оконных рам, деревянных ложек, корыт, чашей и пр., сбываемых в базарные

дни в городах и местечках». Таким образом, лес давал обильную работу местному населению и, следственно, представляя широкое поле для заработков [3, с. 25]. В 1879 г. этнограф-исследователь В. Маракуев сообщал: «множество прусских немцев рассеяно по лесам Полесья: они занимаются здесь приготовлением так называемой клепки, небольших дубовых брусков, отправляемых в Пруссию на бочки... Этому весьма выгодному ремеслу не выучился ни один полешук, несмотря на то, что выделывание клепки существует здесь с незапамятных времен и оплачивается весьма дорого» [4, с. 18]. В 1894 г. исследователь А. П. Смородский писал: «изделиями из дерева занимаются крестьяне волостей – Лясковицкой, Тонежской, Дяковицкой, Михалковской, Слободо-Скрыгаловской, Хорской, Житковичской, Копаткевичской, Мозырского уезда. Они выделывают из дерева сохи, бороны, сани, целые телеги и отдельные части к ним (ободья, колеса, оси); оглобли, ярма для волов, а также бочки, бочонки, ушаты, ведра. В м. Копаткевичи, Каролин, Скрыгалов, Давид-городок и селах – Мелешковичи, Михалки, и м. Лахва Мозырского уезда три еврея и один крестьянин из ракитового корня выделывают коробки, корзины, шляпы, сундуки, оплетают экипажи и посуду» [6, с. 25]. В 1896 г. Энциклопедический словарь И. А. Эфрона и Ф. А. Брокгауза привел сведения о занятиях жителей Мозырского уезда: «главное занятие жителей – лесные промыслы: заготовка леса, постройка судов, выделка колес, саней, телег и разной деревянной посуды» [7, с. 608]. В 1898 г. Памятная книжка Минской губернии сообщала: «в Мозырском уезде занимаются выделкою посуды из дерева, мебели, принадлежностей для обработки полей, езды, строят лодки и небольшие суда (дубы), а в местечке Лахва 6 человек плетут из ракитового корня корзины, оплетают посуду, мебель, повозки, продавая всего в год на 1000 рублей; плетут лапти из лыка, коробки (вереньки) из бересты и лозы» [2, с. 28].

Глинистая, болотистая и песчаная почва уезда и наличие залежей железной руды предопределили еще одно промысловое занятие местного населения – обработку руды в руднях, изготавливающих железо, причем, по мнению П. Семенова, лучшие пласты железной руды залежали вдоль реки Словечно [6, с. 288]. Стоит отметить, писал П. Семенов, что «по глухим местам Полесья живут почти в диком состоянии семейства будников и рудников» [6, с. 7]. Наличие глиняных почв в уезде способствовало развитию производства кирпича и горшков для хозяйственных нужд, а также переработке известняка, который пережигали на известь. «Изделиями из глины занимаются преимущественно в м. Давид-Городок, Туров и Петриков Мозырского уезда» [5, с. 31].

Как и в Глухом Полесье, так и в Малом, многие селяне занимаются рыбной ловлей [4, с. 30]. Рыбная ловля составляла не менее важный промысел в Мозырском уезде: «река Припять чрезвычайно богата рыбой и ее притоки покрываются в весеннее время громадной массой рыбы. Все озёра уезда

доставляют огромный улов; кроме того, мозырские болота кишат вьюнами, которых жители ловят в огромных количествах. Почти все жители деревень и сёл, лежащих поблизости рек и озёр, промышляют рыбной ловлей, особенно зимой и весной; кроме рыбы в Мозырском уезде ловится очень большое количество раков, количество, далеко превосходящее местное потребление и их продают мешками варшавским купцам, извлекая из этого большой доход [5, с. 27]. Еще одним, не менее важным промыслом для Мозырщины, было пчеловодство. Причем местные крестьяне приручали преимущественно лесных пчёл. «По всему Полесью на высоких деревьях вы встретите ульи; нередко улей или два вместе укреплены между двумя близко стоящими деревьями. Это – борти, древнейший первобытный способ пчеловодства» [4, с. 9]. Бортовое пчеловодство было распространено повсеместно. По инвентарю 1846 г. на 100 крестьянских дворов приходилось по 293 улья [6, с. 289].

Немалое значение в жизни полешука имела охота. «Охота при громадном количестве дичи и зверей была чрезвычайно распространена на Полесье до 1863 г. В настоящее же время, когда правительство нашло себя вынужденным запретить иметь огнестрельное оружие, охота значительно уменьшилась, хотя далеко не прекратилась вовсе» [3, с. 28]. Отрывочные статистические сведения о развитии промыслов в Мозырском уезде в XIX в. дополняют кустарные промыслы, которые повсеместно были распространены в губернии и использовались, в основном, на потребности домашнего хозяйства. «В Мозырском уезде из шерсти простых овец ткнут узорчатые цветные материи для юбок, а также выделывают из льна грубый и тонкий холст; местами развито приготовление из соломы шляп, корзин и прочих предметов, выделка корзин из лозы сукна, кожевенное производство (мозырские кожи отличались прочною выделкою и хорошо продавались), огородничество процветает единственно потому, что огородные овощи составляют важное подспорье для хлеба в домашнем быту» [2, с. 28]. Только возле Мозыря мещане занимаются разведением лука, репы, дынь, арбузов, продаваемых в разных местностях Мозырского уезда [6, с. 289]. При слабом развитии городской промышленности значительная часть городских жителей занималась отходными промыслами, огородничеством, разведением животных и птицы как для личного использования, так и на продажу.

Разнообразие промыслов на Полесье давало возможность бедному крестьянину достаточно легко пережить постные дни: «В постные дни, которых полешук-простолюдин никогда и ни за что не нарушит, для него больше раздолья в пище, чем в скоромные. Огородные и полевые растения (листья щавеля, крапивы, лебеды, кислицы, лука лугавого, молодые ростки аира) употребляли и свежими. Большое значение имели хрен и тмин и как пища, и как приправа. Различные фрукты и ягоды, в свежем и в сухом виде; различные ягоды балуют его самыми приятными и здоровыми лакомствами. Невообразимое обилие всех видов грибов дает ему самую сочную, вкусную и

ароматную пищу летом, самую лучшую приправу всякого кушанья зимой. Постное масло для кушанья туземец выжимает у себя дома из льняных семян и весьма редко из конопляных, маковых, еще реже из орехов или тыквенных семечек. Но самое обыкновенное, самое вкусное и питательное блюдо полешука, особенно в пост, – рыба. У него такое ее обилие, что тот только не наловит ее, кто не хочет, или не может. Рыба кишит, так сказать, в его водах» [1, с. 125].

Даже краткий взгляд на хозяйственное развитие Мозырского уезда дает основания утверждать, что в этом глухом и диком уголке Полесья в XIX в. были развиты почти все известные на белорусских землях промыслы, среди них наибольшее значение имели так называемые добывающие (собираательство, охота, рыболовство, пчеловодство, лесной и лесохимический) промыслы.

Список использованных источников

1. Эремич, И. Очерки Белорусского Полесья / И. Эремич // Вестник Западной России. – Вильно, 1867. – Т. 3, кн. VIII. – С. 108–133 ; Т. 4, кн. IX. – С. 201–222.
2. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1898 год. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск, 1897. – 320 с.
3. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. – Минск, 1870. – Вып. I : Труды Минского губернского статистического комитета. – С. 1–41.
4. Маракуев, В. Полесье и Полешуки: (из путевых записок) / В. Маракуева. Сер. Знакомство с Отечеством. – М. : Типография А. Клейн, 1879. – Вып. 1. – 32 с.
5. География Минской губернии (Родиноведение) ; сост. А. П. Смородский / Издание Минского губернского Статистического комитета. – Минск : Паровая типо-литография Х. Я. Дворжеца, 1894. – 46 с.
6. Семенов-Тян-Шанский, П. П. Географическо-статистический словарь Российской Империи: сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва П. Семенов / П. П. Семенов-Тян-Шанский. – СПб., 1866. – Т. 3 : [Л - Оять]. – 743 с.
7. Энциклопедический словарь : в 41 т. / Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург) ; начатый проф. И. Е. Андреевским, продолж. под ред. К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевского. – СПб. : Типо-литогр. И. А. Ефрона, 1890–1904. – Т. XIX А : Михаила орден – Московский телеграф. – 1896. – 958, [II] с.

ВКЛАД НИКОЛАЯ ПУШКАРЯ В РАЗВИТИЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

**З. С. Варнава, А. В. Белевич
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)**

Особого внимания в истории декоративно-прикладного творчества Припятского Полесья заслуживает деятельность Пушкаря Николая Никитовича. Николай Никитович – выдающийся художник-керамист, член КПСС с 1963 г., участник Великой Отечественной войны. Жил и работал в городе Мозыре. Участвовать в художественных выставках начал с 1962 г. Его работы, выполненные в мягких, округлых формах, из натурального

материала, подчеркнутого фактурной или орнаментальной обработкой поверхности, определяются лиричностью и выразительным психологизмом, а также хорошим знанием автором народных обычаев. Очень часто работы Пушкаря Н. Н. характеризуются юмористической трактовкой сюжетов и персонажей. Среди шедевров художника-керамиста необходимо отметить такие работы, как «Белорусская картошка» и «Братья-белорусы» (1966), «Мы с тобою, как рыба с водою» (1975), «Полешук-песняр» (1976), «Дударики-Дудары» (1978), «Кум и кума» (1979), «Стрижка под горшок» и «Полесские напевы» (1980), «Мой родны кут» (1981), «Лирник», «Мозырь» и «Сон полешука» (1982), «Гармонист» (1983), «Нестерка» (1984), «Семейный хор» (1985) и другие.

Родился Николай Пушкарь 8 мая 1919 г. в г. п. Борисовка Борисовского района Белгородской области (Россия). Однако за 27 лет жизни в г. Мозыре и город, и Беларусь стали для него второй родиной. Именно здесь расцвело его творчество, он всей душой полюбил Полесский край, трудолюбивый, честный белорусский народ. С младенчества, оставшись круглым сиротой, Николай Пушкарь воспитывался в детской колонии выдающегося советского педагога Антона Семеновича Макаренко. Николай хорошо рисовал, поэтому в 1932 г. по ходатайству русского писателя Максима Горького был зачислен на учебу в Харьковское художественное училище [1].

Великая Отечественная война застала Николая Пушкаря в действующей Красной Армии. Танковый полк, в котором он служил в августе 1941 г. был полностью разгромлен, а раненый и контуженный боец Николай Пушкарь попал в плен и почти четыре года пробыл в фашистском концлагере «Хаммерштайн», одном из первых концентрационных лагерей в Третьем Рейхе, организованном в Чарне (сейчас территория Польши). Это был концлагерь для военнопленных унтер-офицеров и рядовых, а с вторжением Германии на территорию СССР использовался для приема советских военнопленных. В 1945 г. узник дождался освобождения, но вместо свободы был осужден на пятнадцать лет лишения свободы и более девяти лет провел в сталинских лагерях, с 1945 по 1954 гг. Полностью реабилитировали Николая Никитовича только в 1962 г. После освобождения из лагеря 6 июня 1962 г. работал в Караганде и Калининграде. В 1962 г. окончил заочно Народный университет искусств в г. Москва. Именно в Калининграде Николай Пушкарь как-то случайно зашел в мастерскую местного художника-керамиста и ему самому захотелось попробовать что-то вылепить из глины. Утром он принес в мастерскую фигурку рыбака. Работу обожгли в печи, а спустя некоторое время она попала на выставку в Польше. В Калининграде Николай Никитович встретил женщину своей жизни. Анна Михайловна, жена Николая Никитовича, была родом из Мозыря. Вместе с женой они часто приезжали к ее родне, а в 1966 г. переехали в город над Припятью на постоянное место жительства. С 1968 г. работал художником в Гомельских художественно-производственных мастерских художественного фонда БССР [3].

Тяжёлые годы заключения не сломали дух Н. Н. Пушкаря. Здесь, на Мозырской земле, он раскрылся как выдающийся мастер-керамист, худож-

ник, педагог. Посещая деревни Полесского края, знакомясь с жителями, их бытом, фольклором, Николай Пушкарь на основе своих впечатлений создал галерею образов неунывающих, стойких перед трудностями местных жителей-полешуков. Все его работы характеризуются знанием народных обычаев. Колоритные деды и бабы, с хитровой улыбкой Нестерка... Каждая керамическая композиция талантливого мастера как сюжетное повествование, дополненное метким названием: «Сон полешука», «Братья-белорусы», «Полешук-песнярь», «Полесская красавица», «Нестерка», «Мы с тобою, как рыба с водою» [2, с. 16].

Очень впечатляет его работа «Холодные камни Чернобыля». На черном от горя лице полесской женщины и в её глазах будто отразилась вся боль многострадального белорусского народа, пережившего многочисленные войны и аварию на Чернобыльской АЭС. Привлекает внимание любителей творчества Пушкаря Н. Н. и автопортрет художника. Свои выдающиеся работы он создавал в здании, где сегодня – Музей-мастерская художника-керамиста Н. Н. Пушкаря, а некогда была его мастерская. Музей создан на основе богатой коллекции работ мастера, документов и личных вещей. На экскурсии сюда приезжают туристы со всей республики, зарубежные гости тоже не редкость. Для посетителей музея устраиваются мастер-классы, например, можно попробовать себя в роли скульптора и самостоятельно вылепить фигурку из глины.

За 28 лет творческой деятельности художник принимал участие в районных, областных, республиканских и всесоюзных выставках более 300 раз. Участник всемирных художественных выставок «ЭКСПО–60» (Монреаль, Канада, 1965 г.), «ЭКСПО–70» (Япония) и международных выставок в Польше (1961, 1988), ЧССР (1973), Венгрии, ГДР и Болгарии.

В Мозыре Н. Пушкарь работал художником-оформителем на заводе мелиоративных машин, а в свободное время дома лепил из глины новые образы, постоянно был в поисках собственного художественного стиля. Однако его творчество не укладывается в традиционные рамки. Работал с терракотой, изредка – с шамотом, использовал приемы гончарной техники. Знание белорусского искусства, фольклора, характера полешуков давало художнику богатый материал для фантазии. При этом каждое его произведение получалось по-своему оригинальным, эксклюзивным. Его работы становились все известнее, пришло признание. Местные власти выделили старый заброшенный дом, который Николай Никитович вместе с родственниками отремонтировал и устроил в нем мастерскую.

В 1972 г. на Мозырской фабрике художественных изделий создал цех керамики, обучал людей мастерству обжига и лепки. Традиции, заложенные мастером и сегодня находят продолжение в изделиях фабрики. Забавные глиняные фигурки стали визитной карточкой Мозыря, столь же оригинальным полесским сувениром, как, например, русская матрешка. Колоритные

типажи рыбаков и охотников, гончаров и бондарей несут во все края частичку белорусского быта, традиций и культуры.

В 1976–1977 гг. Н. Н. Пушкарь принимал участие, как скульптор, в создании мемориального архитектурно-скульптурного комплекса «Курган Славы» воинам и партизанам, погибшим при освобождении г. Мозыря от фашистских захватчиков. По его инициативе в 1978 г. в г. Мозыре на общественных началах был создан народный музей прикладного декоративного искусства, которому постановлением коллегии Министерства культуры БССР № 46 от 25 августа 1988 г. было присвоено звание «народный». Развивал Николай Никитович на Мозырщине такое направление искусства, как декоративно-прикладное искусство, в частности, керамика.

В поисках прототипов для своих персонажей Николай Никитович отправлялся в окрестные деревни, но зачастую и ехать далеко не надо было. За вдохновением он ходил на местный рынок и находил там множество колоритных образов, которые затем воплощал в глине. Мастеру удавалось на редкость точно уловить и передать характерные черты полешуков – чувство юмора, умение радоваться жизни, несмотря на все ее трудности. Те, кто был знаком с художником, отмечали, что эти черты были и в характере самого Николая Никитовича. Он не только не озлобился на судьбу, которая сурово обошлась с ним, но и сохранил детскую непосредственность, добродушие, умение радоваться.

Произведения художника настолько полны жизненной энергии, оптимизма, что их нельзя созерцать равнодушно. «Дедуля Мозырь и красавица Припять», «Белорусская бульба», «Музыки», «Дедовский метод воспитания», «Домашняя баталия» – все скульптуры словно вылеплены с натуры.

Талант художника не остался без внимания. В 1966 г. Николай Пушкарь был принят в Союз художников БССР, а звание заслуженного деятеля искусств БССР Николаю Пушкарю было присвоено Указом Президиума Верховного Совета БССР от 5 марта 1990 г. Его многочисленные работы демонстрировались в Канаде, Японии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, ГДР, на выставках в Беларуси, во многих городах Советского Союза.

Много добрых дел на счету Николая Пушкаря, поэтому мозыряне хранят светлую память об этом чудесном человеке. Произведения Николая Пушкаря находятся также в Национальном художественном музее Беларуси, в столичном Музее современного изобразительного искусства, объединенном краеведческом музее отдела культуры Мозырского райисполкома и за рубежом.

Дело мастера, покинувшего этот мир в 1993 г., продолжает его талантливый ученик, удостоенный звания «народный мастер», – Михаил

Васковский, который не только продолжил пушкарские традиции, но и развил их и приумножил.

Познакомившись с работами художника-керамиста Николая Пушкаря, еще раз убеждаешься, что жизнь, как и природа, многогранная, разнообразная, необъятная. Нужно только остановиться и приглядеться, чтобы в привычном, незаметном найти изумительные и яркие моменты. Их находил и воплощал в своем творчестве мастер Николай Пушкарь.

Таким образом, на территории Припятского Полесья проживал и работал талантливый художник-керамист. Основным направлением его творческой деятельности являлось декоративно-прикладное искусство, а именно тонкое искусство общения с глиной. Большинство работ, созданных мозырским художником, выполнены в стиле реализма. Они наполнены внутренним светом, теплом, любовью автора к родным местам и людям, которые живут на Полесье.

Список использованных источников

1. Музей-мастерская художника-керамиста Н. Н. Пушкаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pushkar.museum.by/>. – Дата доступа: 05.05.2022.
2. Целеш, Л. Майстра жыццёвых сюжэтаў / Л. Целеш / Літаратура і мастацтва. – 2010. – 30 ліп. (№ 30). – С. 16.
3. Чудесные глиняные истории Николая Пушкаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gp.by/novosti/novosti/news41897.html>. – Дата доступа: 05.05.2022.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА²

**Л. В. Гавриловец
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)**

Этнические группы (белорусы, украинцы, поляки) Гомельского региона (Восточного Полесья) отражают социокультурные и демографические особенности их развития, но при этом появляются специфические культурные феномены, закрепляемые в особенностях поведения представителей этнических общностей, сознании, языке. Своеобразие этнических культур Гомельского региона выражается в свойственной данной культуре ментальности, что в свою очередь обуславливает мышление представителей данных этнических общностей. Они определяют свои ценности, знания, нормы морали и поведения. Таким образом, ментальность проявляется как формирование собственных отличных представлений о природе, времени, труде, добре, красоте и многих других категориях этнической культуры.

Как характерную черту украинской ментальности можно отметить индивидуализм, а в ментальности белорусов больше преобладает кол-

² Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору № 1410/2021.

лективизм. Для украинской общности также характерно преобладание идеализма над реализмом, некоторый иррационализм в действиях. Характерной особенностью ментальности белорусов и поляков является приверженность к занятиям традиционными промыслами. Так, 17 декабря 2020 г. в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества вошла культура бортничества. В Восточном Полесье сохранилась уникальная традиция – бортевое пчеловодство. Данный регион – это то место, где культура бортничества практически не прерывалась и передавалась из поколения в поколение. Сегодня лесное бортничество сохраняется во многих деревнях Лельчицкого района, а также встречается в пределах Петриковского, Лоевского, Житковичского, Ельского районов Гомельской области, Столинского и Пинского районов Брестской области. В 2017 г. лесное бортничество Лельчицкого района было включено в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, как комплексный элемент культурного наследия, вобравший не только материальную, но и духовную часть культуры.

Среди потомственных бортников можно назвать Петра Гвоздя, Михаила Флёрку, Адама Осенку, Николая Романова, Ивана Осипова и других. Общее количество бортников в Беларуси насчитывает около 190 человек и 1800 бортей. Так, в д. Крынки Речицкого района расположен целый бортный лес, где находится около 100 бортей или колод. Возраст некоторых из них насчитывает около 150–200 лет. Как правило, производительность колоды составляет 5–10 кг в год. Бортевое пчеловодство развито в д. Симоничский Млынок Лельчицкого района. Здесь на берегу р. Крушинка произрастает семейство крушиновых, которое относят к категории хороших медоносов. Основная часть колод расположена в урочище Волчье. Борти можно увидеть и в д. Погост Житковичского района. Огромное количество колод в лесу связано с тем, что пчелы приносят мед первые три года, как они в нее заселились. Затем все соты необходимо срезать и вычистить борть. Через несколько лет пчелиная семья вновь вернется в колоду. Иногда колоды необходимо перевешивать, так как в них не садится рой. В Лельчицком районе данная проблема связана с борьбой с короедом, из-за которого приходится уничтожать лес, соответственно, менять месторасположения колод. Бортевой мед – единственный натуральный продукт пчеловодства [1, с. 14].

Как правило, борть на дерево устанавливают вручную, с помощью колеса. Для того чтобы пчелы начали сразу работать, необходимо в пустую колоду положить пахучие воцинки (тончайшие восковые листы, имеющие «заготовки» сот). Привлечь пчел может также медовый запах «оскодавы» – жидкости, которая остается от переплавки воска. В д. Новое Полесье Лельчицкого района распространен обычай борти зимой закрывать берестой или металлом, а также снимать на зимовку. Здесь их также можно найти в разным местах, как в лесу, так на полях и берегах рек.

Необходимо также отметить сохранение и развитие традиционных ремесел в Гомельском регионе. Среди них особо выделяются текстильные традиции д. Неглюбка Ветковского района. В 2016 г. неглюбские текстильные традиции были включены в Государственный список историко-культурного наследия Беларуси. Основным изделием местных мастеров являются рушники. Неглюбские рушники выполняются в бело-красной гамме. Для них характерна богатая орнаментика (несколько десятков сложных геометрических и растительных орнаментов), сложная полихромия (до 25 цветов и оттенков в одном изделии). Края рушников оформлены петельными махрами. Следует отметить и разнообразие техник ткачества и вышивки. В ткачестве используются браная (одна- и двухуточная), переборная («под холст», одна- и двусторонний перебор), выборная, залоговая и многонитевая техники ткачества. В вышивке широко распространены набор, крестик, числовая и произвольная гладь, «строчка по выражениям», тамбурный шов, двусторонний шов – «роспись». Разработаны сложные соединительные швы («неглюбская мережка») и текстильное плетение. Данные приемы ткачества и вышивки, богатый орнаментальный фонд используются для создания многоцветных скатертей, покрывал, занавесок и иных предметов интерьера, а также полотенец, элементов одежды, сувенирной продукции [4, с. 7].

Если говорить про рушники, то они являются обязательным атрибутом обрядовых действий и среди украинской этнической общности региона. Кроме обрядового значения, рушники имеют и сугубо практическое применение. Так, названия рушникам давались соответственно их назначению. Например, для вытирания лица и рук – утиральник, для украшения образов – покутник, для брачных церемоний – свадебный, для похорон – похоронный, для того чтобы повязать сватов – плечевой и т. д.

Традиция ткачества в д. Неглюбка сохраняется и передается последующим поколениям жителей, а также ее поддерживают в современных кружках ткачества Ветковского района. Работы местных мастеров отличает свой собственный стиль. В быту жителей Ветковского района сохранилось множество традиций, связанных с использованием текстильных предметов в обрядах. Так, принято жертвовать рушники, скатерти, хоругви для украшения храмов. Существует особая традиция освещать воду в одном из колодцев, который украшают яркими рушниками и покрывалами. Тканые и вышитые полотенца вешают на кресты возле колодцев. Рушники являются обязательным атрибутом свадебных обрядов, а неглюбские костюмы используются во время проведения традиционного обряда «Вождение и погребение стрелы».

Обряд «Вождение и погребение стрелы» проводится в д. Казацкие Болсуны Ветковского района на шестой неделе после Пасхи, на 40-й день – в четверг, в день, когда православная церковь отмечает Вознесение Господне. Женщины собираются в центре деревни и водят хороводы. Участницы обряда из хоровода делятся на шеренги и со специальными

песнями, держась под руки, направляются за деревню к житному полю. На краю поля женщины рассаживаются как снопы ржи, а три группы ребят змейкой водят возле них хоровод под названием «кривой танок». Данный хоровод воплощает идею продолжения рода. Затем с восклицаниями «Чья каша подгорела?» участницы хоровода подбрасывают ребят ввысь. Подобное действие должно способствовать росту будущего урожая. Затем участники обряда качаются во ржи, чтобы быть здоровыми, срывают по три колоска ржи, которые хранят в своих домах за иконами. В поле происходит и основное обрядовое действие – «похороны стрелы». Участники обряда берут пуговицы, монеты и зарывают их в землю, при этом загадывают желания. Во время совершения данного действия произносится и заклинание: «Лежи, моя стрела, до того года, чтобы живы были все и здоровы». После этих действий считается, что весна закончилась, поэтому петь весенние песни уже нельзя. С поля женщины возвращаются, напевая летние песни и частушки [2, с. 3].

Уникальным обрядом является поклонение «каменной девочке» (чудо-камню) в д. Данилевичи Лельчицкого района. По форме данный камень напоминает или крест, или фигуру человека по пояс. На нём хорошо выделяются голова и плечи, а в центре отчётливо просматриваются монисто и нательный крестик. Каменный крест расположен на окраине деревни. Среди местных жителей распространена легенда о его происхождении. Данная легенда предостерегает, чтобы матери никогда не проклинали своих детей, потому что материнское слово имеет очень сильную магическую силу. Чудотворный камень жители д. Данилевичи считают оберегом от несчастий и бед. Они поклоняются ему, «задабривают», ухаживают за ним, приносят туда свои оброки. По традиции, молодых парней, уходящих на службу в армию, всей деревней провожали на окраину. Недалеко от камня прощались, чтобы ребята вернулись домой здоровыми и невредимыми. Матери подходили к «каменной девочке», молились и просили оберегать сыновей.

Высота камня не более 50 см. Были попытки среди местных жителей перенести камень в другое место, но в этом случае деревню и ее жителей постигали различные несчастья. С чудо-камнем обращаются очень бережно. Ежегодно в Красную субботу, накануне Пасхи, вечером у камня собираются местные жительницы. Каждая женщина подходит к каменному кресту по очереди, молится Богу, просит у Бога и «каменной девочки», чтобы простили все грехи, накопившиеся в душе. Затем женщины снимают с «каменной девочки» старые одежды, как правило, оставляют только платочек, передничек, цветы, собирают пожертвования, накопившиеся за год, выносят это всё за ограду и, помолившись, сжигают, при этом приговаривая: «Иди до Бога дымом».

На Пасху к «каменной девочке» идут все жители деревни. Некоторые из них стараются прийти до восхода солнца, чтобы попросить помощи, оставить оброк. В виде оброка несут крашеные яйца, куличи, сладости,

другие угощения, а также переднички, платочки, ленточки, рушники, которыми украшают камень. У креста местные жители молятся, загадывают желания, христосуются, прощают все обиды. Обрядовые действия сопровождаются пасхальными песнями, хороводами.

Известно, что к «каменной девочке» обращаются за помощью также пары, не имеющие детей. Уникальной традиции поклонения «каменной девочке» в 2016 г. присвоен статус нематериальной историко-культурной ценности Республики Беларусь [3, с. 2].

Таким образом, для этнических общностей Восточного Полесья в наибольшей степени характерным проявлением их ментальности является сохранение и восстановление фольклорных традиций, т. е. обрядности. Многие обряды и промыслы Восточного Полесья являются уникальными и распространенными исключительно в данном регионе, поэтому по праву считаются нематериальным культурным наследием Гомельщины и занесены в Государственный список историко-культурного наследия Беларуси.

Список использованных источников

1. Гавриленко, Н. Последние колодные ульи Европы / Н. Гавриленко // Лесное и охотничье хозяйство. – 2012. – № 9. – С. 13–16.
2. Кирбай, А. В агрогородках Столбун, Казацкие Болсуны и Яново прошёл обряд поздневесеннего календарного цикла «Вождение и похороны стрелы» / А. Кирбай // Голас Веткаўшчыны. – 2021. – 15 июня. – С. 3.
3. Липская, С. Данилевичская традиция поклонения «каменной девочке» / С. Липская // Светлае жыццё. – 2017. – 20 мая. – С. 2.
4. Неглюбские рушники // Правда. – № 70. – 4 июля. – С. 7.

РАЗВІЦЦЁ ТУРЫЗМА Ё БССР У ПЕРЫЯД ХРУШЧОЎСКАЙ «АДЛІГІ»

А. А. Гужалоўскі
БДУ (Мінск)

У перыяд хрушчоўскай «адлігі» беларускае савецкае грамадства перажывала глыбокія змены ў сацыяльна-эканамічнай, палітычнай і духоўнай сферах. Паскораная ўрбанізацыя, паляпшэнне матэрыяльнага стану працоўных, пераход на 7-гадзінны працоўны дзень і на 5-дзённы працоўны тыдзень, а таксама пэўнае паслабленне кантролю над асабістым жыццём людзей адбіліся на развіцці іх вольнага часу. Неад’емным кампанентам вольнага часу стаў турызм, масавасць якога фармавалася патэрналісцкай сацыяльнай палітыкай, а таксама рэгулярнымі датацыямі, што паступалі з бюджэтаў прафсаюзаў, а таксама ведамасных і сацыяльных фондаў.

Адной з галоўных рысаў ідэальнага чалавека камуністычнай будучыні было яго моцнае фізічнае здароўе, неабходнае для мірнай працы і адбіцця магчымай ваеннай агрэсіі. Турызм разглядаўся ўладай у якасці ваенна-прыкладнага віда спорта, які спрыяў фарміраванню фізічных і маральна-

валявых якасцяў будаўнікоў камунізма. Менавіта таму ён прапагандаваўся перш за ўсё сярод школьнікаў і студэнцтва. Разам з тым, сяброўства ў турыстычных клубах і секцыях не прадугледжвала ўзроставых абмежаванняў, пра што сведчыла велападарожжа па маршруце Горкі – Ленінград, якое здзейсніў у 1963 г. самастойна 80-гадовы пенсіянер І. Пушкін [17, с. 4].

Вялікае значэнне ў фарміраванні масавага турызму ў часы «адлігі» меў прапагандысцкі складнік, які не проста дамінаваў, але часта з'яўляўся яго стрыжнем. Падобна іншым сферам жыцця савецкіх людзей, турызм знаходзіўся пад кантролем партыйна-дзяржаўных структур і разглядаўся, перш за ўсё, у якасці аднаго з інструментаў ідэолага-палітычнай і выхаваўчай працы. Так, у якасці сваёй асноўнай задачы створанае ў красавіку 1959 г. Беларускае рэспубліканскае турысцкае ўпраўленне ВЦСПС вызначыла «...ажыццяўленне на тэрыторыі БССР турысцка-экскурсійнай работы з мэтай прапаганды сацыялістычнага будаўніцтва і азнаямлення працоўных з эканомікай, геаграфіяй, прыроднымі багаццямі краіны, гісторыяй і культурай народаў СССР, героікай грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, а таксама садзейнічання развіццю масавага турызму і экскурсій як сродку выхавання савецкага патрыятызму і арганізацыі культурнага адпачынку працоўных» [12, арк. 19].

Уласцівая турызму рамантыка ад пачатку актыўна эксплуатавалася, накіроўвалася ў патрэбнае рэчышча, змяшчалася ў прапагандысцкую абгортку партыйнымі і камсамольскімі ідэолагамі. Напрыклад, водныя паходы, якімі адкрываўся турыстычны сезон, трэба было прысвячаць святам Першамая і Перамогі. У зімовыя канікулы студэнты накіроўваліся ў лыжныя «агітпаходы». У 1957 г., калі святкавалася 40-годдзе рэвалюцыі, усе летнія паходы школьнікаў трэба было прысвячаць гэтай даце. У 1964 г., які быў абвешчаны годам 20-годдзя вызвалення БССР, турыстычныя маршруты было загадана пракладаць па месцах баёў Чырвонай Арміі, дыслакацыі партызанскіх злучэнняў, а таксама савецкіх вайсковых пахаванняў. А з 1965 г. рамантыку скарэння прасторы паспрабавалі абмежаваць рамкамі штогадовага выхаваўчага мерапрыемства пад назвай «Усесаюзны паход камсамольцаў і моладзі па месцах рэвалюцыйнай, баявой і працоўнай славы савецкага народа» [6, с. 1].

Аднак, ва ўмовах пэўнага разняволення духоўнай сферы жыцця савецкага грамадства, працэс ідэалагізацыі турысцкай дзейнасці не меў татальнага характару. Пра гэта, напрыклад, сведчыць велізарная колькасць маладых жыхароў БССР, якія жадалі ў 1957 г. выправіцца на пошукі снежнага чалавека [4, с. 3]. Бясспрэчны аўтарытэт сярод беларускіх турыстаў да пачатку 1960-х гг. набыў Тур Хейердал [9, с. 4]. Нікога не пакідаў абыякавым лох-нэскі монстр [7, с. 3].

Турысцка-экскурсійная галіна ў разглядаемы час развівалася ў дзвюх формах: арганізаванай (планавай) і самадзейнай. Беларускае турысцкае ўпраўленне прафсаюзаў прыклдала вялікія намаганні для развіцця

арганізаванага турызму: у канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. былі адкрыты турбазы «Нарач», «Браслаўскія азёры» і «Беларусь», у 1962 г. пачаў перавозіць пасажыраў турысцкі цягнік «Беларусь», з 1965 г. па арганізаваныя паслугі турысты маглі звяртацца ў Мінскае гарадское экскурсійнае бюро.

Тым не менш, масавасць дасягалася пераважна за кошт развіцця самадзейнага турызма, як найменш выдатковай для дзяржавы формы забеспячэння гарантаванага савецкім грамадзянам права на адпачынак. Неўзабаве пасля з'яўлення ў маі 1953 г. пастановы Савета Міністраў СССР «Аб скарачэнні рэжымных мясцовасцяў і пашпартных абмежаванняў» з'явіўся падрыхтаваны выкладчыкамі БДУ дапаможнік па арганізацыі аматарскіх падарожжаў. Ён прапаноўваў самадзейным турыстам наступныя маршруты: «Брэсцкае і Цэнтральнае Палессе», «Уніз па Прыпяці», «На нарачанскія азёры», «Орша – Віцебск», «Браслаў – Полацк» [5]. У другой палове 1950-х гг. турызм пачалі ўключачь у планы масавай вучэбна-спартыўнай і фізкультурна-аздараўленчай работы Камітэта па справах фізічнай культуры і спорта, тым самым стымулюючы правядзенне масавых паходаў выходнага дня, працяглых самадзейных вандровак, навучальных паходаў-збораў, злётаў, спаборніцтваў. Папулярным відам самадзейнага турызму ў той час робіцца альпінізм. Задачу развіцця самадзейнага турызма, у якасці адной з галоўных, у 1959 г. ставіў перад камсамольскім актывам рэспублікі вайскова-фізкультурны аддзел ЦК ЛКСМБ [19, с. 4].

Жыхары БССР, асабліва інтэлігенцыя і моладзь, з энтузіязмам адгукнуліся на заклікі прафсаюзнага, спартыўнага і камсамольскага начальства. Адзін з першых у 1958 г. распачаў працу клуб турыстаў-альпіністаў БДУ пад кіраўніцтвам дацэнта А. С. Федэнка. Найбольш актыўныя клубы і секцыі дзейнічалі на МАЗе, Мінскім гадзіннікавым заводзе, Віцебскім заводзе радыёдэталяў, у Мінскім акруговым доме афіцэраў, Інстытуце «Белдзяржпраект», Мінскім медыцынскім інстытуце, Мінскім педінстытуце імя М. Горкага і інш. У 1968 г. у БССР працавала больш 100 гарадскіх і раённых клубаў турыстаў, больш за 5 тыс. турыстычных секцый у спартыўных калектывах, было распрацавана 735 маршрутаў для самадзейных паходаў і падарожжаў, створана каля 400 пунктаў пракату і выдачы турыстычнага інвентара і рыштунку, падрыхтавана больш за 10 тыс. грамадскіх інструктараў. У паходах выходнага дня ў той год узялі ўдзел 1 580 000 жыхароў рэспублікі [13, арк. 31, 77].

Дзейнічаючы на прынцыпах самазабеспячэння і самаабслугоўвання, групы самадзейных турыстаў ішлі ў паходы па самастойна распрацаваных маршрутах рознай складанасці. У 1957 г. вучні 32-й сталічнай школы на чале з настаўнікам сплавіліся на чоўнах з Мінска да Кіева [3, с. 3]. У 1959 г. героямі Баранавічаў сталі юнакі С. Грабянюк, С. Буланенка і Ю. Сцяпанаў, якія за 13 дзён даехалі на роварах з роднага горада ў Крым [10, с. 2]. Актыўна падарожнічалі па еўрапейскай частцы СССР сябры секцыі турызма Цэнтральнага аўтамотаклуба БССР [16, с. 4]. У 1967 г.

на Беларускім тэлебачанні з'явіўся тэлеklub «Вецер вандраванняў», які ўзначальваў апантаны турыст А. М. Чуланаў, які фіксаваў свае падарожжы на кінакамеру. Пра запатрабаванасць самастойнай формы арганізацыі падарожжаў сведчаць наступныя лічбы: у 1960 г. па турысцкіх пуцёўках адпачывала больш за 7 тыс. жыхароў рэспублікі, у той час як у самадзейных паходах узяла ўдзел каля 150 тыс. чалавек [8, с. 4]. У 1964 г. гэтыя суадносіны выглядалі яшчэ больш кантрастава: на 11 тыс. планавых турыстаў прыпадала 500 тыс. самадзейных [15, с. 4].

Масавасць самадзейнага турызму спарадзіла на мяжы 1950–1960-х гг. неафіцыйную субкультуру з уласнымі каштоўнасцямі, сэнсамі, рытуаламі, атрыбутыкай, мовай. Звычайным адзеннем інтэлігента таго часу зрабілася брызентавая штармоўка, а вялікі «абалакаўскі» заплечнік – атрыбутам праўдзівага рамантыка. Абавязковымі пасажырамі амаль кожнай суботняй і нядзельнай мінскай прыгараднай электрычкі сталі хлопцы і дзяўчынкі з заплечнікамі і гітарамі. 1960-я гг. стварылі прынцыпова новы вобраз рамантычнага героя – малодшага навуковага супрацоўніка, інжынера ці аспіранта, альтруіста і вандроўніка, які спяваў пад гітару. У Савецкай Беларусі падобным героем стаў інжынер Мінскага завода імя С. І. Вавілава, альпініст, бард, старшыня першага мінскага клуба самадзейнай песні «Свіцязь» А. Круп [14, с. 4].

Рамантыка вандровак, культ дарогі і разуменне руху як ладу жыцця мелі ўніверсальны характар і падзяляліся «людзьмі з заплечнікамі» як у СССР, краінах сацыялістычнай садружнасці, так і на Захадзе. Для новых рамантыкаў нацыянальная прыналежнасць, месца сталага жыхарства, праца мелі другаснае значэнне. Але для савецкіх людзей вандроўкі стваралі ілюзію пераадолення пашпартна-прапісачнай сістэмы кантролю над насельніцтвам, уведзенай Сталіным і захаванай пры Хрушчове. Прапісцы ў СССР падлягалі ўсе асобы, якія змянілі месца жыхарства нават часова, на тэрмін звыш трох сутак. Да турыстаў, якія ўвесь час знаходзіліся ў руху і, як правіла, абыходзілі населеныя пункты, патрабаваць часовую прапіску было проста немагчыма.

Народжаная ўнутры афіцыйнай культуры з дазволу партыі і камсамолу, беларуская, савецкая субкультура самадзейнага турызму ў рэальнасці супрацьстаяла ўладнаму ідэалагічнаму дыскурсу, з'яўлялася формай эскапізма, маніфэставала імкненне да прыроды, сапраўдных пачуццяў і шчырых зносін. Нефармальнае турыстычнае субкультура нарадзіла «самадзейную песню». Напісаная ў 1965 г. на замову міністэрства культуры Г. Вагнэрам і М. Алтуховым песня «Святят звезды. Туристская лирическая» не мела ніякіх шанцаў заваяваць сэрцы рамантыкаў, якія спявалі народжаны А. Крупам ля вогнішча нефармальнае турыстычны гімн «Всё леса, всё леса Белоруссии».

З развіццём у СССР аўтамабільнага транспарту, у 1960-я гг. набыў папулярнасць новы тып самадзейнага турызму, калі турысты, са згоды кіроўцаў, рухаліся на спадарожных аўто. Людзі, не меўшыя ўласнага

аўтатранспарту, звярталіся да кіроўцаў з просьбамі «падвезці» і раней. Але ў 1962 г., калі Рэспубліканскае турысцка-экскурсійнае ўпраўленне Беларускага прафсаюза распрацавала «Палажэнне аб перавозцы турыстаў у БССР спадарожным аўтатранспартам (па сістэме “Аўтаспын”» і выпусціла маршрутныя кніжкі, падобны спосаб падарожжаў набыў арганізаваны характар.

У сярэдзіне 1960-х гг. кіраўніцтва турыстычнай галіны прызнала эксперымент з «Аўтаспынам» паспяховым. Толькі ў 1962 г. беларускія энтузіясты праехалі аўтаспынам 15 тыс. кіламетраў. Колькасць кіроўцаў, якія ў ім удзельнічалі, з 1962 па 1964 гг. павялічылася ўдвая. Больш за ўсіх падвёз на сваёй машыне вадзіцель аўтабазы Нясвіжскага раёна Л. Прашэнік, за што атрымаў ад рэспубліканскага савета па турызме мапед коштам 150 руб. [11, с. 4].

У чэрвені 1965 г. Беларускі савет па турызме і экскурсіям сумесна з Міністэрствам аўтамабільнага транспарту БССР прынялі пастанову «Аб арганізацыі перавозак турыстаў у БССР спадарожным аўтатранспартам паводле сістэмы «Аўтаспын», якой кіроўцы абавязваліся дапамагаць турыстам. Прадпрыемствы мясцовай прамысловасці распачалі выраб значкоў з эмблемай клуба. На беларускіх дарогах з’явіліся вандроўнікі з іншых савецкіх рэспублік. Летам 1963 г. беларускія журналісты заўважылі ў Белавежскай пушчы студэнтаў Ленінградскага электратэхнічнага інстытута, якія рухаліся аўтаспынам па маршруце Адэса – Херсон – Сімферопаль – Кіеў – Мінск – Вільнюс – Рыга – Ленінград [1, с. 4]. Тады ж беларуская камсамольская газета распавяла пра студэнтаў Вільнюскага ўніверсітэта, які вярталіся праз Мінск з падарожжаў у Карпаты [2, с. 3].

Аўтаспынам падарожнічала не толькі моладзь, але таксама людзі салідных прафесій, некаторыя нават з дзецьмі. Так, увесну 1965 г. у вандроўку на спадарожных аўта па Рускай Поўначы (Пскоў, Ноўгарад, Ленінград, Кіжы) выправіўся намеснік рэдактара мінскай раённай газеты «Шлях камунізма» Р. С. Левін разам з сынам. Паспяхова прайсці гэты маршрут журналісту дапамог назапашаны ў папярэднія гады вопыт падарожжаў аўтаспынам па Залатым коле Расіі і Паўднёвым Урале [18, с. 4].

Такім чынам, у перыяд «адлігі» турыстычныя паходы і экскурсіі сталі адной з найбольш простых і эфектыўных форм правядзення вольнага часу насельніцтва БССР. Іх тэматыка, як і ў цэлым арганізацыя, вынікала з логікі ідэолага-выхаваўчай працы з насельніцтвам, якая вызначалася дзяржаўнымі планами развіцця савецкага грамадства. Разам з тым, па-за афіцыйным дыскурсам у 1960-я гг. нарадзілася гарадская субкультура турызма, якая аб’ядноўвала многіх людзей, што шукалі і знаходзілі ў падарожжах унутраную свабоду.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. «Аўтастоп» у Белавежскай пушчы // Чырвоная змена. – 1963. – 21 вер. – № 186.
2. Бакіевіч, Р. Вярніце «чараўніцы» сілу / Р. Бакіевіч // Чырвоная змена. – 1963. – 14 вер. – № 181.

3. Вильчек, Ю. Охотники за романтикой / Ю. Вильчек // Знамя юности. – 1957. – 22 авг. – № 166.
4. Всевожский, В. К вопросу о «снежном человеке» / В. Всевожский // Знамя юности. – 1957. – 20 марта. – № 56.
5. Дементьев, В. Самодеятельные туристские маршруты по Белоруссии / В. Дементьев, А. Шкляр. – Минск, 1953. – 66 с.
6. Жывым – помніць! Героям – жыць! // Чырвоная змена. – 1966. – 8 вер. – № 174.
7. Клумаў, С. Хто ён, Лох-Нескі «Монстр» / С. Клумаў // Чырвоная змена. – 1964. – 5 сак. – № 46.
8. Кожухарь, Е. Увлекательные путешествия по родному краю / Е. Кожухарь // Советская Белоруссия. – 1960. – 2 июня. – № 128.
9. Ляхов, Е. Из дальних странствий возвратись... / Е. Ляхов // Знамя юности. – 1965. – 19 нояб. – № 230.
10. На велосипедах – в Крым // Знамя юности. – 1959. – 11 окт. – № 201.
11. Нядзвецкі, Б. Турыст з «Аўтастопам» / Б. Нядзвецкі // Звезда. – 1963. – 24 лют. – № 47.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1134. Воп. 1. Спр. 1.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1134. Воп. 1. Спр. 106.
14. Песні, што нараджаюцца ў паходах // Чырвоная змена. – 1966. – 11 мая. – № 92.
15. Попутного, Колумбы! // Знамя юности. – 1965. – 14 янв. – № 9.
16. Путешествие по СССР // Советская Белоруссия. – 1957. – 24 мая. – № 121.
17. Пушкин, И. На велосипеде по Советскому Союзу / И. Пушкин // Советская Белоруссия. – 1963. – 11 июня. – № 135.
18. С «Автостопом» по стране // Автотранспорт Белоруссии. – 1968. – 9 мая. – № 36.
19. Филанчук, П. В поход зовут просторы белорусские / П. Филанчук // Знамя юности. – 1959. – 23 янв. – № 17.

ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Н. БУЛАК-БАЛАХОВИЧА В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ И ДОКУМЕНТАХ КАБИНЕТА (ОКТАБРЬ 1920 – ЯНВАРЬ 1921 г.)

**Е. Н. Дубровка
ГГУ им. Ф. Скорины (Гомель)**

Осенью 1920 г., несмотря на подписание 12 октября договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР, с другой, военно-политическая ситуация на территории современной Мозырщины оставалась напряжённой. Как писал белорусский историк А. В. Тихомиров, польское руководство стремилось продолжить борьбу на востоке путём поддержки антибольшевистского движения, в том числе на территории Беларуси. В октябре 1920 г. польское командование разработало план военных операций, в соответствии с которым главный удар поручалось нанести войскам С. В. Петлюры в Украине, а отряды С. Н. Булак-Балаховича должны были наступать в направлении Мозыря и Гомеля. Соответствующие отряды были передислоцированы к демаркационной линии. 21 октября командование польской армии заявило о прекращении отношений с ними и предложило покинуть территорию

Польши, при этом разоружение не предусматривалось [1, с. 288–289]. Многим аспектам последовавшего за этим «Полесского похода» – политическим предпосылкам, формированию войск, национальному составу, военным действиям – уже уделялось внимание в историографии [2; 3]. Предметом исследования этой статьи стали оценки деятельности С. Н. Булак-Балаховича, выявленные в материалах английской газеты «Таймс», а также документах Кабинета министров Великобритании, появившимися осенью 1920 – зимой 1921 гг. Впервые деятельность С. Булак-Балаховича была упомянута в названных источниках в октябре 1920 г., последние упоминания датированы январём 1921 г., что и обусловило заявленные хронологические рамки.

Статьи о действиях отрядов С. Н. Балаховича (в такой форме в источниках – Е.Д.) приходили в газету «Таймс» от варшавского корреспондента. В частности, в номере от 13 октября находим статью под названием «Крестьянский генерал», повествовавшую о значительных успехах сил С. Н. Балаховича, действовавших независимо от Польши и войск П. Н. Врангеля и планировавших базироваться в Беларуси, продвигаясь в сторону Минска и Витебска. Автор статьи писал о растущей популярности генерала, которого характеризовал в высшей степени положительно, хорошей организации и дисциплине его войск. В качестве цели их действий указано продвижение в глубь России и организация антисоветских восстаний [4, р. 10]. Через несколько дней та же газета опубликовала подписанную С. Балаховичем «программу народной добровольческой армии», которая предполагала безжалостную войну с большевизмом. При этом фигура генерала также максимально героизировалась: «существует, чтобы вдохновлять людей добиваться освобождения» [5, р. 11]. 23 октября появилось сообщение о якобы вступлении отрядов С. Балаховича в Минск после эвакуации польских войск и намерении провозгласить независимую Беларусь, которая позже вступит в федерацию с Польшей. В конце заметки подчёркивалось, что при появлении независимых Беларуси и Украины у восточных границ Польши последнюю гораздо меньше будет смущать «соседство с большевиками» [6, р. 7].

Содержание этой статьи показывает, что автору были известны в какой-то степени польские планы, а сама статья выступала своеобразным манифестом польских интересов. Как пишет историк О. Латышонок, такое развитие событий действительно предусматривалось планом, предположительно, разработанным Ю. Пилсудским: после занятия Минска польскими войсками 15 октября части С. Балаховича должны были выйти «из-за спины польских войск» и принять Минск «из рук поляков». Однако генерал настолько задержал наступление, что польские войска должны были покинуть Минск 17 октября, выполняя условия прелиминарного мирного договора [2, с. 152].

Довольно объёмные публикации о деятельности С. Балаховича продолжали появляться в ноябре 1920 г., после наступления главных сил его отрядов из Турова. Так 15 ноября была опубликована статья варшавского корреспондента, который писал, что только что вернулся из штаба С. Балаховича (с 12 октября С. Балахович находился в Мозыре [2, с. 155]), и исключительно позитивно описывал порядки, установленные на территориях, подконтрольных отрядам генерала, названного «уроженцем Беларуси». Автор статьи отметил, что С. Балахович и Белорусский политический комитет «смотрят на Англию как основной источник экономической помощи и политического руководства, и взамен за экономическую помощь могут предоставить неограниченное количество леса и льна» [7, р. 12].

«Таймс» продолжала следить за судьбой войск С. Балаховича и в 20-х числах ноября, но лишь помещая краткую информацию об их оттеснении на запад [8; 9]. После этих заметок тема деятельности С. Балаховича больше не появлялась на страницах английской прессы.

С содержанием рассмотренных английских газетных материалов о «Полесском походе» С. Балаховича диссонирует информация о действиях отрядов генерала осенью 1920 г., имеющаяся в аналитических обзорах и меморандумах, представленных в Кабинет министров Великобритании департаментом внутренних дел и военным ведомством.

В частности, в ежемесячном обзоре революционного движения в зарубежных странах за октябрь 1920 г., представленном в Кабинет, действия отрядов С. Балаховича охарактеризованы как «авантюра». Отмечено, что «уничтожение армии генерала П. Врангеля и соединение большевистских и турецких войск на территории Армении являются факторами первостепенной важности для положения коммунистов <...> Они окажут глубокое влияние, например, на авантюру генерала Балаховича, основанную скорее на идее вызвать сочувствие крестьянства, чем на реальной силе, которой, по-видимому, сейчас грозит неминуемая опасность быть подавленной» [10, р. 394–395].

В ноябрьском обзоре представлена оценка отношения польского правительства к действиям С. Балаховича и их влиянию на положение Польши: «Общая ситуация в Польше вызывает беспокойство. Внутри страны поляки сталкиваются с экономическим кризисом <...> Во внешней политике поляки поставили под угрозу своё положение в отношениях с Россией благодаря тайной помощи Балаховичу и Петлюре. Относительно конечного успеха кампании Балаховича они всегда были настроены скептически, но понимали его ценность как временного прикрытия от большевистской агрессии. Поэтому их отношение к нему было слегка двуличным, с оттенком опасения, как бы его популярность не привела к неблагоприятным для них движениям в районах Беларуси, которые по предварительным условиям Рижского мира были отнесены к Польше.

Все их прикрытия фактически рухнули. Провал Балаховича и Петлюры, действия Желиговского в Вильно, а также трудности, в которых оказались украинцы, – все это признаки дипломатического провала» [11, р. 247–248].

В декабрьском обзоре констатировался провал «авантюры Балаховича» и его причины, к которым были отнесены поражение С. Петлюры, «равнодушие ряда его (С. Балаховича. – Е.Д.) офицеров»; неразумные дисциплинарные меры, неудачные решения польского командования [12, р. 492].

Военное ведомство в декабре 1920 г. также предложило Кабинету анализ ситуации на территории бывшей Российской империи. Отмечалось, что с уничтожением армии генерала П. Врангеля в Крыму советские войска избавились от «своего самого важного противника на поле боя, и, исключая некоторые повстанческие группировки в Закавказье, теперь остались только силы генерала Балаховича (11 000) и украинские войска генерала Петлюры (30 000), которые сейчас практически ликвидированы на российском Западном фронте. Кажется, нет оснований предполагать, что любой из этих командующих будет более успешным, чем их предшественники генерал Миллер, генерал Юденич, адмирал Колчак, генерал Деникин и генерал Врангель» [13, р. 276].

Также скептически оценивали авторы январского обзора и последствия выступления С. Балаховича. Признавалось, что население части Беларуси, занятой большевиками, недовольно новой властью, крестьяне поднимали мятежи. Однако отмечалось, что «так называемое восстание Зелёного дуба в Беларуси предположительно организовано польскими землевладельцами, а не является следствием военной акции Балаховича <...> Движение слабое и, видимо, будет недолгим» [14, р. 112].

Таким образом, оценки выступления С. Булак-Балаховича, содержащиеся во внутриведомственных документах Кабинета Великобритании, в отличие от появлявшихся в газете «Таймс» статей её варшавского корреспондента, характеризовались прагматизмом, скепсисом по отношению к его результативности. Содержание этих оценок следует рассматривать в контексте рекомендаций по вопросу о политике Великобритании в сфере польско-советских отношений рубежа 1920–1921 гг., изложенных в меморандуме британского военного ведомства в декабре 1920 г.: «Британская империя не может оставаться в стороне, не приложив усилий для сохранения её (Польши. – Е.Д.) независимости, которая является жизненно важным условием Версальского договора. Представляется несомненным, что Советская Республика рано или поздно нападет на Польшу, и союзники будут призваны на помощь. Нынешние ресурсы британской армии недостаточны для того, чтобы добавить свою квоту к вооруженной помощи союзников, даже если народ Великобритании примет это <...> рекомендуется предпринять следующие шаги: а) Помочь Польше стать сильной, дав ей

разрешение покупать такие запасы и материалы в союзных странах или даже в Германии, за которые она может заплатить; б) Использовать все средства, чтобы помешать Польше проводить агрессивную и, следовательно, глупую политику; с) Препятствовать польской помощи белорусскому и украинскому движениям» [13, р. 277].

То есть деятельность С. Н. Булак-Балаховича, хоть и восхваляемая в блоке статей «Таймс» осенью 1920 г., рассматривалась британскими правительственными кругами как акт, спровоцированный польской политикой и не соответствовавший текущим задачам Великобритании в регионе польско-советского пограничья.

Список использованных источников

1. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
2. Латышонак, А. Жаўнеры БНР / А. Латышонак. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 373 с.
3. Балахоўцы: Сведчанні, дакументы, даследванні. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 470 с.
4. New army to fight the reds [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Oct. 15. – P. 10. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33287986/>. – Date of access: 24.01.2017.
5. New Russian army's programme [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Oct. 19. – P. 11. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33289722>. – Date of access: 24.01.2017.
6. Bolshevik reverses in the west [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Oct. 23. – P. 7. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33291396>. – Date of access: 24.01.2017.
7. New enemy of reds [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Nov. 15. – P. 12. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33286546>. – Date of access: 24.01.2017.
8. New Bolshevik offensive [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Nov. 22. – P. 1. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33290225>. – Date of access: 24.01.2017.
9. Foreign [Electronic resource] // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Nov. 23. – P. 13. – Mode of access: <https://www.newspapers.com/image/33290731>. – Date of access: 24.01.2017.
10. Cabinet. List of C P. Papers. Nos 2101 – 2200 inclusive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-115.pdf>. – Date of access: 28.04.2022.
11. Cabinet. List of C P. Papers. Nos 2301 – 2400 inclusive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-117.pdf>. – Date of access: 28.04.2022.
12. Cabinet. List of C P. Papers. Nos 2401 – 2500 inclusive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-118.pdf>. – Date of access: 28.04.2022.

13. Cabinet. List of C P. Papers. Nos 2201 – 2300 inclusive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-116.pdf>. – Date of access: 28.04.2022.

14. Cabinet. List of C P. Papers. Nos 2601 – 2700 inclusive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-120.pdf>. – Date of access: 28.04.2022.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЕССКОЙ ОБЛАСТИ (СЕНТЯБРЬ 1943 г. – МАЙ 1945 г.)

**С. А. Елизаров
ГГТУ им. П. О. Сухого (Гомель)**

По мере освобождения от нацистской оккупации на белорусских землях восстанавливалась советская система органов власти и управления в ее довоенном виде. Применялся механизм, уже опробованный на ранее освобожденных территориях, – создание партийно-советских оперативных групп по областям и районам.

22 сентября 1943 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б постановлением «Об организационных мероприятиях по Полесской области в связи с приближающимся ее освобождением от немецких захватчиков» для восстановления на территории Полесской области довоенной советской системы партийного и государственного руководства создавались областная, городская и районные оперативные группы. В состав областной оперативной группы входили секретари Полесского обкома КП(б)Б П. А. Левицкий и П. Г. Яковлевич, председатель областного исполкома В. В. Леденев, начальник областного НКГБ И. Н. Иващенко, редактор областной газеты Д. С. Бысенко, заведующие областными отделами здравоохранения (Д. Я. Филимончик) и финансов (Т. Г. Мурашкевич), исполнявший обязанности председателя облпотребсоюза М. А. Блахман и командир 123 партизанской бригады, член подпольных Полесского обкома и Октябрьского райкома КП(б)Б полковник Ф. И. Павловский.

В группу Мозырского горкома КП(б)Б, которую возглавил секретарь горкома партии Г. В. Ковалев, вошли председатель горсовета А. П. Король, исполнявший обязанности заведующего отделом пропаганды и агитации горкома А. П. Иванькова, заведующие городскими отделами финансов (Д. А. Козловский) и коммунального хозяйства (С. А. Подгаецкий).

Оперативные группы по Комаринскому, Хойникскому, Брагинскому, Василевичскому, Мозырскому и Калинковичскому районам возглавляли уполномоченные обкома КП(б)Б и состояли из председателей райисполкомов, начальников районных отделений НКГБ, в ряде случаев – редакторов районных газет.

Местом нахождения областной группы определили Военный Совет Центрального фронта, городской и районных – по усмотрению руководства обкома КП(б)Б и Военного Совета Центрального фронта при Военных Советах армий или дивизиях, имевших направление наступления на соответствующие районы.

В распоряжение Полесского обкома КП(б)Б выделялась радиостанция ДЖЕК для связи с ЦК КП(б)Б и освобожденными районами области, а также пять портативных типографий с запасом краски, клише, бумаги и пять радиоприемников с запасом питания для немедленной после освобождения организации выпуска районных газет.

Для областной, городской и районных групп выделялся фонд продовольствия и 200 тыс. руб. на первоочередные неотложные расходы [1, л. 126–128].

12 октября 1943 г. бюро ЦК КП(б)Б постановило образовать оперативные группы Белорусского штаба партизанского движения по Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской и Полесской областям для решения вопросов, связанных с соединением партизанских бригад и отрядов с частями Красной Армии: приёма от отрядов и бригад материалов, списков личного состава, оказания финансовой и материальной помощи партизанам, направления их в Красную Армию и т. п. В том числе эти оперативные группы должны были помочь местным партийным и советским органам в подборе кадров из числа партизан для работы в структурах управления на освобожденных белорусских территориях. Группу по Полесской области возглавил В. Я. Шклярник, один из организаторов партизанского движения в Пуховичском районе Минской области, секретарь Пуховичского подпольного райкома КП(б)Б (август 1942 – май 1943 г.) [1, л. 166–167].

В условиях продолжавшейся войны и экономической разрухи Президиум Верховного Совета БССР своими Указами от 24 декабря 1943 г. и 20 декабря 1944 г. отложил очередные выборы в местные Советы и продлил срок полномочий довоенных Советов [1, л. 108, 123]. В связи с этим использовался механизм, предусматривавший либо избирание исполкомов на сессиях местных Советов (как того требовало довоенное законодательство), либо их формирование и утверждение вышестоящими властными структурами.

Возможности проводить выборы исполкомов местных Советов на сессиях депутатов Советов, избранных до войны, были крайне ограничены из-за отсутствия необходимого кворума: за годы войны выбыло более 70 % довоенного состава депутатов местных Советов [2, с. 192]. В результате исполкомы местных Советов практически повсеместно не избирались, а формировались партийными и советскими органами и утверждались вышестоящими структурами (областные – ЦК КП(б)Б и Президиумом Верховного Совета БССР, районные и городские – областными обкомами КП(б)Б и облисполкомами, сельские и поселковые – районными парткомитетами и райисполкомами).

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 28 декабря 1944 г. был утвержден состав исполкома Полесского областного Совета депутатов трудящихся. В. В. Леденев стал его председателем, заместителями председателя – М. К. Ильинковский, О. В. Петренко, Д. Я. Филимончик, секретарем исполкома – М. Г. Зильбер, членами исполкома – И. С. Былинский, А. А. Копейн, А. П. Шило, Н. Л. Яндульский, Л. И. Марат, В. А. Домбровский [1, л. 124].

При формировании состава местных органов государственного управления повсеместно ощущался дефицит кадров. На 10 января 1944 г. из 14 руководителей отделов и управлений Полесского облисполкома работало 9, оставались незанятыми должности председателя областной плановой комиссии, начальников областных отделов юстиции и местной промышленности, управления кинофикации и управления по делам литературы и издательств Главного управления по делам литературы и издательств при СНК БССР (облит). В целом из 35 руководящих должностей важнейших областных структур управления (включая правоохранительные, банковские и кооперативные органы и организации) занято было лишь 19.

На районном уровне ситуация была значительно сложнее. По восьми райисполкомам области, восстановленным на освобожденной от оккупантов районах, председателей работало 6, из 24 их заместителей – 7, из 72 руководителей отделов – 36, в том числе из 8 председателей районных плановых комиссий – только 2, начальников коммунальных отделов – 3, отделов народного образования – 4 [3, л. 47–48].

Большинство прежних руководителей оказалось вне пределов Беларуси (в частях Красной Армии, в тыловых районах СССР) и фактически главным реальным кадровым источником оказались бывшие партизаны и подпольщики, многие из которых не имели необходимого управленческого опыта и организационных навыков работы в государственных органах власти и управления. По оценке работников Отдела Кадров ЦК КП(б)Б, только 36,2 % председателей районных и городских исполкомов, подобранных из числа партизан, работали «неплохо» [4, л. 17]. Проведенная в начале 1945 г. проверка положения дел в Петриковском районе Полесской области показала, что на руководящую работу в райисполком «выдвинуты бывшие партизаны, инвалиды Великой Отечественной войны, не имеющие достаточного практического опыта и теоретических знаний», что «остро ставит вопрос о подготовке кадров в условиях Петриковского района» [5, л. 17 об.].

На начало 1945 г. из 15 председателей райисполкомов Полесской области 14 были коммунистами, в абсолютном своем большинстве (12) – с довоенным партийным стажем. Средний возраст их составлял 40 лет – чуть выше показателя (38 лет) в целом по освобожденной БССР.

Преимущественно это были люди, новые на своих должностях: девять человек работали председателями райисполкомов от 6 до 12 месяцев и только трое – от года до двух лет [6, л. 87–99].

По сравнению с довоенным временем, исполкомовские структуры расширились за счет появления новых подразделений. Так, первоначально в Полесской, Витебской, Гомельской и Могилевской областях в соответствии с постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г. при исполкомах областных, городских и районных Советов создавались отделы по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан. Они должны были заниматься обеспечением пособиями и пенсиями семей военнослужащих и партизан, их трудовым устройством, рассмотрением заявлений и жалоб и принятием по ним необходимых мер, следить за соблюдением, установленных для них законом, льгот [15, л. 167–169].

Для мобилизации населения на решение первоочередных задач восстановления народного хозяйства, планового набора рабочих для различных отраслей промышленности и сельского хозяйства постановлением СНК БССР от 15 февраля 1944 г. при облисполкомах создавались бюро по учету и распределению рабочей силы [8, л. 12]. Они должны были заниматься организацией и проведением мобилизации трудоспособного населения для работы в различных отраслях народного хозяйства на основе заявок наркоматов, привлечением трудоспособного населения к трудовой повинности, перераспределением рабочей силы между отраслями народного хозяйства и наркоматами.

Совместным постановлением ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 21 декабря 1943 г. «в целях повышения качества архитектуры и в особенности в целях обеспечения государственного руководства архитектурными и планировочными работами по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов и населенных пунктов» в республике при облисполкомах создавались отделы по делам архитектуры. В сферу ответственности новых структур входило утверждение проектов планировки и застройки городов и населенных пунктов, государственный архитектурно-строительный контроль качества застройки городских поселений, а также разработка и утверждение типовых проектов для массового гражданского и жилищного строительства, руководство делом охраны и реставрации памятников архитектуры [1, л. 313–314].

Таким образом, процесс восстановления в 1943–1945 гг. советской системы местных органов государственной власти и управления БССР определялся условиями военного времени и текущими задачами возрождения разрушенного войной народного хозяйства. Использование конституционного механизма их формирования через выборные процедуры в силу объективных причин в значительной степени было ограничено. Первоначально функции органов государственной власти в регионах осуществляли члены оперативных партийно-советских групп, позднее – исполкомы местных Советов, формировавшиеся решениями партийных органов и в официальном советском порядке утверждавшиеся вышестоящими органами государственной власти.

Восстанавливалась прежняя довоенная организационная структура исполкомов местных Советов депутатов трудящихся. При этом конкретные

условия восстановительного периода при существовавшей системе централизованного управления вызывали необходимость создания в исполкомах новых управлений и отделов для решения задач, порожденных войной и оккупацией.

В период освобождения территории Полесской области от нацистской оккупации существовали характерные для всей территории Белорусской ССР объективные сложности при формировании кадрового состава местной вертикали власти и управления. Большинство прежних руководителей оказалось вне пределов Беларуси (в частях Красной Армии, в тыловых районах СССР) и фактически главным реальным кадровым источником оказались бывшие партизаны и подпольщики, хорошо проявившие себя в борьбе с немецкими оккупантами, но не имевшие опыта руководящей советской работы. Задача обновления кадрового состава руководителей со временем решалась за счет прибытия из частей Советской Армии и тыловых районов СССР работников с довоенным опытом руководящей работы в органах государственной власти и управления, а партизанские кадры заменялись и переводились на другие участки работы (прежде всего – на хозяйственные должности).

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 4.
2. Скринников, М. И. Советы и война (о деятельности Советов депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны) / М. И. Скринников. – Гомель : [Б.и.], 2001. – 245 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 41. Д. 303.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 41. Д. 395.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 601.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 109. Д. 1.
7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3016.
8. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 461.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ

О. В. Забельникова

РИПК Минтруда и соцзащиты (Минск)

Женщины представляют социально-демографическую категорию населения, которая отличается целым рядом специфических характеристик. Это и физиологические особенности, специфический гормональный статус женского организма и положение женщины в социальной структуре. Главная причина того, что в современном мире женщин выделяют в особую социально-демографическую группу, заключается в том, что женщины способны к воспроизводству рода. Эта биологическая особенность делает женщину гендерным, культурным и социальным феноменом. Это, в свою очередь, определяет особый статус женщины как объекта социальной работы.

В обществе женщины выполняют целый ряд функций. Одна из них – генеративная (рождение и воспитание детей) – залог стабильного развития любого социума. В семье у женщины очень важные социальные роли. В детстве она дочь, внучка, сестра, принимающая любовь родителей и близких и впитывающая социальный опыт в семье, который она впоследствии будет реализовывать и играть в своей взрослой жизни. Повзрослев, она реализует роль подруги, жены и матери. На протяжении взрослой жизни женщине приходится выполнять разные социальные роли, большая часть которых завязана на взаимодействии с мужчинами – супругом, сыновьями, коллегами, партнерами, начальником и т. д.

В Беларуси сохраняется тенденция к постепенному увеличению разрыва между количеством мужчин и женщин. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, разрыв между мужским и женским населением неукоснительно увеличивается. В 1999 г. в Беларуси проживало 4717,6 тыс. мужчин (47 %) и 5327,6 тыс. женщин (53 %). Причем число женщин превалирует над числом мужчин как в городской, так и в сельской местности [1, с. 36]. На 1 января 2019 г. в Республике Беларусь проживало 9475,2 тыс. чел. Из них 4415,8 тыс. мужчин (46,6 %) и 5059,4 тыс. женщин (53,4 %). Число женщин на 1000 мужчин составляет в нашей стране 1146 человек [1, с. 36]. Больше всего женщин проживает в г. Минске – 1084,8 тыс. человек (мужчин – 907,9 тыс.). Если сравнивать области, то Гомельская область лидирует по количеству женщин – 752,9 тыс. человек. На втором месте – Минская область (750,4 тыс.) [1, с. 42, 45].

Социальные проблемы, с которыми сталкиваются женщины в повседневной жизни, имеют сложный, комплексный характер. В их основе лежат социально-экономическое и социально-психологическое положение нашего общества. Зачастую эти проблемы обусловлены социокультурной реальностью и традициями (например, социальные проблемы женщин-цыган, женщин из ортодоксально христианских или ортодоксально мусульманских семей и др.). Все это требует системного подхода к их разрешению, использования комплекса социальных технологий для получения конкретных позитивных результатов с долгосрочной перспективой.

Одной из первостепенных задач социальной работы среди женщин является консультирование по всем аспектам их жизни, а также поиск путей выхода из тех трудных жизненных ситуаций, в которые они попали, и которые не дают им развиваться, доставляют психологический дискомфорт и даже физические и психологические страдания. Здесь важную роль играет консультирование как профессионального юриста, так психолога, социальной службы и даже оказание медицинской помощи.

Если мы говорим в целом о социуме, то он должен предоставить женщине возможность для получения образования и создать условия для реализации себя в выбранной профессиональной деятельности. Необходимо

гарантировать женщине возможность найти работу, которая позволила бы ей обеспечить свою семью, себя, реализовать свой личностный потенциал.

Безработица, угроза безработицы, невозможность найти подходящую работу в силу возраста, вынужденного перерыва в трудовой деятельности из-за декретного отпуска, отсутствия профессиональных компетенций, наличия малолетних детей или отсутствия подходящих предложений на рынке труда – все это представляет собой одну из важных социальных проблем, с которыми может столкнуться каждая женщина. Наиболее уязвимыми на рынке труда являются слабо защищенные в социальном плане женщины: матери-одиночки; лица, имеющие малолетних детей; воспитывающие детей-инвалидов или ухаживающие за немощными и больными лежащими родственниками; женщины, не имеющие профессионального образования или только что окончившие учебные заведения и не имеющие опыта работы по полученной специальности; пожилые женщины, предпенсионного возраста и т. д. Все это снижает социальный статус и уровень жизни женщины и ее семьи.

Для решения подобных проблем женщине оказывается помощь в социально-трудовой реабилитации. Она включает в себя оказание социально-психологической поддержки женщине в ситуации нарастающей безработицы, помощь в поиске новой работы, постановке на учет на бирже труда и многое другое.

Защита от домашней жестокости в условиях нестационарного учреждения также является важной социальной задачей. Ее решение, как правило, предусматривает совместную работу правоохранительных органов и учреждений социального обслуживания. Если правоохранительные органы пресекают насилие, наказывают агрессора, то территориальные центры социального обслуживания населения оказывают реабилитационную, юридическую, материальную и другие виды помощи его жертвам (женщинам и детям).

Для спасения жизни и здоровья женщин и детей используются кризисные центры, кризисные комнаты. Последние являются временным приютом для жертв, пострадавших от домашнего насилия. Так, кризисная комната представляет собой специально оборудованное помещение (отдельная квартира в многоквартирном доме, комната в общежитии), предназначенное для временного круглосуточного пребывания лиц, находящихся в кризисном состоянии или пострадавших от домашнего насилия.

На размещение в кризисной комнате имеют право следующие категории граждан:

- лица, пострадавшие от террористических атак, техногенных катастроф и стихийных бедствий;
- лица, ставшие жертвами торговли людьми;
- лица, находящиеся в конфликте с другими членами семьи, приведшем их к критическому для здоровья и жизни состоянию;

- лица, подвергшиеся семейному насилию (взрослые и дети, но несовершеннолетние дети – при условии совместного нахождения с ними одного из родителей);

- лица, подвергшиеся психофизическому насилию [2, с. 47–48].

В кризисную комнату помещаются граждане по направлению органов внутренних дел, образования, здравоохранения, по труду, занятости и социальной защите. Кроме этого, граждане сами вправе получить такую помощь, обратившись в Территориальный центр социального обслуживания населения по месту своего жительства с письменным заявлением.

Пребывание граждан в кризисной комнате основывается на принципе безвозмездности (бесплатно) и самообслуживания. Сюда входит покупка на собственные денежные средства питания, одежды и обуви, лекарственных препаратов и других вещей первой необходимости.

В кризисной комнате жертвы насилия могут получить следующие услуги:

- безопасное проживание;
- получение психологической, юридической помощи;
- получение (в случае необходимости) гуманитарной помощи.

По официальным данным, в 2015 г., например, в «кризисных» комнатах было размещено 237 человек (мужчины, женщины, дети), в том числе 178 пострадавших от насилия в семье и 4 граждан, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений [3].

Охрана женского (на всех возрастных этапах ее жизни), в том числе материнского и детского здоровья, способна предотвратить и разрешить многие социальные проблемы женщин и их семей. Оказание женщинам содействия в планировании семьи также представляет собой важную задачу социальной работы. Сюда входит многосторонняя деятельность ряда учреждений как медицинских, так и социальных. И те, и другие вкуче оказывают женщине медико-социальную реабилитацию, информационно-консультативную помощь, предоставляя информацию о существующих методах контрацепции.

Медицинское просвещение, пропаганда валеологических знаний, популяризация здорового образа жизни, необходимости психологической стабильности, информирование способов планирования семьи – все это является важным условием социального благополучия женщины.

Позитивно отражается на психологическом самочувствии и положении женщины существующая система социальных ресурсов для отдыха, досуга, культурного развития и образования. Возможность получить путевку в санаторий и летний оздоровительный лагерь для детей, многочисленные клубы и кружки по интересам, предложения для получения дополнительного образования и повышения квалификации – все это дает возможность женщине психологически разгрузиться, отдохнуть, повысить уровень своей профессиональной квалификации или получить новую специальность.

Однако, ограниченность таких возможностей в сельской местности, а также денежный фактор существенно снижают реальную картину.

Огромную роль в социальной работе с женщинами выполняют территориальные центры социального обслуживания населения, функционирующие по всей республике. Сегодня в Республике Беларусь действует 146 территориальных центров социального обслуживания населения. Они оказывают консультационные услуги, занимаются психологической реабилитацией, юридическим консультированием и правовой защитой, оказывают содействие в поиске подходящей работы, а также помощь в получении или восстановлении документов. Кроме этого, территориальные центры предоставляют адресную социальную или экстренную помощь людям, обратившимся в сложной жизненной ситуации и предоставившим документы, дающие право на получение такого вида помощи.

Социальные учреждения осуществляют не только психологическую и социальную реабилитацию женщин, но также оказывают помощь в получении жилья, трудоустройстве, а при необходимости – продолжении образования.

Подобная комплексная и системная работа имеет свои положительные плоды. Тем не менее, утверждать, что деятельность активностей социальных и иных служб в отношении женщин кардинально меняет их социальную ситуацию, к сожалению, не приходится. Причина этого проста. Социальные проблемы белорусских женщин тесно переплетаются с социальными проблемами всего общества в целом и других демографических групп в частности. Решать их нужно комплексно и на государственном уровне.

В социальной работе среди женщин должны учитываться все факторы. С одной стороны, специфика женщины как представителя особой социально-демографической группы, носителя определенного пола и проявления его в обществе – гендера. С другой стороны, необходимо учитывать уникальность конкретных жизненных ситуаций. На помощь государства могут рассчитывать все женщины, поскольку она гарантирована Конституцией; в первую очередь менее конкурентоспособные и более социально уязвимые по факторам здоровья, дееспособности, иждивения и пр.

Таким образом, социальная работа среди женщин должна иметь целью содействие обеспечению женщин комплексом государственных социальных гарантий и услуг, оказание им всесторонней помощи для стабилизации их социального положения, физического, психического и социального самочувствия.

Список использованных источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник [Электронный ресурс] / ред. кол. И. В. Медведева [и др.]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/145/145cac172f7bf1a9801c64e20888661f.pdf>. – Дата доступа: 30.04.2022.

2. Забельникова, О. В. Феминология : пособие / О. В. Забельникова. – Минск : Минский государственный ПКТ полиграфии, 2019. – 80 с.

3. «Кризисные» комнаты: помощь пострадавшим от домашнего насилия [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/press-centr/102.html>. – Дата доступа: 30.04.2022.

АДМЕТНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ АРГАНІЗАЦЫІ КІРАВАННЯ АХОВАЙ ЗДAROЎЯ Ў БССР І ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

А. А. Капліеў

Інстытут гісторыі НАН Беларусі (Мінск)

Сучасны эпідэмічны крызіс, звязаны з пандэміяй COVID-19, выявіў не толькі важнасць утрымання дзяржавай належнай колькасці шпітальных ложкаў і медыцынскага персаналу, але і неабходнасць падтрымання апэратыўнага і эфектыўнага ўзаемадзеяння розных галін медыцынскай арганізацыі, прыняцця своечасовых рашэнняў на вышэйшым узроўні кіравання аховай здароўя і іх дакладнае выкананне падначаленымі структурамі. Асновы сучаснай мадэлі кіравання аховай здароўя Рэспублікі Беларусь былі закладзены ў міжваенны перыяд, калі ў БССР укаранялася савецкая медыцына, аднак адначасова на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая па выніках польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. была ўключаная ў склад Польшчы, існавала асобная вертыкаль медыцынскіх распарадчых органаў. Дадзены артыкул раскрывае ключавыя асаблівасці кіравання аховай здароўя ў Савецкай і Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.

Пасля ўсталявання бальшавіцкай улады на тэрыторыі Беларусі медыцына краю пачала развівацца па ўзоры РСФСР, дзе на I Усерасійскім з'ездзе медыка-санітарных аддзелаў 15–18 чэрвеня 1918 г. быў закладзены тэрэтычны падмурак савецкай аховы здароўя ў выглядзе ўкаранення прынцыпаў агульнадаступнасці, кваліфікаванасці і бясплатнасці медыцынскага абслугоўвання, прынятае рашэнне аб неабходнасці разбурэння міжведамасных рамак і аб'яднання медыцыны пад уладай Народнага камісарыята аховы здароўя РСФСР. На месцах яму падначальваліся рэгіянальныя медыка-санітарныя органы ў складзе мясцовых выканкамаў (губернскіх, павятовых, гарадскіх, валасных). Першымі крокамі новай улады ў галіне аховы здароўя стала шырокая нацыяналізацыя медыцынскіх устаноў (шпіталяў, амбулаторый, лазарэтаў) і аптэк, а таксама мабілізацыя медыцынскага персаналу на службу дзяржаве [1, с. 96].

Аднак на тэрыторыі Беларусі ва ўмовах нямецкай акупацыі 1918 г. адзінага органа кіравання аховай здароўя створана не было, а на неакупаваных тэрыторыях былі арганізаваныя толькі мясцовыя медыка-санітарныя аддзелы, якія сутыкнуліся з дэфіцытам кадраў, шпітальных ложкаў, медыкаментаў і грашовых сродкаў [2, с. 2].

Пасля адступлення германскіх армій і абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ, пазней – БССР) стварэнне ў складзе яе ўраду Камісарыята аховы здароўя (пазней – наркамата) адбылося толькі 20 студзеня 1919 г. (малюнак 1) [3, арк. 11–11 адв.].

Малюнак 1. – Структура Камісарыята аховы здароўя ССРБ на 1920 г. [4, арк. 36]

На месцах Камісарыяту падначальваліся ўтвораныя на занятых савецкімі войскамі тэрыторыях губернскія, гарадскія і павятовыя аддзелы аховы здароўя, якія непасрэдна кіравалі медыцынскай сеткай і мелі для гэтага шэраг галіновых пададдзелаў. Колькасць пададдзелаў у залежнасці ад спецыфікі мясцовасці магла вагацца, напрыклад, Мазырскі павятовы аддзел аховы здароўя ў 1920 г. меў толькі чатыры пададдзелы: лячэбны, фармацэўтычны, санітарна-эпідэмічны, аховы здароўя дзяцей [5, арк. 139–140]. Мясцовыя аддзелы аховы здароўя мелі падвойнае падпарадкаванне – сваім мясцовым выканаўчым камітэтам, паколькі ўваходзілі ў іх склад, і па ведамаснай лініі – Камісарыяту аховы здароўя ССРБ. Новы Камісарыят мусіў аб'яднаць намаганні мясцовых аддзелаў аховы здароўя па барацьбе з інфекцыямі і аднаўленні медыцынскай сеткі [6, арк. 15].

Пры размеркаванні кампетэнцый мясцовых распарадчых органаў аховы здароўя ўлады ССРБ кіраваліся стандартамі, выпрацаванымі Народным камісарыятам унутраных спраў РСФСР. Так, паводле інструкцыі па арганізацыі мясцовых Саветаў і іх аддзелаў, апошнія павінны былі займацца наступнымі коламі задач:

- 1) арганізацыя медыцынскай дапамогі на месцах;
- 2) упраўленне мясцовай лячэбнай сеткай: бальніцамі, санаторыямі, прыёмнымі пакоямі, амбулаторыямі;
- 3) стварэнне новых лячэбных устаноў;
- 4) правядзенне мер па санітарным добраўпарадкаванні;

5) барацьба з эпідэміямі, у тым ліку арганізацыя так званых лятучых санітарна-дэзінфекцыйных атрадаў, восппрышчэпліванне і стварэнне супрацьхалерных пунктаў;

6) кіраванне нацыяналізаванымі аптэкамі;

7) улік усіх медыцынскіх сродкаў і лекаў;

8) улік медыцынскага персаналу;

9) арганізацыя медыцынскіх курсаў, санітарнай асветы насельніцтва шляхам ажыццяўлення публічных чытанняў;

10) санітарны нагляд за гарадскімі і сельскімі паселішчамі [7, арк. 6–9 адв.].

Выключна дзяржаўны характар савецкай медыцыны, яе ідэалагічная значнасць як найважнейшага сацыяльнай гарантыі савецкага грамадзяніна ў параўнанні з насельніцтвам «капіталістычных краін», прывялі да поўнага падпарадкавання сферы аховы здароўя ўраду і ўсталявання шчыльнага кантролю з боку савецкіх і партыйных органаў. У гэтай сувязі на пасады кіраўнікоў гарадскіх і павятовых (пазней – акруговых і раённых) аддзелаў аховы здароўя вылучаліся не лекары, а перадусім партыйныя і савецкія арганізатары, што было абумоўлена таксама і спецыфічным становішчам медыкаў у структуры савецкай інтэлігенцыі [8, арк. 5, 49].

Варта растлумачыць, што фактычна з пачатку станаўлення савецкай сістэмы на тэрыторыі Беларусі лекары і медыкі ў цэлым разглядаліся як «нядобранадзейныя» з пункту гледжання супрацоўніцтва з бальшавікамі, і, па меркаванні апошніх, мелі прыцягненне да «старых парадкаў» у ахове здароўя (земскай медыцыны) і таму лічыліся патэнцыйнай сацыяльнай апорай контррэвалюцыйных сіл [9, арк. 61 адв.]. Нягледзячы на «пралетарызацыю» медыцыны шляхам пераважнага набору на медыцынскія факультэты абітурыентаў рабоча-сялянскага паходжання, недаверлівае стаўленне да медычнага персаналу захоўвалася. Так, на нарадзе пры ЦК КП(б)Б па пытаннях працы аховы здароўя 21 лістапада 1934 г. партыйнымі чыноўнікамі адзначалася: «...Трэба не забываць, што ў іх [лекараў] яшчэ маецца дробнабуржуазны налёт, рэшткі ўсяго адмоўнага, што было ў дробнай буржуазіі» [10, арк. 82]. Падобнае стаўленне абумовіла дадатковы ідэалагічны нагляд за медыцынскай сферай, што і ажыццяўлялася шляхам вылучэння ў кіраўнікі мясцовых аддзелаў аховы здароўя не ўласна медыкаў, а надзейных з пункту гледжання савецкай улады прадстаўнікоў партыйнай вертыкалі.

Так, на згаданай вышэй нарадзе пры ЦК КП(б)Б па пытаннях працы аховы здароўя было выказана наступнае меркаванне адносна кіраўніцтва раённымі медыцынскімі распарадчымі органамі (райздравы): «Мы лічым няправільным, калі кажуць, што райздравамі павінны быць лекары... Наадварот, там, дзе лекар сядзіць на адміністрацыйнай працы, яго трэба перавесці на лячэбную, а на адміністрацыйную працу пасадыць партыйных людзей, адміністратараў» [10, арк. 80, 90]. Варта дадаць, што падобныя

рашэнні мелі таксама і аб'ектыўныя чыннікі, бо, нягледзячы на наяўнасць болей 2 000 лекараў у БССР на сярэдзіну 1930-х гг., яны былі сканцэнтраваныя пераважна ў буйных гарадах, а на месцах іх недахоп стала адчуваўся: «Райздравамі павінны быць бальшавікі-арганізатары, лячыць павінны тыя, хто ўмее лячыць... Мы не можам дазволіць сабе раскошы пасадзіць лекара на адміністрацыйную працу» [10, арк. 80, 90].

Вышэй адзначаныя абставіны прывялі да ўкаранення практыкі прызначэння на пасады кіраўнікоў раённых аддзелаў аховы здароўя асоб без медыцынскай адукацыі. З-за падобнай кадровай палітыкі ў тэорыі эфектыўная сістэма кіравання аховай здароўя на практыцы не заўсёды працавала належным чынам. Так, да сярэдзіны 1930-х гг. на рэгіянальным узроўні месцамі адзначалася слабая арганізацыя аховы здароўя, асабліва ў вясковай мясцовасці. Напрыклад, у 1935 г. па Дрысенскім раёне адзначалася, што мясцовы райздраў Бухштыкаў «... не знаёмы з аховай здароўя... кажа, што не ведае чым павінен медпункт або бальніца займацца» [11, арк. 224].

Сітуацыя пагаршалася частай зменаў кадраў загадчыкаў аддзелаў аховы здароўя з прычыны як агульнай грамадска-палітычнай абстаноўкі ў СССР, так і цяжкасцей умоў службы на месцах. Так, за 1939 г. у Мінскай вобласці ў 21 раёне змянілася 15 райздраваў, а ў Чырвонай Слабодзе, Любані і Смалявічах за год змянілася па 4 райздравы, з прычыны чаго назіралася «запушчанасць у справе аховы здароўя» [12, арк. 2]. Да канца 1939 г. з 21 пасады райздраваў у Мінскай вобласці 11 не былі запоўненыя. У цэлым, у справаздачы пра стан аховы здароўя ў Мінскай вобласці за 1939 г. адзначалася, што «ў большасці сваёй у якасці загадчыка райздравам прызначаюцца людзі, якія не апраўдалі сябе на іншай працы, якія не маюць арганізацыйнага вопыту, не знаёмыя са справай аховы здароўя і вялікая частка з іх фармальна лічыцца райздравам, а фактычна выконвае работы райвыканкама і райкама партыі па розных кампаніях, па 3–4 месяцы не бываюць у райздраве» [12, арк. 2].

Аднак, нягледзячы на пэўныя недахопы, цэнтралізаваная сістэма кіравання аховай здароўя дазволіла пабудаваць моцную медыцынскую арганізацыю, якая, з аднаго боку, улічвала мясцовыя патрэбы аховы здароўя, а з другога – забяспечвала сувязь цэнтра з рэгіёнамі праз рэгулярны абмен цыркулярамі і справаздачамі, што, у сукупнасці са шчыльным дзяржаўным і партыйным кантролем, дазваляла рэалізоўваць агульны курс на пабудову савецкай медыцыны на падмурку прынцыпаў агульнадаступнасці, кваліфікаванасці і бясплатнасці.

У міжваеннай Польшчы, якая ў 1919 г. акупавала заходнебеларускія землі, арганізацыя аховы здароўя пачалася адначасова з аднаўленнем яе незалежнасці. Яшчэ падчас Першай сусветнай вайны ў перыяд дзеяння часовай Дзяржаўнай рады пры аўстра-германскай акупацыйнай адміністрацыі ў Польшчы ў 1917 г. быў створаны Рэфэрат грамадскага здароўя пры Дэпартаменце ўнутраных спраў, які праз шэраг рэарганізацый у канцы 1918 г. быў пераўтвораны ў Міністэрства грамадскага здароўя. Для тэрыта-

рыяльнага кіравання справай аховы здароўя былі створаны шэсць санітарных акруг з цэнтрамі ў Варшаве, Лодзі, Келцах, Ломжы, Любліне і Львове. Кожная акруга аб'ядноўвала ад тузіны да некалькіх дзясяткаў павеатаў, цэнтры якіх сталі рэзідэнцыямі мясцовых упраўленняў здароўя і павятовых лекараў [13, s. 1].

Нягледзячы на фармальнае распаўсюджванне сходнай медыцынскай арганізацыі на акупаваных беларускіх землях, падчас польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. ва ўмовах маштабнага эпідэмічнага крызісу, звязанага з распаўсюджваннем сыпнога тыфу і іншых хвароб, фактычнае кіраванне развіццём медыцыны ажыццяўляла філія агульнапольскага Галоўнага надзвычайнага камісарыята па барацьбе з эпідэміямі, а большая частка лячэбных устаноў была разгорнута і, адпаведна, кіравалася менавіта гэтым органам [14, s. 675].

Нягледзячы на заканчэнне «вялікай эпідэміі тыфу» ў 1923 г. адмысловага кіраўнічага органа на штат Народнага камісарыята аховы здароўя на тэрыторыі Заходняй Беларусі, відавочна, створана не было [15, арк. 16]. Больш за тое, Міністэрства грамадскага здароўя ў самой Польшчы праіснавала толькі да 1923 г., калі было ліквідавана (з прычыны палітычных пераўтварэнняў, а таксама ў мэтах эканоміі), а яго паўнамоцтвы перададзены Міністэрству ўнутраных спраў. З 1932 г. асноўныя функцыі былога Міністэрства грамадскага здароўя былі перададзены Міністэрству сацыяльнай апекі [16, s. 26].

Падобныя структурныя змены не маглі спрыяць арганічнаму развіццю медыцынскага забеспячэння насельніцтва польскай дзяржавы. У некаторай ступені ліквідацыя Міністэрства грамадскага здароўя ў Польшчы была збалансавана стратыфікацыяй аховы здароўя на некалькі сектараў: дзяржаўны, муніцыпальны, страхавы і прыватны, кожны з якіх меў уласныя лячэбныя ўстановы, сукупнасць якіх фарміравала лячэбную сетку краіны. Таксама можна асобна вылучыць ваенную медыцыну як пятую галіну развіцця аховы здароўя міжваеннай Польшчы. Аднак у Заходняй Беларусі з-за слабасці страхавога і прыватнага сектараў аховы здароўя (якія фактычна мелі аўтаномны статус у сістэме аховы здароўя) утрыманне лячэбнай сеткі ў фінансавым і арганізацыйным аспектах клалася пераважна на дзяржаву, а таксама мясцовыя магістраты і павятовыя сеймікі [17, k. 15 od.].

Кіраванне дзяржаўнай і муніцыпальнай медыцынай было прадстаўлена ваяводскімі і павятовымі ўпраўленнямі (аддзеламі, рэфератамі) здароўя (пазней – здароўя і сацыяльнай апекі, а з 1932 г. – працы, апекі і здароўя), а таксама пасадамі гарадскіх лекараў у найбуйнейшых гарадах [18, арк. 2 адв.]. Гэтыя органы фармальна адказвалі за ўсе сферы аховы здароўя насельніцтва, аднак перадусім займаліся санітарнымі пытаннямі і барацьбой з сацыяльнымі хваробамі (трахома, сухоты, венерычныя захворванні). Павеаты падзяляліся на лекарскія раёны, на чале кожнага з якіх стаяў раённы лекар [15, арк. 16 адв.]. Аднак з-за хранічнага недахопу лекараў на тэрыторыі Заходняй Беларусі (напрыклад, на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства

ў 1923 г. было ўсяго 50 дактароў, у 1928 г. – толькі 120), у вялікай колькасці мясцовасцей, асабліва ў вясковых, іх функцыі выконвалі фельчары [19, арк. 5–5 адв.; 20, к. 72].

Да абавязкаў гарадскога лекара адносіліся:

- 1) санітарны нагляд над прадуктамі харчавання;
- 2) барацьба з інфекцыйнымі хваробамі і нагляд за санітарным станам гарадоў;
- 3) школьная санітарыя;
- 4) забеспячэнне бясплатных кансультацый гарадскім служачым;
- 5) экспертны ўдзел у пасяджэннях гарадскога савета па санітарных пытаннях [20, к. 42–43].

З-за абмежаванай колькасці адказных асоб на павятовым узроўні павятовы лекар адказваў за шматлікія медыцынскія, санітарныя і сацыяльныя аспекты жыцця павета:

- 1) медыка-санітарная статыстыка;
- 2) улік смяротнасці і нараджальнасці насельніцтва;
- 3) нагляд за распаўсюджваннем сацыяльных і венерычных хвароб;
- 4) кантроль ажыццяўлення прышчэпак насельніцтву;
- 5) рэгістрацыя прастытутак;
- 6) улік руху медыцынскага персаналу;
- 7) справаздача пра працу страхавой медыцыны;
- 8) санітарны кантроль за жыллём і жылёлагадоўляй;
- 9) забор пітной вады на аналіз прыдатнасці да ўжывання;
- 10) барацьба з алкагалізмам і штрафы за гэта з накіраваннем у суд [21, арк. 1–9].

Нягледзячы на фармальную вялікую колькасць падаказных сфер дзейнасці, мясцовыя распарадчыя медыцынскія органы пераважна ажыццяўлялі актыўнасць па трох асноўных напрамках: 1) адміністрацыйны; 2) санітарны; 3) судова-медыцынскі. Аднак аналізуючы кампетэнцыі прадстаўнікоў дзяржаўнай структуры аховы здароўя, варта адзначыць, што іх асноўная ўвага была сканцэнтравана на санітарных і агульных прафілактычных мерапрыемствах, а не на непасрэдным аказанні медыцынскай дапамогі насельніцтву [22, арк. 116].

Вышэй пададзенае паказвае, што вынікам развіцця медыцынскіх распарадчых органаў у БССР стала паспяховая пабудова вертыкалі Народнага камісарыята аховы здароўя і падначаленых яму рэгіянальных аддзелаў аховы здароўя, што дазволіла пабудаваць адзіную дзяржаўную медыцынскую арганізацыю, якая, з аднаго боку, улічвала мясцовыя патрэбы аховы здароўя, а з другога – забяспечвала сувязь цэнтра з рэгіёнамі. Разам з тым выключна дзяржаўны характар савецкай медыцыны і яе ідэалагічная значнасць прывялі да поўнага падпарадкавання аховы здароўя дзяржаве шляхам вылучэння кіраўнікоў для гэтай сферы пераважна з партыйнай вертыкалі.

У адрозненне ад БССР, для тэрыторыі Заходняй Беларусі ліквідацыя цэнтралізаванага польскага Міністэрства грамадскага здароўя і разгаліна-

ванне медыцыны на дзяржаўную, муніцыпальную, страхавую, прыватную і ваенную ва ўмовах слабасці сацыяльна-эканамічнага развіцця абумовіла адставанне медыцынскай арганізацыі на заходнебеларускіх землях ад уласна польскай і адмоўна адбілася на забеспячэнні насельніцтва медыцынскім абслугоўваннем.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М., 1943. – 886 с.
2. Звезда. – 1919. – 4 февр. – № 364.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А482. Оп. 1. Д. 127.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Воп. 2. Спр. 4.
5. Занальны дзяржаўны архіў у г. Мазыры. – Ф. 307. Воп. 3. Спр. 1.
6. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Ф. 55. Воп. 1. Спр. 4.
7. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 497. Воп. 2. Спр. 3.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 11959.
9. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. – Ф. 11. Воп. 1. Спр. 1.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 7608.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 8928.
12. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 1п. Воп. 9а. Спр. 28.
13. Monitor Polski. – 1918. – Nr 230.
14. Godlewski, E. Działalność Naczelnego Nadzwyczajnego Komisarjatu do spraw walki z epidemiami w roku 1920 i w pierwszym półroczu 1921 r. / E. Godlewski, Z. Schinzel // Przegląd Epidemjologiczny. – 1922. – Т. 1, з. 7. – S. 669–822.
15. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2396.
16. Wasiutyński, B. Ustrój władz administracyjnych rządowych i samorządowych / B. Wasiutyński. – Poznań : Jan Jachowski, 1937. – 160 s.
17. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Z. 9. Sygn. III 981.
18. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1016.
19. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Ф. 541. Воп. 1. Спр. 910.
20. ААН. – Z. 15. Sygn. 491.
21. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 1541.
22. Занальны дзяржаўны архіў у г. Маладзечна. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 434.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ВАШИНГТОНЕ И ЛОНДОНЕ: ОТ СОЗДАНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

И. И. Ковяко
БГУ (Минск)

Германские исторические институты являются важными центрами сосредоточения и развития исторической германистики в разных странах мира. Первый ГИИ был открыт в 1888 г. в Риме с целью облегчить доступ немецких исследователей к архивам Ватикана. Изначально он имел название «Прусская историческая станция», с 1890 г. – «Прусский исторический институт». Второй Институт появился только в 1958 г. в Париже в контексте франко-германского примирения после Второй мировой войны. К началу 1970-х гг. вследствие «экономического чуда» ФРГ вышла на качественно

новый уровень экономического развития, что позволило ей приступить к реализации политики «мягкой силы». Этому также способствовали успехи Новой восточной политики и подписание восточных договоров. Очевидной задачей являлось формирование привлекательного образа ФРГ за рубежом. Особое внимание уделялось государствам, которые несли ответственность за германское урегулирование. Создание Германских исторических институтов в Великобритании и США соответствовало целям политического руководства и встретило поддержку со стороны немецких промышленных концернов.

В Великобритании и США к этому времени сформировалось новое поколение исследователей, не имеющих травматического опыта военных лет. В 1969 г. было основано Германо-британское историческое общество. В 1976 г. общество сменило название на «Германский исторический институт в Лондоне». Основную часть финансирования Института взял на себя Фонд Фольксваген. После вступления Великобритании в ЕЭС Институт в Лондоне должен был содействовать всестороннему сотрудничеству ученых двух государств. Он представлялся центром изучения англо-германской истории и смежных тем, на его базе проводились научные конференции, презентации книжных новинок, разрабатывались индивидуальные и коллективные научные проекты. В 1977 г. первый директор Института Пауль Клюке оставил свой пост, передав полномочия Вольфгангу Моммзену – специалисту в области истории имперской Германии [2, с. 2–3].

В 2016 г. ГИИ в Лондоне насчитывал 10 постоянных исследователей-германистов, а также определенное количество редакторов, библиотекарей, переводчиков и административных служащих. Временными гостями Института являются приглашенные профессора, а также интерны и обладатели стипендий, которые прибывают для работы в Институт на срок до 6 месяцев. Содержание современных исследований определяется научными интересами директора Института, а также историографическими тенденциями. Они охватывают широкий спектр вопросов германской и британской истории от средневековья до современности. В русле изучения англо-германских отношений сотрудниками Института была проведена масштабная работа по поиску и систематизации серии документов британской оккупационной администрации в Германии. В 1993 г. под редакцией директора Института Адольфа Бирке вышли в свет 11 томов «Актов британского военного правительства в Германии. Контрольная комиссия в Германии. Британский компонент. Предметный указатель 1945–1955». Изучение германской истории сопровождалось анализом актуальных вопросов периода Третьего рейха, Второй мировой войны, ее результатов и последствий для Германии и немецкого народа. Особое внимание уделялось анализу немецкой ментальности и идее третьего (особого) исторического пути Германии, которая была популярна в немецком обществе в XX в. [4, с. 10–15]. В данный момент Институт сосредоточен на культурологическом подходе к изучению

политической истории, социальной истории, а также колониальной и мировой истории [7].

ГИИ в Лондоне располагает самой современной в Великобритании библиотекой германских исследований, которая насчитывает более 86 тыс. изданий. С 1979 г. осуществляется выпуск собственного периодического издания «Вести ГИИ Лондон», с 1998 г. все номера журнала размещаются в открытом доступе [8]. На базе организации ежегодно проходит не менее десятка конференций в сотрудничестве с историческим факультетом Оксфордского университета, Лондонским институтом исторических исследований, Германским историческим обществом, Германским историческим институтом в Вашингтоне [4, с. 20, 22]. Современные мероприятия Института также включают семинары, мастер-классы, коллоквиумы, тематические выставки, публичные лекции и др. [3].

После открытия Германского исторического института в Лондоне начались дискуссии по вопросу открытия Германского исторического института в США. Наибольшую поддержку проекту оказали профессора Гордон Крейг (Стэнфордский университет) и Джеральд Фельдман (Калифорнийский университет, Беркли). Формальное решение было принято в 1985 г. после открытия Музея Холокоста в Вашингтоне [1, с. 7–8]. Первое поколение исследователей Института было представлено преимущественно уроженцами Германии либо детьми немецких эмигрантов 1930-х – 1940-х гг. Это объясняет довольно широкое распространение немецких имен и фамилий среди американских историков-германистов.

Тесные связи Института с американскими учеными привели к формированию в 1991 г. круга «Друзей Германского исторического института». В его число вошли представители Американской исторической ассоциации и Ассоциации германских исследований. С 1997 г. друзья ГИИ проводят ежегодное вручение специальной премии Фрица Штерна за лучшее диссертационное исследование по германской истории, проведенное в университетах США [1, с. 31].

Институт стал удобной площадкой обмена мнениями между американскими и немецкими исследователями, проведения конференций, семинаров, публичных лекций. Он оказывает помощь американским германистам и немецким ученым при проведении исследований в США, поддерживает молодых ученых. С 2001 г. ежегодно 3 октября ГИИ проводит симпозиум германского единства, во время которого с лекциями выступают общественные деятели, которые принимали участие в событиях осени 1989 г. и объединении Германии. Начиная с осени 1987 г. дважды в год осуществляется выпуск журнала «Вести ГИИ», который имеет тираж свыше 7 тыс. экз. С 1991 г. в сотрудничестве с издательством Кембриджского университета осуществляется выпуск серии «Публикации Германского исторического института», с 2004 г. – серии «Исследования германской истории в ГИИ», с 2012 г. – серии «Миры потребления» [6].

Библиотека ГИИ в Вашингтоне насчитывает свыше 50 тыс. единиц и предоставляет доступ к 220 журналам благодаря почтовой и электронной подписке [5]. В 2003 г. Институтом был начат проект по оцифровке большой коллекции первоисточников по германской истории Нового и Новейшего времени. К моменту его завершения в 2012 г. он стал очень популярным, материалы, размещенные онлайн, широко использовались в образовательном и научном процессе по всей стране. В 2011 г. проект был отмечен специальной наградой Американского исторического общества за выдающийся вклад в преподавание и изучение истории [1, с. 17–20].

Текущие научно-исследовательские интересы ГИИ в Вашингтоне, как и ГИИ в Лондоне, в значительной степени определяются руководителем Института. В связи с этим историю ГИИ принято делить на несколько эпох, названных по фамилии глав Института. На сегодняшний день выделяют четыре завершённые эпохи: Хартмута Лемана (1987–1993), Детлефа Юнкера (1994–1999), Кристофа Мауха (1999–2007), Хартмута Бергхофа (2008–2015). С 2016 г. ГИИ в Вашингтоне возглавляет Симоне Лессиг, ее научные интересы сосредоточены на изучении социокультурной истории XIX–XX вв., еврейской истории, актуальных вопросов преподавания исторических дисциплин.

Германские исторические институты в Лондоне и Вашингтоне, созданные в 1970-е – 1980-е гг., продолжают свою работу и в наше время. Их главной задачей по-прежнему остается объединение исследователей-германистов, популяризация германских исследований, поддержка молодых и состоявшихся ученых. В современных международных отношениях они также выполняют важную функцию институтов культурной дипломатии ФРГ, призванной укреплять и развивать отношения между различными странами и народами, используя инструментарий науки и образования.

Список использованных источников и литературы

1. Berghoff, H. The German Historical Institute in Washington, 1987–2012: A short history / H. Berghoff, R. Wetzell // GHI Bulletin Supplement. – 2012. – No 8. – PP. 7–31.
2. Dickens, A. G. The German Historical Institute. Areport / A. G. Dickens // Materials of GHIL. – London, 2021. – 3 p.
3. Events. The German Historical Institute London [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/events/exhibitions-and-special-events>. – Дата доступа: 05.05.2022.
4. German Historical Institute. 40 year anniversary. Special edition. – London : GHIL, 2016. – 35 p.
5. Library. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/library>. – Дата доступа: 21.01.2022 (27).
6. Publications. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/publications>. – Дата доступа: 21.01.2022.
7. Research. The German Historical Institute London [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/research/our-research>. – Дата доступа: 05.05.2022.
8. The German Historical Institute London. Bulletin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/publications/bulletin>. – Дата доступа: 05.05.2022.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В БЕЛАРУСИ (1924–1925 гг.)

В. Д. Крюковский
БГАТУ (Минск)

Образование СССР, воссоединение в составе ССРБ восточно-белорусских земель создали благоприятные условия для развития социально-политической и культурно-национальной жизни белорусского народа. В связи с мероприятиями по преобразованию республики, формированию научного мировоззрения, идейной убежденности, волевых качеств молодого поколения значительно повысилась значимость физического совершенствования учащихся школ. Не случайно в решениях XIII ВКБ(б), VIII КП(б)Б, VI РЛКСМ, VII ЛКСМБ съездов партии и комсомола, прошедших с мая по июль 1924 г., партийным и государственным органам, общественным организациям поставлены задачи активизации работы по физическому воспитанию детей, подростков и молодежи. 13.07.1925 г. ЦК РКП(б) принимает постановление «О задачах партии в области физической культуры», в нем указывается рассматривать физкультуру не только с точки зрения воспитания и оздоровления, но и формирования выносливости, волевых качеств подрастающего поколения [1, с. 12].

В ССРБ развернулось массовое движение юношей и девушек за здоровый образ жизни, организовано отделение Всесоюзного общества «Динамо», в целях научно-методического обеспечения развития спорта при Высшем совете физической культуры (ВСФК) создана межведомственная научно-техническая комиссия. Для определения задач укрепления здоровья учащейся молодежи в июне прошло первое Всебелорусское совещание работников советов физической культуры. Для популяризации физкультуры и спорта в республике впервые организованы физкультурная неделя (14–22 июня) и праздник физической культуры (17–22 августа 1924 г.). В ходе их проведения организовывались митинги, парады школьников и молодежи, лекции, беседы в рабочих клубах, учебных заведениях, показательные соревнования по легкой атлетике, гимнастике, спортивным играм, велоспорту. В мае 1925 г. состоялось второе республиканское совещание советов физической культуры, в ноябре 1925 г. прошел второй Всебелорусский съезд физкультурников, определившие алгоритм физкультурной и определенной военной работы с учащимися учебных заведений [2, лл. 706–713].

Представляет интерес практика физического воспитания школьников в Оршанском округе. 31.05.1924 г. на расширенном заседании коллегии агитпропа партийного комитета с участием руководства ряда отделов исполкома, патриотических организаций рассмотрен вопрос «О физкультурной работе с детьми и подростками». В ходе обсуждения проблемы заслушаны доклады председателя физкультурного совета, ответственных работников отделов образования, здравоохранения, комсомола и профсоюзов. В принятом решении руководство физическим воспитанием школьников

возлагалось на окружной совет физической культуры. На заседаниях физкультурного совета, в состав которого входили представители комсомола, отделов образования, здравоохранения, народного комиссариата труда, военного комиссариата, спортобщества «Динамо» и патриотических общественных организаций, дважды в месяц заслушивались отчеты первичных физкультурных ячеек о проделанной работе, утверждались текущие планы, основные направления физкультурно-спортивной деятельности.

Первоочередное внимание уделялось подбору, обучению, переподготовке кадров. В июне 1924 г. в Орше тренировали школьников и молодежь три профессиональных инструктора. Все они получили образование до октября 1917 г., после революции тренировали мальчиков и девочек в отрядах скаутов и с идеологической точки зрения не соответствовали новым задачам физического воспитания. Для устранения этого противоречия летом 1925 г. весь инструкторский состав прошел повышение квалификации при окружной ассоциации физкультурного самообразования и был аттестован проверочной комиссией окружного совета физкультуры. Ежедневно во всех учебных заведениях Орши инструкторы проводили двухчасовые учебно-методические занятия с учителями физической культуры, классными руководителями и пионервожатыми, в ходе которых рассматривались проблемы физического воспитания детей и подростков, организации физкультурных игр [3, лл. 12а–14].

Проблема нехватки педагогических кадров для сельской местности решалась путем подготовки помощников инструкторов из числа увлекающихся спортом рабочих, крестьян и комсомольцев на двухнедельных курсах окружного совета физкультуры. Учебные занятия проводились ежедневно 8 часов с понедельника по субботу. В дополнение к спортивным дисциплинам рассматривались вопросы истории международного коммунистического движения, красного спортивного интернационала, военизации спорта. На курсах в марте 1925 г. прошли подготовку 18 помощников инструкторов. Эффективно проводились курсы подготовки помощников инструкторов физкультуры в Бобруйском, Витебском, Минском и Могилевском округах, в 1925 г. в республике посредством такой формы обучения прошли подготовку 200 помощников инструкторов [4, лл. 45, 149 об., 155 об.].

Уделялось внимание развитию материально-технической базы физического воспитания. При большинстве учебных заведений имелись площадки для физкультурных занятий и спортивных игр, которые активно использовались при проведении занятий со школьниками и молодежью.

Исполкомами, профсоюзными организациями и трудовыми коллективами оказывалась помощь ячейкам физической культуры в приобретении спортивного имущества: наклонных лестниц, ковров для борьбы, гирь, гантелей, штанг различного веса, лыж с палками, ядер, дисков, наконечников для копий, физкультурной формы. Как показало изучение, поданные в окружной совет физкультуры заявки спортивных ячеек на получение

необходимого оборудования и инвентаря были удовлетворены к июлю 1925 г. на 75 % в городах, – 15 % в деревнях [5, лл. 155–158].

Главное внимание уделялось физическому воспитанию, оздоровлению, спортивным играм. В июне 1924 г. учащиеся Орши тренировались в четырех коллективах физкультуры: при городской школе второй ступени занималось 20 мальчиков и девочек, спортивной секции рабфака – 64 учащихся, кружке физкультуры военкомата 30 мальчиков, физкультурной ячейке сводного полка 64 школьника [6, лл. 149 об.].

В рассматриваемый период значительно повысилась роль физической культуры в общественно-политической жизни общества. В соответствии с решением народного комиссариата просвещения ССРБ с сентября 1924/1925 учебного года в большинстве городских, ряде местечковых, некоторых деревенских школах вводилось изучение физкультуры, в Оршанском округе ее осваивало 1235 учащихся. В масштабах республики новый предмет изучали 38 742 мальчика и девочки, из них 4179 учащихся сельских школ [4, л. 46].

Улучшалась работа в физкультурных ячейках общественных организаций, трудовых коллективов и по месту жительства. Так, в январе 1925 г. в округе имелось 4 первичных ячейки физкультуры с числом тренирующихся – 86 комсомольцев, 144 школьника и 615 пионеров. В сентябре действовало 20 ячеек, в кружках которых тренировались 4333 физкультурника, в том числе 760 членов профсоюзов, 552 комсомольца, 700 пионеров, 2321 учащийся школ [3, л. 268; 6, л. 155 об.].

С началом 1925/1926 учебного года физическая культура в обязательном порядке изучалась во всех учебных заведениях ССРБ. О количестве школьников, изучавших этот предмет на 1 октября 1925 г., дает представление таблица 1. При школах функционировали спортивные кружки. О число занимающихся в них мальчиков и девочек в октябре 1925 г. говорит таблица 2.

Таблица 1

Наименование округов	Могилевский	Слуцкий	Калининский	Оршанский	Бобруйский	Витебский	Полоцкий	Борисовский	Мозырский	Минский	Всего
Количество школьников	7183	2672	2668	2447	2975	10 738	2144	4264	560	18 963	54 614

Таблица 2

Наименование округов	Могилевский	Бобруйский	Мозырский	Оршанский	Калининский	Полоцкий	Витебский	Слуцкий	Борисовский	Минский	Всего
Количество кружков	15	7	сведений нет	8	7	1	сведений нет	7	8	сведений нет	53
Мальчиков	650	333	сведений нет	493	325	18	сведений нет	100	207	сведений нет	2126
Девочек	338	192	сведений нет	217	250	12	сведений нет	400	164	сведений нет	1573

Деятельность государственных органов, общественных организаций Оршанского округа по физическому воспитанию школьников отмечалась как положительная на пленумах, заседаниях бюро и секретариатов ЦК ЛКСМБ (1924–1927 гг.), на втором Всебелорусском съезде физкультурников (ноябрь 1925 г.).

Успешно решались вопросы физического воспитания учащихся школ в Горецком, Городокском, Кличевском, Копысском, Кохановском, Лепельском, Осиповичском, Полоцком, Сенненском, Толочинском, Червенском районах, городах Бобруйске, Борисове, Витебске, Минске, Могилеве, Слуцке [7, лл. 42, 47, 54; 8, лл. 55–57; 9, лл. 219, 318; 10, лл. 26, 32; 11, лл. 35, 37, 67; 12, л. 76].

В физкультурной деятельности со школьниками имели место проблемы и недостатки. Слабо согласованными в работе с детьми и подростками были отношения между государственными заведениями. Физической подготовкой мальчиков и девочек занимались исполкомы советов, отделы образования, здравоохранения, советы физкультуры, военные комиссариаты, инструкторы войсковых частей, но, как показало изучение, взаимосвязанности в их действиях не было. Проведенная рабоче-крестьянской инспекцией весной 1925 г. проверка деятельности республиканских ведомств, отвечающих за постановку физкультурной подготовки учащихся школ, показала, что в их работе полностью отсутствует взаимодействие. Каждое учреждение строило свою физкультурно-спортивную деятельность по отдельным планам, без какой-либо координации с другими организациями, что приводило к параллелизму в работе. Например, республиканский совет физкультуры совершенно не владел данными о количестве школьников, занимающихся физической подготовкой при спортивных комитетах воинских частей, такая деятельность не анализировалась [7, л. 57].

Эффективному физическому воспитанию мальчиков и девочек препятствовали недостаток в школах, физкультурных обществах удовлетворительных гимнастических залов, оборудования и инвентаря. Спортивные площадки многих учебных заведений, как правило, представляли собой необорудованные участки местности для игр и установленные на них примитивные тренажеры: турники, параллельные брусья. Такое положение было характерно для городов Калинковичи, Шклов. Хуже обстояли дела в сельской местности. Например, в начальных школах Каролинского, Озаричского, Рясненского районов полностью отсутствовали помещения для занятий физкультурой и какие-либо спортивные принадлежности, при учебных заведениях даже не имелось простейших детских площадок. Естественно в 1924/1925 учебном году уроки физической культуры в этих учебных заведениях не проводились [4, л. 122; 13, л. 337].

Неумело в ряде мест проходило преподавание нового предмета. Изучение показало, что гимнастические упражнения во многих школах проводились учителями, совершенно не разбирающимися в вопросах спорта, санитарно-гигиенические условия в местах проведения уроков нередко были

неудовлетворительными. Так, в большинстве начальных учебных заведений Житковичского, Костюковичского, Луполовского, Туровского районов физкультурные занятия с мальчиками и девочками проводились в школьных коридорах или обычных учебных классах, совершенно не приспособленных для таких целей. Сами уроки из-за неосведомленности учителей в вопросах спорта проходили в форме рассказов, опросов о задачах введенного курса или простейших упражнений утренней физзарядки. Количество часов на изучение физкультуры отводилось от одного до двух часов в неделю. Естественно, эффект от такой учебной работы был крайне низким [7, л. 125; 14, л. 235].

Исследование показало, что физическое воспитание учащихся, несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки, сыграло огромную роль в развитии силы, ловкости, волевых качеств детей и подростков. Молодое поколение, создавшее в предвоенные пятилетки мощную экономическую базу республики, мужественно и стойко сражавшееся в годы Великой Отечественной войны во имя Победы с фашистскими захватчиками, получило основы физической выносливости, волевой закалки, стойкости, идейной убежденности в период школьного обучения.

Список использованных источников

1. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / под общ. ред. М. Е. Кобринского. – Минск : БГУФК, 2007. – 398 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1757.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1791.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 54.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 641.
6. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 610.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 64а.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 37.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 70.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 71.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 72.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1106.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1787.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1789.

БАРАЦЬБА З ДЭЗЕРЦІРСТВАМ НА МАЗЫРШЧЫНЕ ВА ЁМОВАХ ПЕРАХОДУ АД ВАЙНЫ ДА МІРУ (1920–1921 гг.)

М. М. Мязга

ГДУ імя Ф. Скарыны (Гомель)

У сярэдзіне жніўня 1920 г. у Мінску пачынаюцца польска-савецкія мірныя перамовы. Яны будуць працягнуты ў канцы верасня – пачатку кастрычніка ў Рызе і прывядуць да падпісання 12 кастрычніка прэлімінарнага мірнага дагавора і пагаднення аб перамір'і. Яно ўступіла ў сілу

18 кастрычніка 1920 г., што азначала завяршэнне польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Але яшчэ не быў падпісаны канчатковы мірны дагавор. Перамовы аб яго палажэннях працягваліся да 18 сакавіка 1921 г. Фактычна са жніўня 1920 г. па сакавік 1921 г. ССРБ перажывала пераходны перыяд ад вайны да міру. Гэтая сітуацыя параджала шматлікія нестандартныя праблемы і супярэчнасці ў грамадскім жыцці. Адною з іх стала дэзерцірства салдат Чырвонай Арміі, стомленых шматгадовай вайной (многія ваявалі яшчэ ў Першую сусветную вайну). Спецыфіка Мазырскага павета заключалася ў тым, што ён быў памежны з лініяй савецка-польскага фронту, а затым, пасля заключэння перамір'я, з нейтральнай зонай. Такая сітуацыя стварала дадатковую ваенна-палітычную напружанасць у рэгіёне, спрыяла і распаўсюджванню дэзерцірства [1, с. 181–182].

Мазырская павятовая камісія па барацьбе з дэзерцірствам (у дакументах часта фігуруе скарачанае назва паветкамдэзерцір) пачала сваю дзейнасць 15 ліпеня 1920 г. яшчэ ва ўмовах наступлення Чырвонай Арміі на Варшаву [2, л. 26]. Камісія не мела ў наяўнасці значных сіл для выканання сваіх функцый. Нават на 5 студзеня 1921 г. яна налічвала толькі 7 чалавек каманднага складу, 3 чырвонаармейцы і 5 коней. Пры камісіі меўся атрад спецыяльнага прызначэння. Па штату ён павінен быў налічваць 65 чалавек, але рэальна меў толькі 55. У распараджэнні атрада было 6 коней [3, л. 6]. І ў далейшым слабасць меўшыхся ў распараджэнні камісій па барацьбе з дэзерцірствам сіл заставалася істотнай праблемай. 27 студзеня 1921 г. камісія па барацьбе з дэзерцірствам ССРБ выдала загад, у якім адзначаўся «надзвычай недавальняючы стан атрадаў камдэзаў, адсутнасць абмундзіравання». У якасці недахопаў адзначалася недастатковасць палітработы і недавальняючая разведпраца. Эфектыўнай рабоце атрадаў камісій перашкаджала неэфектыўная работа чыгунак. У якасці недапрацоўкі ўказвалася «на вельмі недастатковае прымяненне рэпрэсій да тых, хто хаваў дэзерціраў у гарадах, — непрыцягненне да маёмаснай і асабістай адказнасці дамавых камітэтаў» [4, л. 24].

Першы месяц працы паветкамдэзерцір у Мазыры прывёў да затрымання 256 дэзерціраў. Прычым стаўленне да затрыманых было дастаткова паблажлівае. У адносінах да 246 затрыманых было прызнана, што яны апынуліся сярод дэзерціраў у «сілу слабасці волі». І толькі адзін быў перададзены ў рэвалюцыйны трыбунал [2, л. 90].

З 28 жніўня 1920 г. на ўсёй тэрыторыі ССРБ праводзілася мабілізацыя ў Чырвоную Армію адразу 12 узростаў. Гэтая кампанія сутыкнулася з цяжкасцямі. У гэтай сувязі камісія ССРБ па барацьбе з дэзерцірствам выдала 5 верасня адмысловы загад. Ён прадпісваў караць не толькі тых, хто ўхіляўся ад мабілізацыі, але і іх сваякоў. Для апошніх асноўнай мерай пакарання была канфіскацыя маёмасці [5, л. 129].

Органы савецкай улады спрабавалі спалучаць рэпрэсіўныя метады з абвешчэннем амністыі. Адна з іх была абвешчана цэнтральнай камісіяй РСФСР па барацьбе з дэзерцірствам у сувязі з 3-й гадавінай Кастрычніцкай

рэвалюцыі. Цалкам вызваліліся ад адказнасці тыя, для каго пакаранне не прадугледжвала пазбаўлення волі. Для астатніх прадугледжвалася датэрміновае вызваленне і скарачэнне тэрмінаў пазбаўлення волі [6, л. 151–151 адв]. У снежні 1920 г. у Мазырскім павеце быў абвешчаны тыдзень добраахвотнай яўкі дэзерціраў і «бандытаў». У справаздачы павятовай камісіі па барацьбе з дэзерцірствам за снежань 1920 г. адзначалася, што кампанія па добраахвотнай яўцы дала мінімальныя вынікі. Добраахвотна з’явілася толькі 250 дэзерціраў. А ўсяго за снежань здалося ўладам і затрымана 998 чалавек [3, л. 5]. Па выніках працы камісіі ў канцы снежня адзначалася, што з валасцей Мазырскага павета бандытызм і дэзерцірства адсутнічаюць ва ўсіх валасцях за выключэннем Камаровіцкай і Мелашковіцкай. У якасці асноўнай прычыны дэзерцірства называлася частая змена ўлад [6, л. 1, 2 адв.].

У студзені 1921 г. камісія адзначыла, што «сітуацыя з дэзерцірствам паляпшаецца». Сапраўды, затрыманы быў толькі 251 дэзерцір, значна менш, чым у папярэднім месяцы. З іх добраахвотна з’явіліся 65 чалавек [3, л. 45, 53]. Блізкая лічба затрыманых дэзерціраў і за люты – 272, з іх 40 здаліся добраахвотна [3, л. 135, 138]. Аднак праблема заставалася, сведчаннем чаго з’яўляецца тэлеграма наркамата па ваенных справах ССРБ ад 18 лютага 1921 г. У ёй тлумачылася, што грамадзяне, якія не з’явіліся па месцы жыхарства ў ваенкамат для пастаноўкі на ўлік, а таксама і не заявіўшыя пра перамену месца жыхарства разглядаюцца як дэзерціры [6, л. 130].

З 20 па 27 лютага 1921 г. павятовая камісія зноў абвясціла тыдзень добраахвотнай здачы дэзерціраў. Усім, хто з’явіцца добраахвотна, савецкая ўлада гарантавала «поўнае дараванне», вызваленне «ад асабістага і маёмаснага пакарання і лічыць іх чырвонаармейцамі з дня ўступлення ў рады Чырвонай Арміі». Добраахвотна здаўшымся гарантавалася сельскагаспадарчая дапамога. Пры гэтым дэзерціры папярэджваліся, што пасля завяршэння тыдня добраахвотнай яўкі «магучая рука рабоча-сялянскай улады калёным жалезам знішчыць дэзерцірства і бандытызм у Савецкай Беларусі» [7, л. 11]. Але палажэнне адносна «магучай рукі» не было рэалізавана неадкладна 22 лютага 1921 г. ЦВК ССРБ прыняў пастанову, згодна якой у сувязі з трэцяй гадавінай Чырвонай Арміі абвешчлася чарговая амністыя дэзерцірам. Мазырская камдэз прыняла інструкцыю па рэалізацыі гэтай пастановы. Спыняліся справы ў дачыненні да дэзерціраў і іх памагатых, асуджаныя вызваліліся, канфіскацыі маёмасці адмяняліся [4, л. 40].

Аднак адзначаныя меры не прывялі да выкаранення дэзерцірства. У загадзе камісіі па барацьбе з дэзерцірствам у ССРБ ад 1 сакавіка 1921 г. адзначалася, што на працягу двух тыдняў добраахвотнай яўкі «дэзерціры далёка не ўсе з’явіліся», многія працягваюць хавацца ў лясах і «з наступленнем вясны не выключаецца магчымасць развіцця дэзерцірства ў больш шырокіх маштабах» [4, л. 40].

Часам барацьба з дэзерцірствам параджала канфліктныя сітуацыі паміж структурамі, якія гэтую барацьбу вялі, і прадпрыемствамі і арганізацыямі. Так, член рэвваенсавета Заходняга фронту І. Уншліхт дазволіў прымаць

на працу на лесанарыхтоўкі чырвонаармейцаў, якія знаходзіліся ў водпуску. Адпускнікі сталі выкарыстоўваць гэта, каб заставацца ў тыле і пасля заканчэння адпачынкаў. Таму камісія па барацьбе з дэзерцірствам Заходняга фронту ў тэлеграме ад 17 лютага 1921 г. папярэдзіла як саміх чырвонаармейцаў, так і прыняўшых іх на працу кіраўнікоў лесанарыхтоўчых прадпрыемстваў аб строгай адказнасці пры выяўленні такіх выпадкаў [6, л. 131]. Для кіраўнікоў устаноў важна было ліквідаваць праблему з недахопам рабочай сілы. Таму яны былі незадаволеныя арыштамі сваіх работнікаў як дэзерціраў. Так, кіраўніцтва Калінкавіцкага чыгуначнага ўчастка накіравала ў Маскву тэлеграму, у якой паведамляла аб арыштах чыгуначнікаў як дэзерціраў і прасіла спыніць «незаконныя арышты», бо яны цягнуць за сабою дэзарганізацыю транспарту [6, л. 53]. Такая пазіцыя знайшла разуменне ў цэнтральнага савецкага кіраўніцтва. 5 студзеня 1921 г. начальнікам мабілізацыйнага ўпраўлення галоўнага штаба Чырвонай Арміі была разаслана тэлеграма, у якой адзначалася: «З прычыны вялізнага недахопу рабочай сілы на чыгунцы і неабходнасці па ўмовах перажываемага моманту хуткімі тэмпамі аднавіць разбураныя ваеннымі дзеяннямі чыгуначныя лініі дазволена пакідаць на чыгунцы дэзерціраў старэйшых узростаў, а менавіта, нарадзіўшыхся ў 1893 г. і старэйшых гадоў» [6, л. 121].

Каб затрымаваць дэзерціраў, на чыгуначных станцыях выстаўляліся кантрольныя пункты [3, л. 5 адв.]. Але хутка выявілася іх неэфектыўнасць. Дэзерціры аддавалі перавагу прасёлачным дарогам для вяртання дамоў. 15 студзеня 1921 г. камісія прыняла рашэнне зняць кантрольныя пункты са станцый Муляраўка, Жыткавічы, Ельск «у сувязі з іх непатрэбнасцю» і выставіць пасты на прасёлачных дарогах [3, л. 21]. Згодна загаду па паветкамдэзерцір ад 15 студзеня 1921 г. кантрольныя пункты ўстанаўляліся на дарогах у Мялешкавіцкай, Лучыцкай і Камароўскай валасцях [8, л. 3].

Звычайна да большасці затрыманых дэзерціраў, як ужо адзначалася, прымяняліся адносна мяккія меры. Так, у снежні 1920 г. з 998 затрыманых дэзерціраў 676 чалавек былі прызнаны «нязлоснымі», 235 адпраўлены ў штрафную роту, у асобы аддзел было накіравана 16 чалавек, у рэвтрыбунал – 17 [3, л. 5]. У студзені 1921 г. з 250 захопленых і здаўшыхся дэзерціраў 202 (80 %) былі прызнаны нязлоснымі [3, л. 53]. Па меры таго, як барацьба з дэзерцірствам уступала ў завяршальную фазу, падыход да затрыманых становіўся больш жорсткім. 26 лютага 1921 г. была выдадзена пастанова СНК ССРБ, якая патрабавала перадаваць у трыбуналы наступныя катэгорыі спраў: а) дэзерцірства ў баявой абстаноўцы; б) дэзерцірства асоб каманднага складу; в) дэзерцірства, звязанае з бандытызмам; г) укрывальніцтва і дапамога дэзерцірам з боку службовай асобы [4, л. 40]. У красавіку са 157 затрыманых дэзерціраўда катэгорыі нязлосных было аднесена толькі 68 (43 %) [5, л. 32].

У якасці адной з рэпрэсіўных мер, што прымяняліся да дэзерціраў, была канфіскацыя маёмасці. Так, у справаздачы Мазырскай паветкамдэзерцір за першы месяц дзейнасці ў ліпені – жніўні 1920 г. адзначаецца 10 выпадкаў

канфіскацыі маёмасці. Было адабрана шынялёў – 4, шаравараў – 17, нацельнай бялізны – 19, вінтовак і стрэльбаў – 17 [2, л. 91 адв.]. У справаздачы камісіі за снежань 1920 г. прыгадвалася канфіскацыя 1 каня і 14 галоў буйной рагатай жывёлы [3, л. 5]. За студзень 1921 г. камісія вынесла 37 пастаноў аб канфіскацыі маёмасці. Было канфіскавана 8 кароў, 6 быкоў, 11 авечак, 2 свінні, 5 коней [3, л. 47]. Прычым пры канфіскацыі жывёлы павінен быў канфіскоўвацца і фураж для яе ўтрымання [6, л. 103].

Пад канфіскацыю трапляліся і самыя дробныя рэчы ўласнага ўжытку. У дэзерціра з в. Вішанькі Панфілева Івана Назаравіча былі канфіскаваны адна пара валенак і адны цёплыя кальсоны. У в. Новае ў Трашко Цярэнція Фаміча канфіскавалі адну пару нацельнай бялізны. У Казянца Івана Мікітавіча з в. Вярхі канфіскавалі адзін кусок палатна. У Любіна Фёдара Аляксеевіча з в. Старое – адзін хамут, адну пару нацельнай бялізны, адзін паджак. У Яцухіна Івана Фаміча – адны шаравары, два кацялкі [8, л. 3 адв.].

З дэзерціраў спаганяліся штрафы. Так, Павел Задворскі павінен быў заплаціць у снежні 1920 г. 10 000 руб. за тое, што яшчэ ў 1919 г. не з'явіўся на паверачны збор [3, л. 5 адв.]. З 1 па 23 лютага 1921 г. на дэзерціраў і тых, хто іх хаваў, было накладзена штрафаў на 2 940 978 руб. Прымянялася практыка накладання штрафаў на цэлыя воласці ў адпаведнасці з загадам рэспубліканскай камісіі ССРБ па барацьбе з дэзерцірствам [3, л. 161, 152].

У барацьбе з дэзерцірствам улады прымянялі калектыўную адказнасць насельніцтва. Рэспубліканская камдэз 30 лістапада 1920 г. выдала загад, які патрабаваў прыняць наступныя меры па барацьбе з дэзерцірамі: 1) узяць у насельніцтва падпіску аб неўкрывальніцтве дэзерціраў; 2) арганізацыя пяці і дзесяцідворак, якія «абавязцаць, што кожны старэйшы пяцідворкі сочыць у сваім раёне, каб не было дэзерціраў. У выпадку выяўлення дэзерціраў у яго раёне нясе такую ж адказнасць, як і дэзерцір». У загадзе ўтрымлівалася пагроза, што вінаватыя ў яго невыкананні будуць прыцягвацца да суду ваеннага трыбуналу [5, л. 42].

У сваю чаргу Мазырская павятовая камісія выдала 19 студзеня 1921 г. загад аб увядзенні кругавой парукі. У ім было сказана, што «кожны селянін павінен адказваць перад рабоча-сялянскай уладай за ўкрывальніцтва ў сяле ці вёсцы як свайго сваяка, так і яго бліжэйшага суседа». За непадпісанне кругавой парукі на воласць накладаўся штраф ад 100 тыс. да 1 млн руб. [8, л. 5–5 адв.]. У вёсках прызначаліся старэйшыя па пяцідворку ці дзесяцідворку. Яны павінны былі перыядычна абыходзіць свае двары і пры знаходжанні дэзерціраў, асоб без дакументаў арыштоўваць іх і перадаваць старшыні сельскага савета. Пяцідворныя і дзесяцідворныя павінны былі не радзей, чым два разы на тыдзень, разам з сельсаветам абыходзіць усю вёску і аб выніках аблавы паведамляць пісьмова ваеннаму камісару па барацьбе з дэзерцірствам [7, л. 2 адв.]. Загад Мазырскай павятовай камісіі ад 19 студзеня 1921 г. быў рэкамендаваны спецыяльным загадам камісіі па барацьбе з дэзерцірствам ССРБ ад 12 лютага 1921 г. як прыклад для працы іншых павятовых камдэз рэспублікі [5, л. 34].

Пераход савецкага кіраўніцтва да больш жорсткіх мер у барацьбе з дэзерцірствам звязаны з тым, што яно не выключала вясной 1921 г. аднаўлення вайны з Польшчай. Таму трэба было забяспечыць стабільны тыл для Чырвонай Арміі [9, с. 162].

У разглядаемы час існавала паняцце не толькі ваеннага, але і працоўнага дэзерцірства. У студзені 1921 г. у Мазырскім павеце была створана камісія па барацьбе з працоўным дэзерцірствам. У прыватнасці, за ўхіленне ад гужавой павіннасці прымяняліся наступныя меры пакарання: першы раз – прыцягваць да пазачарговага нараду на тры дні, у другі раз – на пяць дзён, трэці раз – арышт [6, л. 97–97 адв.].

Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора, ліквідацыя нейтральнай зоны, пачатак масавай дэмабілізацыі з Чырвонай Арміі змянілі грамадска-палітычную сітуацыю і, разам з мерамі па барацьбе з дэзерцірствам, наспрыялі таму, што яно пайшло на спад. Але і з наступленнем міру на Мазыршчыне сітуацыя заставалася напружанай, што было ў многім звязана з дзейнасцю антысавецкіх фармаванняў з тэрыторыі Польшчы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2014. – 393 с.
2. Занальны дзяржаўны архіў у г. Мазыры (далей – ЗДАМ). – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 9.
3. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 16.
4. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 13.
5. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 2.
6. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 1.
7. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 14.
8. ЗДАМ. – Ф. 220. Воп. 1. Спр. 15.
9. Мельтюхов, М. Советско-польские войны / М. Мельтюхов. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Яуза, Эксмо, 2004. – 672 с.

ИСТОРИЯ МОЕЙ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ МОЕЙ СЕМЬИ: ВЕЧНЫЙ ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

Е. П. Нарижная
БТЭУ ПК (Гомель)

Память о страшных событиях Второй мировой войны по-прежнему хранит каждая семья в Беларуси. И это крайне важно, так как без знания своей родословной, своих корней невозможно воспитать из нас – потомков – патриотов и хороших хозяев на земле белорусской. Когда родители рассказывают нам о Великой Отечественной войне через судьбы и несломленный дух тех, кого мы привыкли навещать на кладбище на Радунницу, рассказ о том, каково пришлось тогда нашей семье, нашим родным, позволяет глубже понять историю своей страны и прочувствовать смысл праздника Дня Победы. Это священная память о погибших на полях

сражений. Это светлый праздник спасенной жизни, наша боль утрат и наша надежда на мир.

Основной долг всех последующих поколений нашей страны – долг перед поколением победителей – сохранить свою историческую память о Великой Отечественной войне, не оставить в забвении историю павших, проявивших невероятное мужество и безграничную любовь к Родине, отдать дань благодарности за героический подвиг живым ветеранам войны и трудового фронта.

Используя собственное базовое историческое образование и опыт исторического исследования, подробно рассмотрев единственное сохранившееся фото и несколько семейных фронтовых писем, проанализировав данные архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), интернет-ресурсов «Память народа», «Подвиг народа», коллекции книг «Памяць», а также изучив военные карты и журналы боевых действий, документальную кинохронику 1939–1945 гг., стало возможным проследить весь боевой путь погибшего члена нашей семьи – деда по линии матери. Понять, на каких фронтах Великой Отечественной и где конкретно он воевал, как именно он погиб. Также была поставлена и решена задача по поиску места его захоронения, так как указанная в похоронном извещении местом погребения могила-памятник павшим воинам у д. Сокольники Яновичского сельского совета его данных в надмогильной плите не содержала, и при посещении родственниками в конце 1960-х гг. Сокольников никакой другой информации найдено не было.

Мой дед 1914 г. рождения, беспартийный, был родом из деревни Кривин Лоевского района, которая была сожжена гитлеровцами в 1943 г. и не восстановилась. Свой боевой путь Ковзик Никифор Петрович провел в составе 358 Ленинградско-Хинганской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, 92 стрелкового корпуса, 1191 Выборгского стрелкового полка в звании лейтенанта [1, л. 15].

Перед войной он работал в народной милиции и жил в торфозаводском поселке «Большевик» Гомельского района, где познакомился и потом женился на моей бабушке Осадчей Прасковье Никифоровне [2]. Семью успели эвакуировать как работников торфоперерабатывающего завода на Южный Урал. Бабушка вместе с трехмесячной дочкой (моей будущей мамой, сегодня ей 81 год) оставалась в д. Марьевка Саракташского района Чкаловской области до самого освобождения Беларуси, они вернулись назад только в 1945 г.

Письмо от 07.09.41 г.: «Когда отравили всех вас, то мы все жили при отделении, мечтали – заехали вы благополучно или нет». С 26 июня 1941 г. личный состав милиции был переведен на казарменное положение и преобразован в Истребительный батальон при управлении НКВД Гомельской области. Письмо от 07.09.41 г.: «Мы все время жили под бомбежками, не было нам спасения и где прятаться от бомб немецких. Мы уехали из стеклозавода (г. п. Костюковка) 15 августа ночью. Немцы были

уд. Семеновки, снаряды падали на торфзавод. Ехали все вместе на лошадях до г. Курска. Пробыли мы в дороге 21 сутки. По железной дороге нельзя было ехать, бомбили немецкие самолеты. Проехали Черниговскую, Сумскую область. Начальник Недбалский подал список на всех и нас в г. Курск направили в армию». В это время он служил в составе взвода пешей разведки при штабе.

Никифору было 26 лет, когда по призыву Саракташского районного военкомата его направили в г. Бугуруслан, в котором формировали 358 стрелковую дивизию из призывников Оренбургской, Саратовской, Ульяновской областей и Татарстана. 358 стрелковая дивизия была срочно доукомплектована в Горьковской области и занималась строительством оборонительных сооружений. *Письмо от 15.11.41 г.: «нахожусь в дороге 120 км от Горького... не знаю куда придется уехать на фронт. Я получил теплое обмундирование: ватные брюки, куфайку, шапку, шинель, рукавицы, портянок 3 пары теплых. Славна одежда, вся нова и тепла. Ничего не нужно, только конвертов и бумаги».* Только 8 декабря 1941 г. дивизия была переброшена к Подольску под Москву. Мой дед Ковзик Никифор Петрович попал вначале на Северо-Западный фронт в состав 4-й Ударной Армии под командованием генерал-полковника А. И. Еременко, затем он воевал на Калининском фронте под его же командованием. Это были знаменитые Торопецко-Холмская и Невельско-Городокская операции 1942–1943 гг.

В декабре в ходе подготовки к Торопецко-Холмской операции советское командование впервые столкнулось с проблемой недостатка коммуникаций севернее Волги. Четыре стрелковые дивизии (332, 358, 360 и 334-я) подвозились из района Москвы автотранспортом, а обозы этих дивизий и лыжные батальоны следовали своим ходом. По железной дороге перевозились все стрелковые бригады, артиллерийские и танковые части. Сильнейшие морозы вынуждали делать частые остановки автоколонн для обогрева солдат, сидевших в неотопливаемых кузовах грузовиков. Почти непрерывные снегопады снижали скорость движения, а изношенность автомашин приводила к поломкам в пути и разрыву автоколонн. Усугублялось положение трудностями в снабжении горючим. Вследствие всех этих причин сосредоточение войск затянулось, и сроки начала наступления сдвинулись с 5 на 9 января.

Если рассмотреть военные карты, то четко видно, что 1191 стрелковый полк сражался под городами Подольск, Осташков, Торопец, Велиж, Рудня, Витебск с немецкими группировками армий «Центр» и «Север». Дважды их 358 стрелковая дивизия попадала в окружение – у Андреаполя и Ржева. Все знают знаменитые строчки стихотворения А. Твардовского «Я убит подо Ржевом» и какие страшнейшие бои на болотах там происходили.

Когда маршал И. С. Конев решил выйти к основной коммуникации группы армий «Центр» намного западнее г. Вязьмы, было принято решение о том, что 4-я ударная армия маршала А. И. Еременко должна была наступать в направлении Торопец – Велиж – Рудня. И тем самым выйти

на шоссейную и железную дорогу Витебск – Смоленск. В конце 1942 г. будут подсчитаны потери трех операций Западного и Калининского фронтов, они составят 1 186 246 человек, безвозвратные потери – 394 175 человек.

24 января 1942 г. 358 стрелковая дивизия, двигавшаяся за стрелковыми бригадами армии в направлении Западная Двина – г. Ильино, по приказу командования армии выслала 1191-й стрелковый полк деда с задачей овладеть станцией Земцы и разобрать железную дорогу. Позже полк продвинулся на юг, в район Демидова – Велиж.

Однако наступление на Велиж было приостановлено упорным сопротивлением противника. Немцы настойчиво удерживали здесь позиции, так как Велиж был важным рубежом на пути к Витебску. При приближении фронта фашистское командование предприняло все меры, чтобы укрепить занимаемый город, приспособить его к длительной обороне. С большой поспешностью были возведены дзоты и блиндажи, старинные каменные постройки превращены в огневые точки, а подступы к городу окутаны сетью проволочных заграждений и опоясаны минными полями.

30 января 1942 г. бои за город начались на юго-западной окраине Велижа, затем – на восточной. Враг фактически оказался в кольце наших войск. В ходе наступательных операций состав армии менялся, пополняясь инженерно-саперными, лыжными, танковыми батальонами, а также частями соседних 3-й Ударной и 43-й Армий.

Итак, за восемь дней боев с 22 по 30 января войска А. И. Еременко смогли мужественно пройти 100–115 км и вышли в район Велижа. Однако оба фланга 4-й ударной Красной армии оказались открыты. Правый сосед отставал на 100 км, левый – на 110 км. Одновременно начала сказываться усталость советских бойцов, почти месяц наступавших по глубокому снегу в лесах.

В этих тяжелейших условиях удалось освободить ко 2 февраля 1942 г. правобережную (меньшую) сторону города, а на левой оставался враг. Советские войска и гитлеровские разделяла река Западная Двина. *Письмо от 05.02.1942 г.: «Зима, в нас большие морозы, снег большой, но мы этой зимы не боимся. Настала весела жизнь. Немцев мы громим наповал. Скоро повыгоняем немецких бандитов из ... (цензурой вымаран населенный пункт – Е.Н.) и советской земли. Вышли сала, калбасы, сухариков хороших белых. Жив, здоров. Особо хочется знать, как растет моя дочь Валентина».*

Красная Армия вначале овладела шоссейной дорогой Рудня – Демидов, заняв Жичицы, и, продолжая отражать контратаки врага, достигла Рудни. Бои шли на северо-восточной окраине. Немецко-фашистские захватчики срочно заставили местное население проделать дорогу в зимнем лесу в 2–3 километрах восточнее шоссейной дороги, захваченной Красной Армией. 1191 стрелковый полк, в котором служил дед, продолжал оборонять захваченную ими северную окраину Демидова. Итог наступательных боев Красной Армии против самой мощной группировки армий Гитлера «Центр» в центре России: спустя всего месяц фронт со 100 км стал свыше 500 км, его

смогли наконец расширить 3-я и 4-я Ударные армии. Так завершилась Торопецко-Холмская операция.

В феврале 1942 г. 4-я Ударная армия попыталась вновь овладеть городами Велиж, Рудня, Витебск, Демидов, но безрезультатно. 11 февраля были отведены без боя из Жичиц и Хотеева 1187 и 1189 стрелковые полки, оставив там лишь по одной роте прикрытия. Был дан приказ любой ценой 1191 стрелковому полку деда удерживать северную окраину Демидова. Ведь этот рубеж выравнивал оборонительную линию, которая находилась в 6–8 километрах южнее реки Каспля. *Письмо от 23.05.1942 г.: «Убываю на новое место, на отдых, на учебу, но не думай, что больной или ранили меня, как ты часто спрашиваешь. Дорогая моя жена, я с передовой вернулся благополучно. Скоро войну закончим и с победой домой вернемся».*

После обучения при штабе армии Н. П. Ковзик, возвратившись в свою часть, стал командиром огневого взвода артиллерии, он получал жалование в 650 рублей, ему было выдано личное оружие, яловые сапоги. В подчинении находились два 120 миллиметровых минометных расчета, которые состояли из 20 человек, и два расчета 76 миллиметровых пушек, состоявшие из 23 человек. Оппозиционные затяжные бои под Демидовом продолжались, советское командование на всей изломанной линии фронта постоянно проводило наступательные операции, которые сковывали немецкие части и обескровливали их. *Письмо от 2 января 1943 г. написано на фронтовой листовке «Воин Красной Армии спаси!»: «С Новым годом, многоуважаемая жена Паша и дочь Валентина! Желаю нового счастья, сил, долгих лет и никогда не болеть! Пишу с одной стороны письмо, с другой стороны слезы, посмотри и помни, кого мы защищаем. Мать с дочкой стоит перед смертью... Ты выслала посылку, она не нужна, но раз выслала, буду ждать, сало хорошо, табачок будем покуривать. Паша, ты спрашиваешь, хорошо ли я одет. У меня есть валенки новые, полушубок меховой, воротник, шапка, теплая шинель. Я одет очень хорошо, лучше, чем дома, об нас заботится тов. Сталин. Кушаем хорошо, бывают консервы».*

Параллельно из писем видна тяжелая жизнь в тылу. *Письмо от 24.01.1943 г.: «Паша, ты пишешь, что нет хлеба, я знаю. В том колхозе никогда хорошо не жили, со мной служат и говорят. Даю тебе адрес в другой колхоз, недалеко, 12 км. Спроси у Назаренко, сын Иосиф Кириллович им письмо послал. В нас сейчас погоны заместо петлиц, совсем новая форма. Паша, я скоро буду старик, усы отпускаю и бороду. Эх, приду, ты от меня откажешься, спугается...».* Урожайность зерновых в соседних Челябинской и Оренбургской областях была низкой, около 3–4 ц с 1 га, поэтому колхозники чаще всего торговали как на рынке, так и у проходящих составов овощами [3]. Ещё хорошо шли махорка по 7–8 рублей за стакан и вязаные носки.

Мартовское Ржевско-Вяземское наступление 1943 г. было неудачным, И. С. Конева отстранили от командования, линия фронта сжалась до 200 км, что позволило высвободить фашистам 15 пехотных дивизий, 2 танковые и

3 моторизованные. Это остановило наступление Брянского и Центрального фронтов. Вплоть до августа 1943 г. войска стояли на оборонительных рубежах, подготовка к прорыву в Смоленской операции шла скрытно, передислокация техники и войск проводилась ночью, минимизированы были письменные распоряжения. 5 августа И. В. Сталин посетил линию фронта и встретился с А. И. Еременко [4]. После тяжелейшего двухмесячного штурма с 7 августа части 358 стрелковой дивизии вошли в г. Велиж 20 сентября 1943 г. первыми. В ходе Духовщинско-Демидовского наступления советские солдаты прорвали оборону противника в 3 линии рубежей глубиной 100–150 км, большое значение сыграли авиация и артиллерия. После освобождения Смоленска и выхода на линию Днепр – Сож, началось освобождение Беларуси.

С 6 октября 1943 г. 358 стрелковая дивизия была задействована в Невель-Городокской операции. Ее передали под управление генерала армии И. Баграмяна и включили в состав войск 1-го Прибалтийского фронта. 28 октября 1943 г. мой дед Н. П. Ковзик участвовал в освобождении г. Сураж. После окончания битвы они держали оборону северо-западнее Витебска. Разгромив противника южнее Невеля и развивая наступление, 1191 стрелковый полк вышел к линии обороны немцев на подступах к крупной железнодорожной станции Городок Витебской области.

Станцию Городок немцы защищали с помощью 8 пехотных и авиаполевых дивизий, 1 танковой дивизии из состава 3-й танковой армии группы армий «Центр» и частей южного крыла 16-й армии группы армий «Север». Чтобы не допустить прорыва фронта и соединения войск Красной Армии с белорусскими партизанами, немецкое командование перекинуло из-под Ленинграда под Городок две пехотные дивизии. Таким образом, дальнейшее освобождение Беларуси напрямую зависело от того, смогут ли войска И. Баграмяна овладеть этим выступом и развить наступление на Витебском направлении.

Иван Христофорович Баграмян детально распланировал ход Городокской наступательно-освободительной операции 13.12. – 31.12.1943 г. для 1-го Прибалтийского фронта на глубину прорыва до 110 км. Сама линия фронта в районе наступления советских войск на белорусском направлении также имела крайне сложную конфигурацию. Ведь во время Невельской операции образовался выступ, вершина которого упиралась в межозерье, где в основании находился Витебск, а в центре при штабе – Городок. Близ него раскинулось множество озер, значительно затруднявших наступательные действия наших войск. Замысел операции заключался в том, чтобы встречными ударами 11-й гвардейской и 4-й ударной армий в направлении станции Бычиха прорвать оборону противника на флангах городокского выступа, окружить и уничтожить его группировку, а затем, развивая удар на юг, овладеть Городком и наступать на Витебск. И. В. Сталиным была поставлена задача достичь перелома на участке 1-го Прибалтийского фронта

к началу 1944 г. и создать выгодные условия для освобождения всей Беларуси, разорвав связь группы армий «Центр» с группой армий «Север». Так и произошло: в крайне неблагоприятных условиях непогоды, вынужденно, без поддержки авиации и по непроходимым дорогам, при острой нехватке боеприпасов войскам фронта удалось окружить и в основном уничтожить немецкую группировку в межозерье южнее Невеля к 19 декабря 1943 г.

Разведка боем и артиллерийская подготовка к решающему штурму Городка началась за сутки, с 23 декабря. Приказ о штурме Городка был получен ровно в полночь 24.12.1943 г. Ковзик Никифор Петрович, мой дедушка-артиллерист, героически встретил свою смерть на развилке главной дороги на Витебск у деревни Сокольники (Суражский район Вымнянского сельского совета). Там шли тяжелые бои за выход на трассу и ее постоянный контроль для беспрепятственного прохождения танковых бригад Красной Армии с десантом в сторону Витебска. Он погиб в Рождественскую ночь, сам Городок освободили к полудню, ценой непрерывных атак гвардейских и танковых, пехотных дивизий, поддержки с воздуха авиацией 3-й воздушной армии, тяжелейшими рукопашными боями в траншеях.

В этот же день столица СССР г. Москва салютовала нашим доблестным войскам, освободившим Городок, 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Через неделю 31 декабря 1943 г. Городокская наступательная операция была завершена. Маршал Иван Баграмян позже вспоминал: «Городокская операция, не крупная по масштабу, сохранилась в моей памяти как одна из наиболее сложных».

В ходе Городокской операции в сложнейших условиях местности и погоды, «по колено в снегу и грязи, по горло в крови», преодолев исключительно упорное сопротивление немцев, войска фронта освободили свыше 1220 населенных пунктов. Личному составу войск, участвовавшему в боях за взятие Городка, была объявлена благодарность Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. В освобожденном городе состоялся торжественный митинг, в нем участвовали жители ближайших сел, воины, бойцы Городокской партизанской бригады, которая в составе 5 отрядов отважно сражалась с оккупантами.

В журнале боевых действий за 1943–1944 г. есть записи о безвозвратных боевых потерях за все дни, за исключением дней штурмов. Чем это вызвано, понятно и объяснимо, ведь в наступление шли практически все... Потери данной операции подсчитывали с 24 декабря 1943 г. вплоть до 6 января 1944 г., целых две недели [5, л. 113].

Похоронили Никифора Петровича Ковзика в братской могиле № 2301 [6, л. 125]. Было ему тогда 29 лет. В деревне Сокольники за братской могилой № 2301 всегда ухаживали, однако на памятнике, к сожалению, не было до 2019 г. гравировки с его именем и фамилией. Зато существовала

ошибочно нанесенная гравировка надмогильной плиты с его данными в д. Большая Любщина Задубровского сельсовета на братской могиле № 4403, что обнаружилось только в 2016 г.

Сегодня ошибка в увековечивании памяти моего деда исправлена благодаря усилиям Морозова Вячеслава Николаевича, учителя математики, физики и информатики, а также Морозовой Татьяны Валерьевны, социального педагога, педагога-психолога. Большая краеведческая работа, которую ведет этот замечательный тандем соавторов интернет-сайта «Ценою жизни», а также их коллег-педагогов из ГУО «Вымнянская детский сад-базовая школа Витебского района» Витебской области, имеет в своей основе настоящие христианские ценности и заслуживает глубокого уважения от всех родных и близких погибших, память о которых сохраняется благодаря таким энтузиастам своей профессии.

Список использованных источников

1. Приказ об исключении из списков 1191 стрелкового полка // ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 216.
2. Памяць: Гомельскі раён : у 2 кн. / Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск : БЕЛТА, 1988–1999. – Т. 1. – 378 с.
3. Кусков, С. А. Цены военного времени [Электронный ресурс] / С. А. Кусков // ГУ ОГАЧО. – Режим доступа: <https://archive74.ru/>. – Дата доступа: 05.05.2022.
4. Комаров, Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной / Д. Е. Комаров. – Смоленск, 2015. – 368 с.
5. Донесение о безвозвратных потерях. Именной список безвозвратных потерь личного состава 358 дивизии с 24.12.43 по 06.01.44 года // ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 287.
6. Места захоронения и номера извещений о смерти личного состава 358 див. 1191 с/п // ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 287.

РЕЛИГИОЗНО-МОНАРХИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

**В. М. Острога
БГТУ (Минск)**

Буржуазные реформы середины XIX в., включая школьную, были, как отмечалось, «вынужденной уступкой царизма, они должны были сохранить главное – незыблемость самодержавия... Как только позволила обстановка, самодержавие переходит к курсу, который определялся усилением охранительных начал, что характеризовалось, в первую очередь, стремлением сузить, обкарнать, сколько возможно, принятые реформы» [1, с. 105]. В рассматриваемый период деятельность самодержавного аппарата власти была направлена на защиту уже сложившихся общественных отношений и политической системы Российской империи. В общем курсе царизма

значимую роль играла образовательная политика, которая являлась важным средством социального регулирования и контроля и была направлена на сохранение монархических основ государственности.

«Для поддержания власти и уважения к закону» учебное начальство должно было «строго преследовать в подчиненных всякое... проявляющееся порицание действий и распоряжений правительства». Директора гимназий и реальных училищ обязаны были следить за тем, чтобы в их учебных заведениях господствовала только государственная точка зрения по всем возникающим вопросам. «Для охранения коренных основ веры» всем служащим по учебному ведомству предписывалось «неуклонно исполнять обязанности, налагаемые религией на каждого христианина». Поэтому и воспитание молодого поколения предполагалось «в духе религиозных и верноподданических обязанностей» [2, л. 9].

При определении на службу учителя предоставляли свидетельства о политической и нравственной благонадежности, которые выдавались в канцеляриях губернаторов. Запись же о «сомнительной политической благонадежности» или констатация «тесной дружбы с лицами политически неблагонадежными» закрывали возможность назначения на должность учителя [3, л. 1–11]. Кроме этого, педагоги приводились к присяге «на верность оной». Текст «Клятвенного обещания» для учителей всех типов учебных заведений был одинаковым и содержал обязанность «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... себя вести и поступать как верному его Императорского Величества подданному благопристойно» [4, л. 2]. Так, «сей клятвы целовал слова и Крест Спасителя» назначенный с 1 августа 1907 г. на должность штатного учителя Слуцкого 3-классного городского училища окончивший Виленский учительский институт И. Лоскович. Приведен к присяге он был протоиереем М. Вечерко [5, л. 3]. Кроме этого, должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, запрещалась всякое участие в политических партиях, обществах и союзах, и не только явно революционных, но в своей деятельности «обнаруживающих стремление к борьбе с правительством или призывающей к таковой борьбе население» [6, л. 99].

Идеи монархического воспитания при их реализации в народном образовании имели специфические черты: формировался образ величия императора и незыблемости самодержавия и правящей династии Романовых. В конце XIX – начале XX в. населению и учащимся насаждалось следующее представление о царе: «1. Николай – правитель, проявляющий заботу о гражданах, начальник, благотворитель, что укрепляло патерналистский подход; 2. государь – идеальная личность – его интересы, образ жизни, детали быта тиражировались в журналах, газетах, фотографиях, марках; 3. монарх – примерный семьянин – благочестивый муж, заботливый отец,

хранитель русских семейных традиций; 4. миропомазанник Божий – подчеркивалась божественность, православность правителя (в прессе освещалось соблюдение постов, посещение церкви членами императорской семьи, чествование святых из рода Романовых)» [7, с. 17].

В специальных циркулях попечитель Виленского учебного округа в приказном порядке требовал на заседаниях педагогических советов обсудить «вопрос о мерах предохранения учащихся от тлетворных внешних воздействий и о воспитании их как в едином чувстве Священной любви к возлюбленнейшему нашему Государю и общему отечеству России, так и в насаждении в них полного чувства взаимного доброжелательства и взаимной любви», религиозности [8, л. 11].

В учебных заведениях империи большое внимание уделялось религиозно-нравственному воспитанию, которое проявлялось в идее популяризации личности царя и его семьи среди учащихся, чему способствовало проведение праздников в честь памятных дат и событий в истории России, неразрывно связанных с деяниями царей и круглыми датами их биографий. Церковь помогала государству с помощью школы в возвеличивании образа царя во время торжественных и ежедневных богослужений. В зданиях учительских семинарий, гимназий и реальных училищ, кроме классных комнат, находились домовые церкви, где проводились богослужения. В процесс религиозного образования были вовлечены не только священники, которые, как правило, преподавали Закон Божий как обязательный предмет, но и все учителя. Они сопровождали учащихся на исповедь и богослужение в праздничные и воскресные дни, дежурили в храмах, организовывали церковные хоры, зажигали лампы на иконах и т. д. Формировались такие качества учеников, как послушание, терпение, благочестие, милосердие. Годовые отчеты, справки и исторические справки о гимназической деятельности в целом отмечали, что учителя и классные руководители «всеми средствами стремились к выполнению своих обязанностей, а именно к развитию и укреплению у учащихся любви к истине, труду и науке, чувства долга, чувства религиозности, любви к Отечеству и верности Престолу; по возможности способствовать искоренению дурных привычек и склонностей в учениках» [9, с. 149]. Факты «неодобрительного поведения», участия в антиправительственных нелегальных собраниях, политических волнениях и манифестациях руководством Мозырской прогимназии рассматривались и решались «чрезвычайно резко»: от огромных штрафов (100–200 руб.) до исключения из числа учащихся [10, с. 126–127]. Поэтому всегда, и в особенности в период подъема национально-освободительного движения и революционных волнений, под бдительным контролем учебного ведомства находились «умонастроения», «политическая и нравственная благонадежность» педагогов и учащихся.

Некоторые учебные заведения были названы в честь представителей Дома Романовых: Могилевская гимназия имени императора Александра I,

Витебская Алексеевская гимназия, Могилевское Александровское реальное училище, Бобруйская Алексеевская женская гимназия, Витебская женская имени Романовых прогимназия, Докшицкое Романовское высшее начальное училище и др. [11, с. 584]. Большое внимание уделялось школьной обстановке. В то время существовали определенные правила оформления актового зала, учебных аудиторий, зон отдыха и других помещений. Обязательное присутствие на стенах храма икон, портретов императора и его семьи, выдающихся русских деятелей, а также наличие парадной лестницы и т. д. должно было подчеркнуть статус гимназии как государственного учреждения и «храма» науки и культуры. В уклад жизни гимназии входили традиционные общешкольные мероприятия, организованные педагогами: празднование «знаменательных дат», религиозные праздники, спектакли на русском и иностранных языках, литературные беседы, экскурсии и многое другое. К «знаменательным датам» относились даты важных исторических событий (юбилеи отмены крепостного права, война 1812 г. и др.), даты рождения и смерти великих писателей и общественных деятелей, коронации императоров. В такие дни здание гимназии украшали гербами, флагами, ветками и цветами. Атмосфера праздника, царившая во время таких мероприятий, была важным средством воспитания, благотворно влияла на эмоциональное настроение всех присутствующих. Так, яркий и запоминающийся вечер был проведен 9 февраля 1914 г. учениками старших классов Минской мужской гимназии. Программа состояла из 2 отделений (первое – постановка комедии в 3-х действиях А. Н. Островского «Комик XVII столетия» и второе – стихи, песни, игра на музыкальных инструментах и выступление хора). На мероприятие были приглашены высокопоставленные чиновники Минской губернии [12, л. 2].

В школах распространялись портреты царя и членов его семьи для учащихся, медали для учебного персонала. Широко праздновалось в учебных заведениях Беларуси 300-летие династии Романовых: организовывались торжественные мероприятия, зажигались лампы у икон и портретов царя, распространялась специально изданная литература. Так, «на сооружение иконы или предмета церковной утвари для храма-памятника в Санкт-Петербурге в ознаменование трехсотлетия Царствования Дома Романовых» «учащими» и учащимися Виленского учебного округа было пожертвовано 1200 руб. [13, с. 43]. В память этой юбилейной даты при учебных заведениях учреждались специальные стипендии, организовывались выставки и экскурсии. Директор народных училищ Минской губернии Самойлович «циркуляром приказал народным министерским школам купить для раздачи ученикам брошюру «Воцарение Дома Романовых» [14, с. 4].

В 1903 г. во время празднования 35-летнего юбилея учителя Мясдетского народного училища С. Д. Капрызова одним из старожилов, местным крестьянином были «приподнесены» две гипсовые статуи (Импера-

тора Александра III и Императрицы Марии). Этот «подарок был особенно приятен юбиляру, так как большая часть его 35-летнего служения народной школе прошла при Царе-Миротворце» [15, с. 30]. Учительницы народных училищ округа получили право на ношение нагрудной юбилейной медали 1913 г. [16, с. 2].

Должное внимание уделялось обеспечению соответствующей литературой школьных библиотек и книжных складов. Так, попечитель Виленского учебного округа в циркулярных предписаниях указывал, что при выборе книг мало обращается внимания на приобретение изданий по отечественной истории, географии России, русскому языку и литературе, в то время как «отечествоведение имеет исключительно важное образовательное значение, особенно в целях воспитания и развития у учащихся сознательной и незыблемой любви к монарху, России и всему русскому» [17, л. 3]. Был подготовлен также широкий список изданий «для поднятия религиозного чувства учащихся».

В 1912 г. при народных училищах Могилевской губернии (приходских, министерских и земских) учителями было проведено 807 народных чтений. Большинство из них было посвящено религиозно-нравственным темам. Непосредственное участие и общий надзор за содержанием и ходом таких воскресных и праздничных чтений принимали местные священники-законоучителя. В отчетах указывалось, что была использована только одобренная литература религиозно-нравственного, исторического и бытового характера, а также по основам сельского хозяйства. Живой и неподдельный интерес вызывали чтения с использованием «волшебного фонаря» и демонстрацией световых картинок [18, л. 6].

Таким образом, доминирование «охранительной» функции государства неизбежно вело к усилению школьной дисциплины и контроля. Религиозно-монархическое воспитание было глубоко проникнуто консервативными идеями, сужало возможности обновления содержания учебно-воспитательного процесса с учетом требований того времени и достижений прогрессивной педагогической мысли. И трудно не согласиться с мнением современников, что «каждое государство имеет таких граждан, каких приготовило в своих школах, поэтому воспитание юношества, смотря по тому, как оно ведется, или возвышает народы государства, или приводит их к упадку» [19, с. 3].

Список использованных источников

1. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.
2. Циркуляры, отчеты, именные списки, ведомости по Могилевской женской гимназии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2263. Оп. 1. Д. 1.
3. Сведения о политической благонадежности лиц, назначаемых на должности учителей народных училищ // НИАБ. – Ф. 2254. Оп. 2. Д. 595.

4. Клятвенные обещания на верность службе преподавателей Могилевской мужской гимназии // НИАБ. – Ф. 2261. Оп. 1. Д. 66.
5. Клятвенные обещания учителей приходских училищ Минской губернии. 1907 г. // НИАБ. – Ф. 458. Оп. 1. Д. 443.
6. Циркуляры канцелярии по учреждениям императрицы Марии // НИАБ. – Ф. 2263. Оп. 1. Д. 25.
7. Сулимов, В. Г. Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX – начала XX вв. : автореф... канд. ист. наук / В. Г. Сулимов. – Барнаул, 2006. – 22 с.
8. Циркуляры по улучшению дисциплины в средних учебных заведениях // НИАБ. – Ф. 2416. Оп.1. Д. 4.
9. Историческая справка о Слуцкой гимназии 1617–1630–1901 гг. / сост. И. А. Глебов. – Вильно : тип. А. Г. Сыркина, 1903. – 217 с.
10. Историческая записка о Мозырской прогимназии / сост. К. Шпаковский. – Мозырь : тип. Х. В. Кугель, 1909. – 150 с.
11. О присвоении Докшицкому высшему начальному училищу особого наименования // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 11. – С. 584.
12. Отчеты по управлению Минской гимназией // НИАБ. – Ф. 466. Оп. 1. Д. 297.
13. По учебному округу. К 300-летию Царствования Дома Романовых // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1913. – № 1. – С. 43–44.
14. З усіх старон // Наша ніва. – 1913. – 25 студзеня (№ 4). – С. 4.
15. 35-летний юбилей учителя // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1903. – № 1. – С. 28–30.
16. О праве учительниц народных училищ на ношение юбилейной медали 1913 г. // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 1. – С. 2.
17. Циркуляры и копии циркуляров Попечителя Виленского учебного округа о приобретении книг и наглядных пособий для училищ // НИАБ. – Ф. 2507. Оп. 1. Д. 2402.
18. Материалы к отчету о состоянии народного образования губернии за 1912 г. // НИАБ. – Ф. 2254. Оп. 4. Д. 25.
19. Миловидов, А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна, 1904 – 39 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И БОРЬБА С ФАЛЬСИФИКАЦИЯМИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. А. Панарин, Е. В. Панарина
Армавирский государственный педагогический университет
(Армавир, Россия)

Спустя 77 лет после Великой Победы большое значение имеет сохранение исторической памяти о героических событиях Великой Отечественной войны. Выступая 2 июля 2020 г. на заседании Российского организационного комитета «Победа» Президент России В. В. Путин заявил: «Память, которая бережно передаётся у нас из поколения в поколение, –

самая прочная гарантия того, что мы все вместе никогда не позволим переиначить значение и итоги Победы, умалить подвиг советских людей, которые отстаивали Родину и спасли народы Европы» [2].

Память о великом подвиге советского народа свято чтут в Беларуси, что получило отражение в выступлении Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 22 июня 2021 г. на памятном мероприятии в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», посвященном 80-летию со дня начала Великой Отечественной войны. Было отмечено: «Сегодня мы славим подвиг нашего народа, чествуем ветеранов и скорбим о погибших, склоняем головы перед героями и невинными жертвами войны. Помните: эта память священна и незыблема. И пока она есть, эта память, у нас, мы будем жить – жить всегда достойно, жить не на коленях [3].

В тяжелейшей войне весь советский народ, приняв на себя всю силу удара агрессора, сумел защитить независимость не только своей Родины, но и стать надежным оплотом прогрессивного человечества в борьбе с фашизмом. Красная Армия внесла основной вклад в освобождение Европы от немецко-фашистских захватчиков, потеряв при этом более миллиона человек, в том числе 600 тысяч в ходе освобождения Польши, со стороны определенных политических кругов которой звучат в настоящее время обвинения в советской агрессии и оккупации.

Историческая память должна отражать важнейшую роль СССР в организации движения Сопротивления в ряде стран Европы, участникам которого была оказана существенная помощь. Не следует забывать и том, что на территории СССР были сформированы различные национальные воинские формирования, принимавшие затем участие в освобождении своих стран. В результате освободительного похода Красной Армии были спасены от уничтожения миллионы людей, находившиеся в оккупации и в концлагерях.

В то время население поработанных фашистской Германией стран Европы встречало Красную Армию как освободительницу. В знак искренней благодарности во многих населенных пунктах было установлено более 4 тысяч мемориалов и памятников, посвященных подвигу советского воина-освободителя. В последние десятилетия в ряде стран Европы, а также в Прибалтике и Украине происходит «война с памятниками», что стало позорным явлением их современной истории [7, с. 342].

В условиях нагнетания русофобских настроений предают забвению тот факт, что в тяжелейших испытаниях военного времени советский народ сокрушил фашизм – самое мрачное порождение XX в. Объединение усилий всех прогрессивных сил планеты в борьбе с коричневой чумой заложило прочную основу для утверждения идей мира и демократии. Впервые в истории возникли реальные предпосылки для конструктивного решения проблем международной безопасности.

Несмотря на эти благотворные изменения, спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны, вновь проявилась живучесть фашистской

идеологии, результатом чего является создание в ряде государств, в том числе в Украине и Прибалтике, неофашистских организаций, пытающихся внедрить чужеродные идеологии в сознание людей. В этом же русле среди зарубежных историков и политических деятелей осуществляются попытки пересмотреть историю Второй мировой войны.

Можно согласиться с Т. С. Гузенковой в том, что «в настоящее время мы, по сути дела, являемся свидетелями, а некоторые из нас и участниками, исторических войн. А уж если говорить об историческом наследии Второй мировой войны, то не будет преувеличением утверждать, что речь идет о настоящей мировой битве за право по собственному усмотрению распоряжаться Победой 1945 г.» [4, с. 11].

К числу наиболее распространенных фальсификаций можно отнести следующие. Во-первых, утверждается, что СССР и Германия несут равную ответственность за развязывание войны. 19 сентября 2019 г. была принята резолюция Европарламента «О влиянии исторической памяти на будущее Европы». В ней утверждалось, что виновники Второй мировой войны – «коммунистический Советский Союз и нацистская Германия». По верной оценке К. В. Яценко, «такая трактовка является очень привлекательной для европейских стран, поскольку помогает им завуалировать свою собственную неблагоприятную роль в годы войны» [10, с. 262].

При этом не принимается во внимание нежелание руководства Англии и Франции заключать с СССР договор по противодействию фашистской агрессии. В таких условиях советское руководство должно было принять меры по защите национальной безопасности страны, в том числе подписав с Германией договор о ненападении. Совершенно ясно, что, выдвигая ложные обвинения, западные оппоненты стремятся не к достижению истины, а к решению определенных политических задач. Отсюда их попытки переформатировать историческую память, извратив истинное положение происходящего в конце 1930-х гг. Можно допустить, что после того, как в общественном мнении утвердится фальшивая схема равной ответственности двух тоталитарных государств, будет сделан следующий шаг и уже единственным инициатором начала Второй мировой войны будет признан только СССР.

В связи с этим следует разоблачать подобные утверждения и демонстрировать подлинную картину международных отношений перед Второй мировой войной. Как справедливо замечено в одной из коллективных монографий, «сколько-нибудь убедительных документов и фактов, свидетельствующих о подготовке Советским Союзом нападения на Германию не обнаружено, но умоглядных схем о превентивных ударах более чем достаточно» [6, с. 511].

В качестве одного из аргументов может быть сравнение поставленных в войне целей. Если фашистская Германия стремилась к созданию нового

мирового порядка, построенного на идеях расовой теории, что предусматривало порабощение и уничтожение многих народов, то СССР совместно с западными союзниками главной целью войны считал достижение свободы и независимости как своего, так и других поработанных агрессором государств.

Во-вторых, фальсификаторы истории пытаются вытравить из памяти людей само понятие Великой Отечественной войны. Например, в Украине в учебниках истории такой раздел отсутствует и события на советско-германском фронте представляются как один из эпизодов Второй мировой войны. Как отмечает А. С. Братчик, в этих учебниках «...нет ни слова о массовых подвигах и героизме советских воинов при освобождении городов и сел Украины. Согласно новой концепции, исключается ведущая роль СССР, большая заслуга в победе над нацистами принадлежит ОУН-УПА, а уничтожение их боевых отрядов преподносится как братоубийственная война. В учебных изданиях присутствует героизация данных националистических организаций» [1, с. 48].

К сожалению, некоторые российские историки также пытаются извратить сущность событий военного времени. Так, в публикации «История России XX век: 1939–2007», вышедшей под редакцией профессора МГИМО А. Б. Зубова, период 1941–1945 гг. обозначен как «советско-нацистская» война [5]. По сути концепции этого автора заложено отношение к Великой Отечественной войне как к столкновению двух диктатур, обе из которых были враждебны русскому народу. Разоблачение подобных подходов необходимо, так как в противном случае у читателей будет формироваться ложное представление об отсутствии единства власти и общества в условиях войны.

В ответ достаточно заметить, что при данной ситуации победа над врагом была бы просто невозможной. Как справедливо отмечает Н. К. Петрова, «Отечественную войну смог выиграть только советский народ, народ-патриот, доказавший всему миру свою волю и способность к борьбе с врагом... Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не продемонстрировал такого мощного морально-политического единства, как советский народ» [8, с. 552].

В-третьих, уменьшается вклад Красной Армии в общую победу над фашизмом и, вместе с тем, преувеличиваются заслуги англо-американских войск. Разоблачение данной фальсификации можно осуществить при помощи сравнительного анализа. Так, в первой половине 1944 г. против СССР действовала 201 дивизия, или 63 % всех дивизий врага. Против союзников воевало только 19 немецких дивизии или 6 % общего состава. После открытия второго фронта против Красной Армии действовала 181 немецкая дивизия, а против войск союзников 81 дивизия.

Всего в годы войны Красная Армия уничтожила 507 немецко-фашистских и 100 дивизий её сателлитов, почти в 3,5 раза больше, чем

западные союзники. Наиболее крупные и решающие сражения Второй мировой войны также происходили на советско-германском фронте. Так, в Сталинградской битве, которая дала начало коренному перелому в ходе войны, с обеих сторон участвовало более 1 млн человек, а в самом крупном для союзников сражении при Эль-Аламейне осенью 1942 г. английские войска включали 220 тыс. человек, а немецко-фашистские – 115 тыс. человек [9].

Выдающиеся заслуги Красной Армии в разгроме общего врага признавали тогда и наши западные союзники. Например, генерал Дуайт Эйзенхауэр вскоре после окончания войны отметил, что «Красная Армия сыграла решающую роль в поражении Германии». Фельдмаршал Бернард Монтгомери заявлял: «Россия в тяжелом единоборстве, почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла. Мы, англичане, никогда не забудем подвига России» [9]. К сожалению, потомки этих великих полководцев привыкли рассуждать по-другому.

В настоящее время борьба с фальсификациями истории Великой Отечественной войны является одним из главных условий укрепления духовных основ российского общества и других народов, участвующих в составе СССР в борьбе с фашизмом. В связи с этим важнейшей задачей историков является отстаивание исторической правды о решающем вкладе советского народа в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

В то же время передача правдивой информации об истории Великой Отечественной войны подрастающему поколению должна происходить от широкого круга участников, таких как ветераны и дети войны, учителя школ и преподаватели вузов, а также всех, кто заинтересован в патриотическом воспитании молодежи. Исторический опыт показывает, что только уважение своей героической истории, изучение собственной духовно-культурной традиции, формирование молодежи национального самосознания способны обеспечить единство общества и условия для его дальнейшего развития.

Список использованных источников

1. Братчик, А. С. Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине / А. С. Братчик // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 43–51.

2. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина [Электронный ресурс] // Стенограмма заседания Российского организационного комитета «Победа» от 2 июля 2020 г. – Режим доступа: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanija-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html>. – Дата доступа: 29.04.2022.

3. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 22 июня 2021 г. на памятном мероприятии в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», посвященном 80-летию со дня начала Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proza.ru/2021/06/23/1541>. – Дата доступа: 29.04.2022.

4. Гузенкова, Т. С. Историческая политика: память прошлого / Т. С. Гузенкова // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. – М. : РИСИ, 2015. – С. 7–31.

5. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. – М. : Астрель: АСТ, 2010. – 847 с.

6. История Великой войны 1941–1945 : в 2 т. / под ред. В. А. Золоторева. – М. : ИНЭС, Рубин, 2015. – Т. 2. – 656 с.

7. Неменский, О. Б. От победителей к побежденным / О. Б. Неменский, В. А. Пирожено // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. – М. : РИСИ, 2015. – С. 333–370.

8. Петрова, Н. К. Великая Отечественная война: мифы и реальность / Н. К. Петрова // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – С. 550–557.

9. Хайлов, А. А. Всемирно-историческое значение Победы в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] / А. А. Хайлов. Режим доступа: <http://ksu.edu.ru>. – Дата доступа: 29.04.2022.

10. Яценко, К. В. Фальсификация характера Великой Отечественной войны как инструмент пропагандистской войны против России / К. В. Яценко // Истоки и уроки Великой Победы : сб. науч. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию победы в Великой Отечественной войне. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2020. – С. 262–267.

АБ КАНФЕСІЙНАЙ ПАЛІТЫЦЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ: АД ПЕРАВАГІ ЎНІЯЦТВА ДА ПАНАВАННЯ ПРАВАСЛАЎЯ (XVIII – 30-я гг. XIX ст.)

**Г. А. Попчанка
МДПУ імя І. П. Шамякіна (Мазыр)**

Уніяцтва – унікальны культурны феномен на беларускіх землях, які адначасова вызначаў рэлігійныя супярэчнасці часу, стаў месцам спаткання дзвюх хрысціянскіх канфесій і сінтэзаваў на мясцовай глебе розныя культурныя традыцыі Беларусі, што ахапілі глыбокія пласты жыцця людзей, асветы, мастацтва. Уніяцтва стваралася на спрадвечным візантыйска-славянскім падмурку і развівалася ва ўзаемадзеянні дзвюх тэндэнцый: абароны чысціні і недатыкальнасці ўсходняга абраду і прыста-савання да заходніх запазычанняў, якія то ўжываліся разам, то спрачаліся за прыярытэт, чым забяспечвалі дынаміку культурна-гістарычнага «партрэта» ўніяцтва.

Архітэктура ўніяцкіх храмаў з моманту свайго афіцыйнага абвяшчэння мела цэлы комплекс мастацкіх і канструктыўных сродкаў, якія развіліся ў нетрах праваслаўнага і каталіцкага дойдства. Сінтэз асаблівасцей як праваслаўнай, так і каталіцкай традыцыі стаў у наступным

стагоддзі пачаткам фарміравання ўніяцкай архітэктурны, заснаванай на двухвектарным працэсе развіцця. Уніяцкая спадчына Беларусі з'яўляецца ўнікальнай з'явай у архітэктуры XVIII – першай трэці XIX ст. і ставіць яго ў адзін шэраг з лепшымі еўрапейскімі дасягненнямі кultaвага будаўніцтва.

Новая канфесія, створаная паводле Берасцейскай царкоўнай уніі 1596 г., з'явілася ў выніку як знешніх, так і ўнутраных абставін. У другой палове XVIII ст. уніяцкая царква займала ў Беларусі першае месца па колькасці храмаў і вернікаў. Колькасць уніяцкіх прыходаў складала больш за 70 % агульнай колькасці прыходаў усіх хрысціянскіх канфесій. Напярэдадні падзелаў Рэчы Паспалітай сярод сельскага насельніцтва ўніятаў было каля 80 % [7, с. 14].

Структура ўніяцкай царквы была дастаткова разгалінаванай. На тэрыторыі беларускіх і часткова на ўкраінскіх землях дзейнічала Кіеўская ўніяцкая мітраполія. Яе ўзначальваў мітрапаліт Кіеўскі і Галіцкі, рэзідэнцыі якога знаходзіліся ў Навагрудку і Вільні. Да гэтай мітраполіі ставіліся Полацка-Віцебскае архіепіскапства на чале з архіепіскапам Полацкім, біскупам Віцебскім, Аршанскім, Мсціслаўскім, Магілёўскім і ўсяе Беларусі, а таксама 9 біскупстваў на чале з іх біскупамі. Біскупствы, у сваю чаргу, падзяляліся на дэканаты, а дэканаты – на прыходы (парафіі) [3, с. 5].

Адным з важных накірункаў дзейнасці ўніяцкай царквы было наладжванне адпаведнай уласнай спецыфікі і арыентаванай на патрэбы грамадства сістэмы адукацыі. Яе найбольшая актыўнасць у гэтай сферы прыпадае на першую чвэрць XVIII ст., калі праз стварэнне сеткі навучальных устаноў на беларускіх землях і праз замежныя калегіі ўдалося выгадаваць новую генерацыю духавенства, што ўмацавала царкву і ўзняла яе прэстыж. А ў новых рэаліях эпохі Асветніцтва пераход у рукі базыльян школьнай справы езуітаў і ўрадавая падтрымка абумовілі вялікую і карысную ролю ўніяцкіх школ у развіцці грамадскай адукацыі і асветы на Беларусі. Акрамя таго, склад і змест базыльянскіх бібліятэк Беларусі з'яўляецца паказчыкам адукаванасці тагачаснага беларускага грамадства, гаворыць на карысць таго, што духавенства з акадэмічнай адукацыяй імкнулася даць народу, моладзі зерні свецкай культуры.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай на беларускіх землях пачынаюць мяняцца суадносіны паміж рознымі веравызнаннямі і іх месцам у грамадскім жыцці. Канфесійная сітуацыя змяняецца на карысць праваслаўя, нягледзячы на тое, што ўрадавая палітыка ў дачыненні да ўніяцкай і каталіцкай канфесій спачатку была даволі стрыманай і памяркоўнай. Гэты курс быў разлічаны на тое, каб выклікаць лаяльнасць і прыхільнасць новых

падданных да Расіі і яе ўлад, а таксама атрымаць давер тых, хто застаўся ў межах Рэчы Паспалітай. Вернікаў-уніятаў разглядалі як праваслаўных, якія пад ціскам прынялі юрысдыкцыю папы рымскага і якія пад любой падставай былі схільныя яе парушыць.

Першыя ўказы Кацярыны II не закранулі царкоўную структуру трох асноўных канфесій на далучанай тэрыторыі. Яны тычыліся толькі духавенства, якое павінна было прынесці прысягу на вернасць расійскай імператрыцы. Манахам, якія не пажадалі прынесці прысягу, дазвалялася выехаць за мяжу. Пры гэтым было агаворана, што калі кляштары застануцца пустымі, то іх вёскі неабходна «ўзяць у казённае кіраванне» (указ ад 28 мая 1772 г.) [1, с. 11].

Больш складана вырашаліся праблемы, што тычыліся структуры і кіравання ўніяцкай царквой. Гэтаму пытання было прысвечана пасяджэнне Савета 10 снежня 1772 г. На ім у прысутнасці імператрыцы быў абвешчаны ўказ, згодна з якім уніятам быў пакінуты Полацкі арцыбіскуп Я. Смагаржэўскі. Беларускаму генерал-губернатару ставілася ў абавязак забараняць уніяцкаму духавенству звяртаць у сваю веру праваслаўных [2, с. 20].

Канфесійнай стратэгіяй самадзяржаўя ў наступныя дзесяцігоддзі стала абмежаванне ўплыву ўніяцкай царквы праз стымуляванне пераходу ў пануючую веру насельніцтва краю. Перш за ўсё, духавенства і сялянства. [3, с. 20].

У 1780 г. Кацярына II выдала ўказ, у якім уніятаў запрашалі да пераходу ў праваслаўе. Па звестках Магілёўскага праваслаўнага епіскапа Г. Каніскага па яго епархіі яны склалі 414 573 чал. і 95 цэркваў.

У 1793 г. расійская імператрыца даручыла Херсонскаму архіепіскапу Яўгенію Булгарысу даць прапановы, «как лучше и приличнее можно польских униатов обратить» у праваслаўе. Адказам стала яго 70-старонкавая запіска «О наилучшем способе воссоединения униатов с православной церковью» [4, с. 3].

Указ ад 22 красавіка 1794 г. аб «ухіленні перашкод да звароту ўніятаў да праваслаўнай грэчаскай царквы» таксама садзейнічаў такім пераходам. На працягу 1794–1796 гг. у праваслаўе перайшло каля 1,5 мільёна вернікаў у Беларусі [4, с. 96].

Новым указам расійскай імператрыцы ад 19 красавіка 1795 г. былі скасаваны ўсе ўніяцкія епархіі, акрамя Полацкай. Папа Пій VI даручыў рымска-каталіцкаму мітрапаліту С. Богушу-Сестранцэвічу ажыццяўляць кіраўніцтва над уніятамі.

Пры Паўле I па-ранейшаму адбывалася ўпарадкаванне межаў епархій. На тэрыторыі Беларускай губерні працягвала дзейнічаць Полацкае ўніяцкае арцыбіскупства на чале з І. Лісоўскім. З 26 студзеня 1798 г. уніяты былі падпарадкаваны дэпартаменту рымска-каталіцкіх

спраў, які выдзеліўся ў асобны орган з юстыц-калегіі. У красавіку 1798 г. створаны дзве новыя епархіі: Брэсцкая (на тэрыторыі Мінскай і Літоўскай губерняў) на чале з біскупам А. Гланеўскім і Луцкая на чале з біскупам З. Лявінскім [5, с. 112].

У 1801 г. Аляксандр I падпісаў новы рэгламент, у якім была вызначана сфера дзейнасці біскупаў у дачыненні да манаскіх ордэнаў. Паводле гэтага дакумента, яны не маглі ўмешвацца ў справы кіравання кляштарамі, якія падпарадкоўваліся правінцыялам. Аднак біскуп атрымаў права візітацыі кляштараў, што знаходзіліся на тэрыторыі падпарадкаванай яму епархіі. Правінцыялы ж павінны былі інфармаваць архірэя аб выніках выбараў, асабістым складзе і стане фінансаў манастыроў. Зноў была пацверджана абарона на адносіны правінцыялаў з замежным кіраўніцтвам ордэнаў. У выпадку смерці правінцыяла ордэн прадстаўляў свайго кандыдата на зацвярджэнне ў рымска-каталіцкую калегію ў Пецярбургу [3, с. 33].

Зыходзячы з традыцыйнага пастулата расійскіх уладаў, што ўніяцкай царквой павінен кіраваць манарх, а не Рым, Аляксандр I зменшыў уплыў папы рымскага на жыццё царквы і падпарадкаваў яе органам дзяржаўнага кіравання. Спачатку – створанаму згодна з Маніфестам ад 25 ліпеня 1810 г. Галоўнаму ўпраўленню духоўнымі справамі розных (замежных) веравызнанняў на чале з князем А. Галіцыным [6, с. 38].

У 1817 г. яно адышло ў падпарадкаванне Міністэрства духоўных спраў і народнай асветы. У сферу кампетэнцыі Дэпартаменту духоўных спраў увайшлі справы ўсіх веравызнанняў, у тым ліку і ўніяцкага [6, с. 38].

Да пачатку 1820-х гг. становішча ўніяцкай царквы на беларускіх землях стабілізавалася. Яна атрымала пэўны юрыдычны статус у дзяржаве і знаходзілася пад кантролем расійскага ўрада.

Расійскім уладам удалося схіліць да супрацоўніцтва пэўную частку духавенства. На чале епархій былі пастаўлены людзі, лаяльныя да царскай палітыкі, здольныя да кампрамісаў, згодніцтва, супрацоўніцтва. Адным з іх стаў біскуп І. Сямашка. Разам з іншымі ўніяцкімі епіскапамі В. Лужынскім і А. Зубко яны свядома праводзілі палітыку «ачышчэння старажытных звычаяў ад лацінскіх запазычанняў», якая прывяла да зліцця з Рускай праваслаўнай царквой.

У 1828 г. у Расійскай імперыі было чатыры ўніяцкія епархіі: Полацкая, Берасцейская, Віленская, Луцкая. Згодна з указам ад 22 красавіка 1828 г. замест іх былі заснаваны дзве – Літоўская і Беларускае епархіі [7, с. 15]. Скарачэннем колькасці епархій урад імкнуўся засцерагчы ўніяцкае духавенства ад каталіцкага ўплыву і стварыць больш выгадныя ўмовы для збліжэння ўніятаў з праваслаўнымі.

Паскорыла гэты працэс і паўстанне 1830–1831 гг., у якім прынялі актыўны ўдзел і базыльянскія манахі. Указам грэка-ўніяцкай Калегіі ад 14 чэрвеня 1833 г. у Літоўскай уніяцкай епархіі было скасавана 13 кляштараў, а ў беларускай – 21 [7, с. 15].

У чэрвені 1835 г. загадам Мікалая I у Пецярбургу з высокіх духоўных асоб і вядучых палітыкаў быў створаны Сакрэтны камітэт па ўніяцкіх справах. У склад камітэта ўвайшлі прадстаўнікі Сінода, яго обер-пракурор С. Нячаеў, мітрапаліт Маскоўскі, мітрапаліт Ноўгарадскі, архіепіскап Цвярскі, уніяцкі мітрапаліт Я. Булгак, літоўскі епіскап І. Сямашка, міністр унутраных спраў Д. Блудаў, генерал, князь Галіцын і інш. [7, с. 73]. Ужо па асабовым складзе Сакрэтнага камітэта можна меркаваць, якую ўвагу імператар надаваў уніяцкаму пытанню.

Вынікам дзейнасці высокіх асоб было скліканне Сабору, які пачаўся ў Полацкай Сафіі 12 лютага 1839 г. і абвясціў скасаванне рашэнняў Берасцейскай царкоўнай уніі 1596 г.

Такім чынам, на беларускіх землях адбылося ўз'яднанне ўніяцтва і праваслаўя ў адзіную канфесію. У межах Расійскай імперыі ўніяцкая царква афіцыйна спыніла сваё існаванне, хоць на практыцы працэс звароту ўніятаў у праваслаўе на беларускіх землях працягваўся да 1915 г.

Галоўнымі прычынамі скасавання ўніяцтва з'яўляліся: уніфікацыя далучаных земляў, унутраны раскол у царкве паміж белым духавенствам і манахамі базыльянскага ордэна; удзел уніяцкага духавенства ў паўстанні 1830–1831 гг.

Такім чынам, у канфесійнай палітыцы на беларускіх землях назіралася пэўная эвалюцыя ад адноснай верацярпімасці ў канцы XVIII ст., калі дазвалялася існаванне ўсіх канфесій на далучаных землях пры ўмове дзяржаўнага кантролю дзейнасці духавенства, да афіцыйнага скасавання ўніяцтва ў 1839 г.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Коялович, М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 года) / М. О. Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1999. – 208 с.
2. Бусько, С. И. Униатское наследие Беларуси [Электронный ресурс] / С. И. Бусько. – Режим доступа: http://kraeved.by/рубрики/научные_работы/униатское_наследие_беларуси.html. – Дата доступа: 17.03.2022.
3. Філатава, А. М. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / А. М. Філатава [і інш]. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
4. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гады) / Я. К. Анішчанка. – Мінск : ЗАО «Веды», 1998. – 162 с.
5. Бирало, А. А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII вв. / А. А. Бирало. – Минск : БГУ, 1971. – 180 с.
6. Трацяк, І. І. Беларускае каталіцкае духавенства ля вытокаў сацыякультурнай ідэнтыфікацыі / І. І. Трацяк. – Гродна : ГрДУ, 2013. – 57 с.

7. Уніяцкая царква // Вялікае княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / Беларус. навуқ.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы / М. А. Абаленскі ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 1. – 2005. – С 114–116.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В XVI–XIX вв.

С. Н. Рожкова, П. С. Васьков
ГГУ им. Ф. Скорины (Гомель)

Восточный вопрос – условное, принятое в дипломатии и исторической литературе понятие, обозначающее комплекс международных противоречий конца XVIII – начала XX вв., связанных с борьбой балканских народов за освобождение от османского гнета, с наметившимся распадом Османской империи и соперничества великих держав (Австро-Венгрия, Германия, Великобритания, Россия, Франция, Италия) за раздел турецких владений [1, с. 231].

Главными составляющими «восточного вопроса» являлись: отношения России с Турцией и с великими державами по поводу турецких владений на Балканах и контроля над проливами; политика России и других великих держав в отношении «контактных зон» – территорий, где владения Турции соприкасались с владениями великих держав; национально-освободительная борьба балканских народов [5, с. 211].

Периодизация истории Восточного вопроса вызывает споры среди историков. Основная сложность состоит в определении критериев периодизации: из чего следует исходить при вычленении этапов, что поместить в центр периодизационной схемы. Это могут быть процессы внутреннего кризиса и распада Османской империи, успехи национально-освободительной борьбы населявших ее народов, внешнеполитические факторы. В зависимости от использования как определяющего того или иного критерия схемы периодизации могут существенно варьироваться. Нижние рамки соотносятся с серединой XVIII в., когда Турция вступила в кризисную фазу своей истории. Верхняя граница определяется 20–30-ми гг. XX в., в ходе которой произошел полный распад Османской империи [2, с. 146–147].

Появление турок-османов в Европе и образование могущественного мусульманского государства на Балканском полуострове серьезно изменило отношения между христианами и исламом: османское государство стало одним из факторов международной политической жизни Европы; его боялись и вместе с тем искали союза с ним. Начало дипломатических отношений с Османской империей было положено Францией в то время, когда прочие европейские державы еще боялись иметь с османами какие-либо отношения.

Одинаково враждебные отношения Турции и Франции к Австрийской империи содействовали заключению в 1528 г. первого союза между ними.

Вскоре к политическому союзу присоединился и религиозный вопрос. Французский король Франциск I пожелал, чтобы одна из церквей в Иерусалиме, обращенных в мечеть, была возвращена христианам. Сулейман I Великолепный отказал в этом, но в торжественном письме дал королю обещание сохранять и поддерживать все христианские церкви, находившиеся на турецкой территории [2, с. 149].

В 1535 г. были заключены капитуляции, обеспечившие французским подданным в Турции религиозную свободу, а также беспрепятственное посещение Святых мест не только французами, но и всеми иностранцами, состоящими под покровительством Франции. В силу этих капитуляций Франция долгое время была единственной представительницей западно-европейского мира в Турции.

В середине XVII в. Османская империя вступила в период своего упадка. После разгрома турок австрийцами и поляками под Веной в 1683 г. их продвижение в Европу было остановлено. Ослабление империи способствовало подъёму национально-освободительного движения балканских народов (греков, болгар, валахов, сербов, черногорцев), в большинстве своём православных. С другой стороны, в XVII в. в Османской империи усилились политические и экономические позиции Франции и Великобритании, которые, желая сохранить своё влияние и помешать территориальным приобретениям других держав (особенно Австрии и России), стали в своей реальной политике выступать за сохранение её территориальной целостности и против освобождения покоренных христианских народов [4, с. 149].

С середины XVIII в. роль главного противника Османской империи перешла от Австрии к России. Заинтересованность России в решении Восточного вопроса вызывалась прежде всего тем, что она была державой, имевшей широкий выход к Черному морю. От того или иного решения Восточного вопроса зависели и безопасность ее южных границ, и хозяйственное освоение ее степных окраин, игравших неуклонно возрастающую роль в экономической жизни всей страны. Вместе с тем, в Восточном вопросе все более усиливалась проблема проливов Босфор и Дарданеллы. С одной стороны, Россия постоянно и упорно добивалась свободного выхода для русского флота из Черного моря в Средиземное, а с другой – закрытия входа в Черное море для военных флотов других европейских держав. То и другое мог обеспечить лишь выгодный для России режим черноморских проливов. Установление такого режима и являлось одной из актуальных задач русской дипломатии. Идеологическим обоснованием русской политики в Восточном вопросе служила идея покровительства христианским подданным турецкого султана – балканским славянам, грекам, армянам. Покровительство этим народам было постоянным козырем русской дипломатии в отношениях с Турцией [2, с. 155].

Характерной особенностью Восточного вопроса для России являлись довольно резкие политические перепады в процессе его решения. Периоды мирных, союзных отношений между Россией и Турцией неожиданно сменялись напряженной ситуацией, переходившей зачастую в отдельные военные столкновения, а затем и в самые настоящие войны. Далее, как обычно водится в международной практике, следовал очередной мирный договор между державами; ну а потом все повторялось вновь.

Большую роль в таком зигзагообразном развитии Восточного вопроса для России играли великие западные державы и, прежде всего, Англия и Франция, которые, во-первых, имели свои экономические и политические интересы на Ближнем Востоке, а во-вторых, всеми силами стремились не допустить усиления влияния России на Балканах, Турции на черноморских проливах. Необходимость постоянного противостояния этой антирусской политике западных держав держала в неослабном напряжении всю дипломатическую службу России как в Петербурге, так и за рубежом [2, с. 161].

Победа России в войне 1768–1774 гг. привела к кардинальному изменению ситуации в Причерноморье. Кучук-Кайнарджийский договор 1774 года установил в первый раз начало вмешательства России в дела Турции. По статье 7-й сего договора Турция обещает твёрдую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет русским министрам «делать, по всем обстоятельствам, в пользу как воздвигнутой в Константинополе церкви, так и служащих оной разные представления. Порты обещает принимать эти представления, яко чинимые доверенной особой соседственной и искренно дружественной державы». Кроме того, пунктом 10-й статьи 16-й договора Турция согласилась, чтобы по обстоятельствам княжеств Молдавского и Валахского министры Российского двора при блистательной Порте могли говорить в пользу сих княжеств [3, с. 155].

Екатерина II имела проект полного изгнания турок из Европы, восстановления Греческой империи (на её трон она планировала возвести своего внука Константина Павловича), передачи Австрии западной части Балканского полуострова и создания из Дунайских княжеств буферного государства Дакия. В то же время Турция, надеясь взять реванш за поражение в войне 1768–1774 гг., при активной поддержке Великобритании и Франции начала новую войну (Русско-турецкая война 1787–1792 гг.), на стороне которой в 1788 г. выступила Австрия. В 1788 г. англо-французской дипломатии удалось спровоцировать нападение на Россию Швеции (русско-шведская война 1788–1790 гг.). Но действия антирусской коалиции оказались неудачными: в 1790 г. из войны вышла Швеция (Верельский мир), а в 1791 г. Турции пришлось согласиться на заключение Ясского мира, подтвердившего условия Кючук-Кайнарджийского договора и отодвинувшего русско-турецкую границу до Днестра; Турция отказалась

от притязаний на Грузию и признала право вмешательства России во внутренние дела Дунайских княжеств [2, с. 163].

В годы царствования Николая I, как и в первой четверти XIX в., во внешней политике России основными направлениями оставались восточное и европейское, но приоритетным стало восточное. Кроме того, появилось еще одно достаточно важное направление – среднеазиатское (попытки военного проникновения в Хиву и Коканд, начало укрепления позиций России в восточном Казахстане) [2, с. 165–166].

На восточном направлении перед Россией стояли прежние задачи: укрепление позиций на Балканах, в Закавказье, на Черном море. Активное продвижение России на Кавказ и в Закавказье по-прежнему вызывало недовольство Персии, Турции и Англии, стремившихся доминировать в регионе. Персия при поддержке Англии летом 1826 г. первой начала войну с Россией, стремясь вернуть земли, утраченные по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. В феврале 1828 г. война закончилась победой России, был заключен Туркманчайский мирный договор. В соответствии с ним Россия получила восточную Армению, Персия обязывалась выплатить контрибуцию, подтверждалось исключительное право России иметь военный флот в Каспийском море. В подготовке договора принимал участие известный русский писатель и дипломат А. С. Грибоедов (1790/95–1829 гг.), назначенный послом в Персию. В начале 1829 г. фанатично настроенная толпа разгромила русскую миссию в Тегеране, вместе с другими работниками посольства погиб и А. С. Грибоедов. После урегулирования этого конфликта отношения между Россией и Персией в течение долгих лет оставались вполне добрососедскими.

Гораздо сложнее складывались отношения с Турцией (Османской империей). Николай I, взойдя на престол, начал активные переговоры с Англией для совместного решения греческого вопроса. В 1827 г. в Лондоне была принята конвенция, поддерживающая независимость Греции. В октябре 1827 г. британские, французские и русские эскадры вошли в греческие воды. В этот же день союзники в Наваринской бухте полуострова Пелопонесс встретились с турецко-египетским флотом. В ходе четырехчасового Наваринского сражения турецкий флот был разбит [2, с. 168].

Русско-турецкая война началась в апреле 1828 г., военные действия велись на Балканах и Кавказе. На обоих фронтах русские войска одержали победу, и в сентябре 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор. Он предусматривал открытие черноморских проливов для русских судов, выплату Турцией контрибуции. К России присоединились устье Дуная с островами, участки Черноморского побережья с городами Анапа и Поти, область, примыкавшая к юго-западной Грузии. Турция признала и более ранние приобретения России в Закавказье. Была подтверждена и гарантирована автономия Молдавии, Валахии и Сербии. Греция получила

широкую автономию и благодаря этому смогла в 1830 г. стать полностью самостоятельным государством.

В начале 1830-х гг. Османская империя оказалась в сложном положении в связи с турецко-египетским конфликтом. Номинально Египет входил в состав Османской империи, но назначенный египетским наместником Мухаммед Али стремился сделать страну независимой. Он провел ряд реформ, реорганизовал армию по европейскому образцу и в 1832 г. начал успешные военные действия против Турции, обратившейся за помощью к европейским странам, которые, однако, по разным причинам не торопились с поддержкой. Россия сама предложила свою помощь, стремясь усилить влияние в Турции, а также считая, что любое восстание против законной власти должно быть подавлено. Турция после некоторых колебаний вынуждена была согласиться, и русская эскадра появилась в Босфоре. Французы и англичане, опасаясь, что русские займут Константинополь, добились заключения мира между турецким султаном и египетским наместником Мухаммедом Али. После этого летом 1833 г. между Турцией и Россией был подписан Ункиар-Искелесийский договор о дружбе и взаимопомощи сроком на восемь лет. Были подтверждены предыдущие русско-турецкие соглашения, Россия обязалась оказывать Турции военную помощь, Турция устанавливала выгодный для России режим черноморских проливов (Босфор и Дарданеллы): по требованию России она была обязана закрывать их для прохода иностранных кораблей. Подписание этого договора усилило позиции России в Балкано-Ближневосточном регионе и вызвало протесты ведущих европейских держав, особенно Франции и Англии [2, с. 168].

В ответ Россия осенью 1833 г. заключила с Австрией и Пруссией Мюнхенгретский договор (Мюнхенгрет, территория современной Чехии), предусматривавший совместные действия этих стран в случае нового кризиса в Турции. В последующие годы Англия, Франция, Австрия стремились всеми силами в ущерб друг другу укрепить свои позиции в регионе и ослабить российские.

В 1839 г. произошло второе восстание Египта против Турции. На этот раз вмешались все европейские великие державы, выступившие на стороне турецкого султана, за исключением Франции, которая поддержала Мухаммеда Али, стремясь укрепиться в Египте и Сирии. В 1840 г. в Лондоне Англией, Австрией, Пруссией и Россией была подписана конвенция, посвященная урегулированию турецко-египетского конфликта [4, с. 153].

В 1841 г. подошел к концу восьмилетний срок Ункиар-Искелесийского договора, и в Лондоне была подписана вторая конвенция между Турцией, с одной стороны, и Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией – с другой. Был установлен международный контроль над черноморскими проливами: пока Турция находится в войне, они должны быть закрыты для военных судов всех держав; в мирное время Турция

может пропускать через проливы суда той страны, с которой ей будет выгодно договориться. В результате черноморские проливы на десятки лет оказались закрытыми для русских военных кораблей и открытыми для враждебных России государств [4, с. 154].

В 1840-х гг. Николай I пытался восстановить утраченные позиции, мечтал о разделе Османской империи, которую называл «большим человеком». Главным противником России в восточном вопросе он считал Францию, основным союзником – Англию, интересы которой в Восточном Средиземноморье сталкивались с французскими. Однако попытки договориться с Англией ни к чему не привели, зато во второй половине 40-х гг. происходило сближение французских и английских позиций по восточному вопросу [4, с. 155–156].

В то же время недальновидная политика правительства Николая I на Балканах привела к ослаблению влияния России в Греции, Сербии, Валахии и Молдавии. Лишь Черногория стремилась поддерживать отношения с Россией, да из Болгарии в начале 1850-х гг. стали поступать просьбы о помощи в борьбе с турецким игом.

Список использованных источников

1. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – нач. XX в. / В. А. Георгиев [и др.]. – М. : Наука, 1978. – 434 с.
2. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н. С. Киняпина. – М. : Высш. школа, 1999. – 228 с.
3. Международные отношения на Балканах, 1815–1830 гг. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Г. Л. Арш, В. Н. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 296 с.
4. Иванов, М. С. Очерки истории Ирана / М. С. Иванов. – М. : Госполитиздат, 1952. – 465 с.
5. Чихачев, П. А. Великие державы и Восточный вопрос : пер. с фр. и нем. / П. А. Чихачев ; сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Цыбульский ; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1970. – 224 с.

СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ (ОКТАБРЬ 1918 – ИЮНЬ 1920 г.)

**А. П. Сальков
БГУ (Минск)**

В течение 1918 г. политические лидеры Антанты осуществили глобальную переоценку геополитической ситуации в Центральной Европе, преодолели фобию балканизации и смирились с образованием национальных государств на пространстве Австро-Венгерской монархии. Это неизбежно выдвинуло болезненную проблему будущих границ новых государств [1, с. 39–42]. 28 октября 1918 г. в Праге была провозглашена Чехословацкая

республика (ЧСР). Поскольку чешские политики впервые отказались от принципа исторического права и включили Словакию в свой государственный проект, важной проблемой стал характер будущего чешско-словацкого государства [2]. Этот процесс отразили два договора между руководством чешской и словацкой общин в США – Кливлендский (октябрь 1915 г.) исходил из федеративных отношений, Питсбургский (май 1918 г.) обещал словакам лишь автономию. В мае 1918 г. сформировался национально-культурный Словацкий национальный совет (СНС) [3].

В последние дни Первой мировой войны в условиях все еще существующего Венгерского королевства и вне зависимости от акта в Праге, СНС 30 октября принял в г. Турчанский Св. Мартин Декларацию словацкого народа. В ней заявлялось о разрыве тысячелетнего союза с Венгрией и санкционировался новый союз с чешским народом. Однако СНС не располагал войсками для реализации этого решения. Венгерское правительство Михая Каройи, провозгласившее 16 ноября 1918 г. республику, всеми силами стремилось сохранить меньшинства в составе государства, обещая его федерализацию. Будапешт на основе заключенного 13 ноября Белградского перемирия, по которому вся территория Венгрии (кроме Хорватии) оставалась под венгерской властью, отказывался признать выход словацких земель из состава Венгрии. Лишь к концу месяца по указке из Парижа венгерская администрация в Словакии была разогнана [4, с. 166–176].

Однако провозглашенная в Прешове (венг. Эперьеш) 16 ноября Словацкая народная республика сделала 11 декабря заявление о желании Восточной Словакии остаться в составе Венгрии. В Западной Словакии в Жилине (венг. Жолна) с 6 декабря действовало назначенное Прагой временное правительство по делам Словакии, которое 31 декабря 1918 г. перенеслось в Братиславу (так Словакия впервые в истории заимела собственную столицу). Этот филиальный орган пражской власти ликвидировал все словацкие конкурентные центры, распустил СНС [5, с. 96–98].

Формирование временной словацко-венгерской демаркационной линии было связано с переговорами специального представителя ЧСР в Будапеште Милана Годжи с венгерским министром обороны Албертом Бартой, а также министром по делам национальных меньшинств Венгрии Оскаром Яси. Соглашение Барта-Годжа от 6 декабря 1918 г. обозначило эту линию: замок Девин – Нове Замки – Лученец – Смолник – долина р. Хорнад – Требижов – Собранце. Она оставляла на венгерской стороне широчайшую полосу Верхней Венгрии (Южной Словакии), включая Братиславу, Кошице, Ужгород. В тот же день венгерские войска были отведены на юг до этой линии [6, р. 183–188]. Руководитель военной миссии Антанты и США в Будапеште подполковник Фернан Викас 24 декабря передал правительству М. Каройи ноту министра иностранных дел Франции Стефана Пишона от 21 декабря. В ней содержалось новое словацко-венгерское разграничение:

р. Дунай – ее левый приток р. Ипель – г. Римавска Собота – р. Уж. Оно стало первой официально зафиксированной демаркационной линией между Словакией и Венгрией, названной линией Пишона. Венгрия протестовала, но не была способна к военному сопротивлению. Чехословацкие войска к 20 января 1919 г. повсюду в Словакии оттеснили венгерские части дальше на юг и вышли на линию Пишона [7, р. 20–26].

На Парижской мирной конференции (ПМК, январь 1919 – январь 1920 г.), имевшей задачу установить новые границы в Европе, делегация ЧСР представила 12 меморандумов, трактовавших территориальные проблемы по всему периметру границ государства [8, s. 110–112]. ПМК сформировала Комиссию по чехословацким делам во главе с французским дипломатом Жюлем Камбоном, а также Подкомиссию по вопросам границ под руководством французского генерала Анри Ле Ронда. После десяти заседаний комиссии и семи – подкомиссии Верховный совет конференции заявил о поддержке в целом территориальных претензий ЧСР [9, с. 94, 101]. Особенно трудно для Праги решался вопрос об удовлетворении претензий на Житный остров (*венг.* Челлокёз). Это был крупнейший речной остров Европы, образуемый Дунаем, его рукавом Малым Дунаем и устьем Вага. Регион отличался особо благоприятными условиями для хозяйственной деятельности и значительным венгерским населением [10, s. 169–172]. Вопреки ожиданиям министра иностранных дел ЧСР (с ноября 1918 по декабрь 1935 г.) Эдварда Бенеша, и США, и Великобритания, и Италия считали, что остров должен оставаться частью Венгрии. Только французские представители предлагали передать Житный остров Чехословакии, и их голос оказался наиболее весомым [11, s. 118].

В период работы ПМК была установлена Венгерская советская республика (ВСР, 21 марта – 6 августа 1919 г.), чьи представления о границах противоречили интересам ЧСР. Миссия члена британской делегации генерала Яна Сметса (автор мандатной системы Лиги Наций) в Будапешт и Прагу в начале апреля оказалась безрезультатной [12, с. 220–224].

ЧСР имела твердые претензии на ряд земель с преобладающим мадьярским и русинским населением к северу от линии Братислава – Комарно – Мишкольц (!) – Кошице – Чоп. Эти противоречия привели к чехословацко-венгерской войне (23 марта – 4 августа 1919 г.). На этом фоне ПМК приняла 4 апреля окончательное решение о чехословацких границах, включая присоединение Словакии [13, с. 60–62]. Венгерская Красная армия к июню захватила юго-восточную часть Словакии, что было использовано Прагой для новых притязаний – возник план оккупации части правого (венгерского) берега Дуная и даже переноса границы к точке в 30 км севернее Будапешта. Верховный Совет ПМК лишь частично удовлетворил претензии ЧСР, выработав 13 июня 1919 г. новую демаркационную линию. Будучи близкой к линии Пишона, она отдавала Праге еще и Подкарпатскую Русь и

была положена в основу будущей трианонской границы. Фактический глава ВСР Бела Кун (официально – комиссар по иностранным делам), надеялся на вооруженное вмешательство Советской России, что могло бы послужить толчком для начала мировой революции. Проявлением этих расчетов стало образование в Прешове Словацкой советской республики (16 июня – 7 июля 1919 г.) в рамках Венгерской советской федерации. Однако продвижение Красной армии было остановлено, а после ультиматума Антанты 12 июня территория Словакии была освобождена. Накануне падения ВСР чехословацкие войска в нарушение линии от 13 июня расширили Братиславское предместье в районе Петржалки [14, с. 111–178].

10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле были подписаны два мирных договора – с Австрией и Чехословакией. В них содержался отказ Австрии в пользу Чехословакии от прав на ряд территорий бывшей Австро-Венгрии. Однако определение конкретной линии чехословацко-венгерской границы (представленной словацко-венгерским участком) вызвало большие затруднения и вышло за рамки конференции. Это объяснялось рядом обстоятельств: противоречивостью позиции Праги, которая аргументировала чешские границы историческим правом, а словацкие – естественным; прохождением границы по территории со смешанным населением; восприятием великими державами Чехословакии как союзного, а Венгрии – как враждебного государства, к тому же имевшего грех большевизма. ЧСР в итоге удалось добиться почти всех своих требований за исключением принадлежавшего ранее Венгрии Бургенландского коридора, который мог соединить словацкие и словенские земли, устранив территориальный разрыв между западными и южными славянами, а также земель исторической Лужицы с преимущественным немецким населением [15, с. 425–432].

По Трианонскому мирному договору с Венгрией, заключенному 4 июня 1920 г., ЧСР получила (как считали в НКВД СССР) 18,9 % территории «исторической Венгрии» (61,5 тыс. кв. км словацких и закарпатских земель) и 16,8 % ее населения (3 520 тыс. чел.) [16, л. 30, 38]. Договор закрепил в составе Чехословакии регион Верхней Венгрии с преобладающим мадьярским населением, впервые официально вычленил Словакию и Подкарпатскую Русь из состава Венгерской государственности и определил их границы [8, с. 534–541]. Новейшие уточненные данные говорят о получении Чехословакией 61 633 кв. км с населением 3 517 568 человек (из которых 30,3 % являлись венграми), что составляло соответственно 21,8 и 19,3 % территории и населения «исторической Венгрии» [11, с. 220].

Ответственность председательствующего на ПМК премьер-министра Франции (с ноября 1917 г. по январь 1920 г.) Жоржа Клемансо за составление такого текста договора не подлежит сомнению. Испытавший горечь поражения на выборах президента Франции (17 января 1920 г. снял свою кандидатуру), грубый и крайне язвительный (президента США Вудро Вильсона

презирал, считая умалишенным), Клемансо руководствовался интересами Франции, как он их понимал [17, с. 50–52]. В настоящее время в венгерской литературе феномен Трианона оценивается как посттравматический взгляд на переломный момент своей истории, который требует развенчания ряда мифов. К их числу относят личную антипатию у Ж. Клемансо к Венгрии по причине наличия у него невестки-мадьярки, роль масонского заговора в потере исторических венгерских территорий, неосведомленность европейских политиков в особенностях региона. Трианонские мифы воспринимаются сегодня в Венгрии в качестве «компиляции ложных и упрощенных объяснений» событий своей истории, «оправдания собственной инертности и формирования нарциссического взгляда на окружающий мир» [18, old. 42–45, 50–51, 59–60, 97–111, 113–120.].

Важно отметить, что при определении государственных границ Чехословакии было допущено пренебрежение этническими принципами и проигнорированы реально сложившиеся вековые этнические границы. При этом на словах весь версальский передел политической карты Европы осуществлялся именно под лозунгом установления этнической справедливости. Так, на землях, отошедших к ЧСР, по австро-венгерской переписи 1910 г. насчитывалось 1 418 тыс. венгров. Однако по чехословацкой переписи 1921 г. в границах нового государства их осталось 745,4 тыс. (5,6 % населения всей страны), по переписи 1930 г. – 597,0 тыс. (4,2 %). Будапешт же в межвоенный период говорил о мадьярской общине численностью около 1 млн человек. Венгры ЧСР почти целиком проживали в Словакии и Подкарпатской Руси, где их доля в общей массе населения была в несколько раз выше. По чехословацкой переписи 1930 г. 17,8 % жителей Словакии признавали себя венграми. (Говорить о точном количестве венгерского населения в этих двух регионах затруднительно, так как и Словакия, и Подкарпатская Русь в первые четыре десятилетия XX в. стали ареной самоидентификации словаков и русин, а также проведения нескольких разнонаправленных ассимиляционных кампаний) [19, с. 301–302; 5, с. 103]. Все эти обстоятельства были в числе предпосылок выраженного венгерского ревизионизма и реваншистской внешней политики Будапешта межвоенного периода, направленной, в том числе, и против Чехословакии.

Список использованных источников

1. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
2. Etnogenéza Slovákov: ktosme a aké je našemeno / Richard Marsina, Peter Mulík (eds.). – Martin : Matica Slovenská, 2009. – 179 s.
3. Klimko, Jozef. Vývoj územia Slovenska a utváranie jeho hraníc / Jozef Klimko. – Bratislava : Obzor, 1980. – 154 s.
4. Айрапетов, А. Г. «Красный граф» Каройи – первый президент Венгрии / А. Г. Айрапетов // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – С. 166–176.

5. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории : в 2 кн. / В. В. Марьина (отв. ред.). – М. : Наука, 2005. – Кн. 1. – 453 с.

6. Hronský, Marián. The Budapest Talks of Milan Hodža and the First Demarcation Line between Slovakia and Hungary / Marián Hronský // Milan Hodža: Statesman and Politician / edited by Miroslav Pekník. – Bratislava : Veda, 2007. – P. 165–191.

7. Irmanová, Eva. Negotiations with Slovaks and the Fight of the Czechoslovak and Hungarian Governments for Slovakia / Eva Irmanová // Czech and Hungarian Minority Policy in Central Europe 1918–1938 ; Ferenc Eiler, Dagmar Hájková [et al.]. – Prague. – Budapest : Masarykův ústav a Archiv AV ČR : MTA Etnikai-nemzeti Kisebbségkutató Intézet Budapest, 2009. – P. 13–26.

8. Hronský, Marián. Trianon. Vznik hraníc Slovenska a problem jeho bezpečnosti (1918–1920) / Marián Hronský. – Bratislava : VEDA, 2011. – 685 s.

9. Серапионова, Е. П. Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции / Е. П. Серапионова // Восточная Европа после Версаля ; И. И. Костюшко (отв. ред.). – СПб. : Алетея, 2007. – С. 90–108.

10. Liszka, József. Národopis Maďarov na Slovensku / József Liszka. – Komárno : Dunajská Streda: Fórum inštitút pre výskum menšín: Vidavateľstvo Lilium Aurum, 2003. – 495 s.

11. Romsics, Ignác. Trianonská mierová zmluva z roku 1920 / Ignác Romsics. – Bratislava : Kalligram, 2006. – 236 s.

12. Нежинский, Н. Л. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская Республика / Н. Л. Нежинский. – М. : Политиздат, 1989. – 301 с.

13. Марьина, В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948 / В. В. Марьина. – М. : Индрик, 2013. – 488 с.

14. Пушкаш, А. И. Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. / А. И. Пушкаш. – М. : Наука, 1981. – 368 с.

15. Контлер, Ласло. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Ласло Контлер. – М. : Весь мир, 2002. – 656 с.

16. Архив внешней политики РФ. – Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 21. П. 111. Д. 1.

17. Аблонци, Балаж. Трианонский мирный договор: факты, легенды, домыслы / Балаж Аблонци. – М. : Ин-т славянов. РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. – 168 с.

18. Ablonczy, Balázs. Trianon-legendák / Balázs Ablonczy. – Budapest : Jaffa Kiadó, 2010. – 180 old.

19. История Словакии / Е. Маннова (отв. ред.). – М. : Евролинц, 2003. – 418 с.

О РАЗВИТИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В БССР В 1964–1965 гг.

**О. И. Севницкая
БГУ (Минск)**

В годы хрущевской «оттепели» руководство КПСС придавало большое значение деятельности культурно-просветительских учреждений. Партийные идеологи считали, что необходима высокая степень политизации всей общественной жизни государства для воспитания граждан в духе советского патриотизма. Поэтому культурно-просветительскими учреждениями, в состав которых входили музеи, должна была проводиться идеологическая и

массово-политическая работа с населением. Таким образом, культурно-просветительская деятельность и агитационно-пропагандистская работа находились в самой тесной взаимосвязи [1, с. 53].

Политика Н. С. Хрущева требовала усиления пропагандистской работы и улучшения ее качества. Активизация идеологических мероприятий следовала из нежелания руководства использовать массовые репрессии как средство проведения политического курса. Поэтому, вкладывая деньги в культурную сферу, руководство КПСС заботилось об удовлетворении растущих запросов граждан, при этом преследуя прагматические политические и хозяйственные цели. Подъем культуры и образования был необходим для внедрения в производство достижений науки, умелого использования техники и передовых технологий [2, с. 250].

12 мая 1964 г. ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Задачи, поставленные перед музеями, можно объединить в несколько блоков: 1) обязательная организация во всех музеях, кроме мемориальных, отделов советской истории; 2) усиление связи музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, школами, учебными заведениями и научными обществами; 3) расширение краеведческого движения; 4) проведение всех форм массово-политической работы, особенно в сельской местности; 5) упорядочивание сети музеев республиканского и местного значения, усложнение их профилей; 6) создание новых музеев только с разрешения ЦК компартии союзных республик по представлению органов культуры и только когда имеются ценные экспонаты и подходящее помещение. Кроме того, в экспозициях музеев должны были быть отражены успехи коммунистического строительства в СССР. В постановлении Министерства культуры СССР совместно с Президиумом Академии наук СССР было предложено разработать «Положение о музейном фонде СССР», а также «Принципы развития музейного дела в стране» [4, с. 354–356].

В постановлении «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» были закреплены вышеописанные взгляды руководства СССР на положение музейного дела в стране.

В 1965 г. Министерством БССР был подготовлен отчет о мероприятиях, проведенных в 1964–65 гг. органами культуры и музеями по выполнению постановления ЦК КПСС от 12 мая 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». На основании отчета в статье делается вывод о влиянии данного постановления на музейное дело в БССР.

В отчете должна быть представлена следующая информация: об упорядочении сети музеев и уточнении их профилей, о мероприятиях Министерства по улучшению музейного дела в республике (повышение квалификации музейных работников и др.), о ходе смотра работы музеев, посвященного 50-летию Советской власти. В отчете также предполагалось

описание связи музеев с промышленными предприятиями, научными учреждениями, учебными заведениями, использования музеев в сети политического просвещения, работы научно-методического Совета по работе музеев и головных музеев республики, укрепления материально-технической базы музеев (увеличение экспозиционной площади, решение вопросов о предоставлении помещений музеям, обеспечении музеев транспортом и т. д.), связь с музеями других союзных республик (обмен опытом работы и выставками) [3, л. 40].

1. Упорядочение сети музеев и уточнение их профилей.

На 1965 г. в БССР функционировало 39 музеев, из которых краеведческого профиля – 22, историко-революционного – 3, военно-исторического – 4, литературного – 3 и художественного – 1. Из 39 музеев республики 6 находятся в других ведомствах: 1 – военно-исторический, 1 – медицинский, 1 – геологический, 1 – историко-революционный, 1 – природо-ведческий и 1 – смешанного профиля.

2. О ходе смотра работы музеев, посвященного 50-летию Советской власти.

Все музеи БССР были включены в смотр, посвященный 50-летию Советской власти. К смотру в музеях была проведена значительная идеологическая работа. Сотрудниками Государственного музея Великой Отечественной войны была проведена работа по выявлению ранее неизвестных воинов, отличившихся в боях на территории БССР в 1941 г. В музее были проведены встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, с бывшими узниками фашистских концлагерей и руководителями партизанского движения БССР. В залах музея были проведены пионерские сборы и линейки, посвященные истории Красного Знамени, пионерской организации, празднования дня Советской Армии и Победы [3, л. 41].

Были созданы фотодокументальные выставки: «Великая победа советского народа в Великой Отечественной войне», «Белорусский народ в Великой Отечественной войне», «20 лет победы над фашистской Германией», «Злодеяния фашистских оккупантов». 29 октября 1965 г. был открыт в д. Оболь «Музей комсомольской славы» – филиал Белгосмузея Великой Отечественной войны. Экспозиция музея отражала исторический путь комсомола БССР. Большая работа по коммунистическому воспитанию трудящихся проводилась районными музеями. При помощи музеев БССР создавались клубы революционной, трудовой и боевой славы. Они должны были помогать партийным организациям воспитывать трудящихся, особенно молодежь и школьников на революционных и трудовых традициях советского народа. Например, гродненский клуб революционной, боевой и трудовой славы организовал около 600 массовых мероприятий – встреч трудящихся со старыми коммунистами, участниками Октября, ветеранами Великой Отечественной войны, ударниками коммунистического труда [3, л. 42].

3. Укрепление материально-технической базы музеев.

Правительством БССР была оказана большая помощь Министерству культуры республики в деле укрепления материально-технической базы музеев. В восьми музеях республики восстановлены все штатные единицы: директор, научный сотрудник, уборщица, сокращенные в 1962 г. Было закончено строительство здания для Государственного музея БССР. В 1965 г. этим музеем было израсходовано 75 тыс. руб. на изготовление специальной музейной мебели и оборудования.

Совет Министров БССР принял 7 мая 1965 г. предложение Министерства культуры республики о реконструкции здания Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и для этих целей было выделено 75 тыс. руб. Капитальный ремонт был проведен также в зданиях Могилевского областного краеведческого музея, Полоцкого краеведческого музея, было получено новое помещение для Кричевского районного краеведческого музея. 10 тыс. руб. было использовано для ремонта Слонимского краеведческого музея. В 1965 г. был закончен ремонт Волковысского военно-исторического музея, построено здание для вновь созданного Музея Народной славы г. п. Россоны Полоцкого района. В 1965 г. ремонтировались здания Гомельского областного, Лидского районного краеведческих музеев, новое помещение было предоставлено Слуцкому районному краеведческому музею, который находился в одной комнате городского дома культуры, и капитально отремонтировано было здание Брестского областного краеведческого музея, в 1965 г. в нем была открыта экспозиция в современном художественном оформлении. Министерство культуры БССР обеспечило областные музеи специальными машинами – автоклубами, для организации передвижных выставок и обслуживания сельских населенных пунктов.

4. Работа научно-методического Совета по работе музеев и головных музеев республики.

Министерством культуры БССР были утверждены головные музеи: Государственный музей БССР, Государственный художественный музей БССР, Государственный музей Великой Отечественной войны, Литературный музей Я. Купалы и Гродненский государственный историко-археологический музей. На головные музеи было возложено координирование работы музеев своего профиля, оказание методической и практической помощи в их работе.

Например, музей истории Великой Отечественной войны, как головной музей, оказал большую помощь Минскому областному музею в г. Молодечно. Сотрудники музея были направлены для консультаций по экспозиции, художник музея оказал помощь по ее оформлению. Сотрудники музея также выезжали в Брест для проведения консультации по созданию новой экспозиции в областном краеведческом музее, для участия в обсуждении эскизов ее оформления [3, л. 43].

5. Мероприятия Министерства по улучшению музейного дела в республике (постановления коллегии Министерства по вопросам работы музеев, повышению квалификации музейных работников и др.).

Министерством культуры БССР были утверждены мероприятия по улучшению музейного дела в республике: 25 сентября 1964 г. по подготовке к 50-летию Советской власти, 11 марта 1965 г. по подготовке и проведению 20-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Совместным постановлением Министерства культуры БССР, Министерства просвещения БССР, Правления Союза писателей и Правления Союза композиторов были утверждены мероприятия по дальнейшему эстетическому воспитанию учащихся школ БССР. В этих мероприятиях предусматривалось создание при Музее истории Великой Отечественной войны и при областных краеведческих музеях постоянно действующих выставок: «Пионеры герои Великой Отечественной войны», создание при Государственном музее БССР постоянно действующего уголка «Историко-краеведческая работа в школах», проведение в 1965–66 гг. республиканского смотра школьных музеев [2, с. 253].

В порядке повышения квалификации музейных работников и обмена опытом работы проводились республиканские семинары-совещания в 1964 г. в Гродно, в 1965 г. в Бресте.

6. Связь с музеями других союзных республик (обмен опытом работы и выставками).

Многие музейные сотрудники стажировались в ведущих музеях республики, часть проходила стажировку в крупных музеях СССР. Например, директор Кобринского военно-исторического музея им. А. В. Суворова А. М. Мартынов стажировался в Москве, работники Государственного музея БССР – в музеях Ленинграда, Москвы и Украины. Многие работники музеев проходили практику в головных музеях республики.

Для обмена опытом музейные сотрудники также выезжали группами в музеи Литовской, Эстонской республик. В БССР приезжали музейеды из Прибалтийских республик, Татарской АССР, Казахской ССР, Украинской ССР, Азербайджанской ССР [3, л. 44].

Результатом выполнения постановления ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» также было создание в мае 1964 г. при Министерстве культуры СССР Научно-методического совета по работе музеев. Для работы в нем были задействованы крупнейшие ученые страны, а также представители министерств и ведомств, в подчинении которых находились музеи, ведущие научные сотрудники крупнейших музеев системы Министерства культуры всех союзных республик. Председателем президиума совета был выбран известный историк, академик Б. А. Рыбаков. В составе совета действовали секции, сформированные на основе профилей музеев страны, которые рассматривали наиболее актуальные вопросы музейного строительства,

разрабатывали предложения по улучшению всех направлений работы музеев. Так, секция исторических музеев занималась общеисторическими, историко-революционными, военно-историческими, этнографическими, археологическими музеями, музеями истории религий, а также отделами истории краеведческих музеев. Подобный научно-методический совет в БССР существовал под руководством академика К. К. Атраховича (К. Крапивы) при Президиуме АН БССР, однако его деятельность ограничивалась недвижимым историко-культурным наследием [1, с. 59].

В целом постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» повлияло на улучшение положения музейного дела БССР. В 1964 г. была упорядочена музейная сеть, в частности Ошмянскому, Березовскому, Кричевскому, Лепельскому, Речицкому, Слуцкому, Столинскому и Туровскому народным музеям был возвращен статус государственных районных краеведческих музеев со всеми штатными единицами, что фактически спасло их от исчезновения. В этот период укреплялась материально-техническая база музеев республики – было завершено возведение здания для Государственного музея БССР, началась реконструкция здания музея истории Великой Отечественной войны, ряд областных и районных музеев получили новые помещения. В 1964 и 1965 гг. Министерство культуры БССР организовало два республиканских семинара для музейных сотрудников. С целью повышения квалификации сотрудников было запланировано проводить каждый год подобные семинары в областях, а также организовывать для них стажировки.

Список использованных источников

1. Гужаловский, А. А. Музеи Беларуси (1941–1991 гг.) / А. А. Гужаловский. – Минск : НАРБ, 2004. – 218 с.
2. Златоустова, В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) / В. И. Златоустова // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – М., 1991. – Ч. 1. – С. 226–292.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 974. Оп. 2. Д. 132.
4. Справочник партийного работника / редкол.: К. М. Боголюбов [и др.]. – М. : Политиздат, 1965. – Вып. VI.

СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ В 2005–2021 гг.: КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

**Сунь Шэнцзы
БГУ (Минск)**

Китай и Республика Беларусь установили дипломатические отношения в 1992 г., а в 2013 г. государства вышли на уровень всестороннего стра-

тегического партнерства. В рамках инициативы Председателя Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» сотрудничество между Китаем и Республикой Беларусь постоянно укрепляется, оно играет все более важную роль в развитии межгосударственных отношений и укреплении дружбы между народами [1, с. 47]. С углублением сотрудничества в области политики, экономики и дипломатии стала заметной важность гуманитарной сферы двусторонних отношений.

В академических кругах Китая ученые проводят исследования обменов и сотрудничества между Китаем и Республикой Беларусь в различных областях. Исследования китайских ученых в основном сосредоточены на политическом диалоге, экономическом и торговом сотрудничестве, а также дипломатических контактах между двумя странами. Специальных исследований китайско-белорусского сотрудничества в гуманитарной области не так много.

Цель данной статьи – проанализировать основные направления изучения гуманитарного сотрудничества между Китаем и Республикой Беларусь в китайской историографии.

Все публикации по теме можно условно разделить на пять групп по содержательному критерию. Первая группа работ представляет собой исследование китайских ученых о сотрудничестве между Китаем и Республикой Беларусь в сфере образования. В рамках дружественного развития китайско-белорусских отношений на сотрудничество в сфере образования приходится все большая доля культурного обмена между двумя странами. Содержание исследований в основном сосредоточено на изучении основных этапов, направлений и форм развития сотрудничества, а также его перспективах и проблемных аспектах. Особое внимание авторы уделяют достижениям в области развития высшего образования в Китае и Беларуси в рамках инициативы «Один пояс, один путь». К числу работ данной группы следует отнести публикации китайских ученых Чжао Хуэйжун [2], Ван Цзюй [3], Ян Лян и Суй Синьюе [4], Лю Цзинь и Ван Имэн [5], Цай Синьюй [6].

Вторая группа исследований представлена работами о китайско-белорусском сотрудничестве в области науки и техники. XXI в. усилил влияние научно-технической конкуренции и взаимодействия в сфере международных отношений. Китай и Беларусь придают большое значение национальным научно-техническим инновациям и прогрессу, поэтому данная область занимает очень важное место в гуманитарных связях между странами. Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», открытый в 2014 г., является не только крупнейшей зоной экономического и торгового сотрудничества Китая за рубежом, но также одним из важнейших проектов в области научно-технического сотрудничества между Китаем и Беларусью. Неудивительно, что многие китайские ученые сосредоточили внимание именно на изучении Китайско-белорусского индустриального парка. Напри-

мер, Чжао Хуэйжун, У Тинтин, Цуй Юаньфан, Чжан Хун обобщили успешный опыт научно-технического сотрудничества между двумя странами, а также проанализировали его основные проблемные моменты [7–10].

Третья группа работ представлена исследованиями китайских ученых о сотрудничестве Китая и Республики Беларусь в сфере культуры. Исследования китайских ученых в основном сосредоточены на обзоре истории культурного сотрудничества между Китаем и Беларусью, обобщении успешного опыта культурного сотрудничества и анализе выявленных проблем. На этой основе авторами предлагаются меры и предложения по дальнейшему развитию культурного диалога. Особое внимание уделяется актуальным вопросам изучения и преподавания китайского языка в Беларуси, преодолению национальных стереотипов в повседневном и профессиональном общении, развитию традиционной китайской культуры и ее взаимодействию с белорусской культурой. К числу основных работ данной группы следует отнести публикации У Жунлань и Чжан Цин [11], Цинь Шаньшань [12], Ли Ган и Ни Гуанжуй [13], Хань Луцзяо и Ян И [14].

Четвертая группа публикаций посвящена вопросам сотрудничества Китая и Республики Беларусь в сфере туризма. Китайский ученый Чжао Хуэйжун указал на проблемы, с которыми Китай и Беларусь столкнулись в области туризма, финансового и транспортного сотрудничества [15], а исследователь Чжан Яньлу предложила целевые меры для будущего развития китайско-белорусского взаимодействия в туристической отрасли (использование географических особенностей Беларуси, создание уникального туристического кластера, внедрение сторонних платежных платформ и др.) [16].

Заключительная группа работ представлена публикациями о сотрудничестве между Китаем и Республикой Беларусь в области медицины. Особую актуальность данное направление исследований приобрело в связи с началом пандемии COVID-19. Специальных исследований в данной категории немного, особое внимание следует уделить работе Ван Синьтун и Цзян Чэньсе, которая посвящена вопросам развития современной традиционной китайской медицины в Беларуси, а также анализу перспектив ее внедрения [17]. В настоящее время китайскими учеными также проводится анализ влияния пандемии коронавируса на развитие всех направлений гуманитарного сотрудничества между Китаем и Республикой Беларусь [18].

Таким образом, на сегодняшний день изучение китайско-белорусского сотрудничества в гуманитарной сфере сосредоточено на пяти аспектах. Вместе с тем очевидна потребность в проведении всестороннего комплексного исследования гуманитарного сотрудничества Китая и Беларуси. Актуальность подобной работы обусловлена тем, что сотрудничество в гуманитарной сфере содействует укреплению социальной и общественной основы всестороннего стратегического партнерства между государствами, а также создает новые возможности для развития двусторонних отношений.

Список использованных источников

1. 何芳 (Хэ Фан). 中俄伙伴关系框架下的人文交流与合作 (Гуманитарные обмены и сотрудничество в рамках китайско-российского партнерства) /何芳 (Хэ Фан) // 神州学人 (Ученый из Шэньчжоу). – 2021. – № 10. – С. 46–50.
2. 赵会荣 (ЧжаоХуэйжун). 中白教育合作的现状与前景 (Статус-кво и перспективы китайско-белорусского сотрудничества в области образования) /赵会荣 (ЧжаоХуэйжун) // 俄罗斯学刊 (Русский журнал). – 2017. – № 5. – С. 54–60.
3. 王济宇 (Ван Цзиюй). “一带一路”倡议下的中白教育合作:历史、现状与展望 (Китайско-белорусское сотрудничество в сфере образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: история, текущая ситуация и перспективы) / 王济宇 (Ван Цзиюй) // 河南教育 (Журнал образования Хэнань). – 2018. – № 7. – С. 16–19.
4. 杨亮,隋鑫悦 (Ян Лян, Суй Синьюе). “一带一路”沿线国家孔子学院文化传播现状与发展策略研究—以白俄罗斯国立大学共和国汉学孔子学院为例 (Исследование статускво и стратегий развития культурной коммуникации институтов Конфуция в странах «Пояса и пути»: на примере Института республиканского китаеведения Конфуция БГУ) / 杨亮,隋鑫悦 (Ян Лян, Суй Синьюе) // 文艺评论 (Журнал литературных критик). – 2020. – № 6. – С. 118–123.
5. 刘进,王艺蒙 (ЛюЦзинь, Ван Имэн). “一带一路”沿线国家的高等教育现状与发展趋势研究 — 以白俄罗斯为例 (Исследование статускво и тенденций развития высшего образования в странах «Один пояс, один путь» – на примере Беларуси)/刘进,王艺蒙 (ЛюЦзинь, Ван Имэн) // 世界教育信息(Всемирная образовательная информация). – 2020. – № 2. – С. 36–47.
6. 蔡新宇(ЦайСиньюй).中国与俄语区国家教育合作及模式评价研究 (Исследование сотрудничества в сфере образования и оценка модели между Китаем и русскоязычными странами) / 蔡新宇 (ЦайСиньюй) // 北京交通大学博士学位论文 (Пекинского университета Цзяотун). – Бэйцзин, 2021. – С. 1–135.
7. 赵会荣 (ЧжаоХуэйжун). “一带一路”高质量发展与境外经贸合作区建设—以中白工业园为例 (Качественное развитие «Один пояс, один путь» и строительство зон зарубежного экономического и торгового сотрудничества – на примере Китайско-Белорусского индустриального парка) /赵会荣 (ЧжаоХуэйжун) // 欧亚经济 (Евразийская экономика). – 2009. – № 6. – С. 46–63, 123, 125.
8. 吴汀亭 (У Тинтин). 从中白工业园看“一带一路”倡议的前景与挑战 (Взгляд на перспективы и проблемы инициативы «Один пояс, один путь» от Китайско-белорусского индустриального парка) / 吴汀亭(У Тинтин) // 外交学院硕士毕业论文 (Магистерская диссертация Китайского университета иностранных дел). – Бэйцзин, 2017. – С. 1–84.
9. 崔远芳 (Цуй Юаньфан). 中白工业园对中白经贸关系发展的借鉴意义 (Справочное значение Китайско-Белорусского индустриального парка для развития китайско-белорусских торгово-экономических отношений) / 崔远芳 (Цуй Юаньфан) // 外交学院硕士毕业论文 (Магистерская диссертация Китайского университета иностранных дел). – Бэйцзин, 2018. – С. 1–43.
10. 张弘 (ЧжанХун). 习近平首脑外交与中国白俄罗斯“一带一路”合作 (Главная дипломатия Си Цзиньпина и китайско-белорусское сотрудничество в рамках «Один пояс, один путь») / 张弘 (ЧжанХун) // 欧亚伙伴关系 (Евразийское партнерство). – 2020. – № 1. – С. 5–21.
11. 吴荣兰,章清 (У Жунлань, Чжан Цин). “一带一路”背景下的中白文化交流与合作 (Китайско-белорусские культурные обмены и сотрудничество на фоне «Одного пояса, одного пути») / 吴荣兰,章清 (У Жунлань, Чжан Цин) // 浙江树人大学学报-人文社会科学

(Журнал Чжэцзянского Шуренского университета – гуманитарные и социальные науки). – 2018. – № 6. – С. 41–46.

12. 秦珊珊 (Цинь Шаньшань). 文化冲突视域下的中白跨文化交际 (Китайско-белорусская межкультурная коммуникация с точки зрения культурного конфликта) / 秦珊珊 (ЦиньШаньшань) // 西安外国语大学博士毕业论文 (Докторская диссертация Сианьского университета иностранных языков). – Сиань, 2019. – С. 1–70.

13. 李刚,倪光睿 (Ли Ган, Ни Гуанжуй). “一带一路”倡议下武术跨文化传播研究——以白俄罗斯国立体育大学孔子学院为例 (Исследование межкультурной коммуникации ушу в рамках инициативы «Один пояс, один путь» на примере Института Конфуция Белорусского государственного университета спорта) / 李刚,倪光睿 (Ли Ган, Ни Гуанжуй) // 岭南师范学院学报 (Журнал Лингнаньского педагогического университета). – 2020. – № 3. – С. 72–78.

14. 韩璐娇,杨怡 (Хань Луцзяо, Ян И). 中国传统音乐在“一带一路”沿线国家白俄罗斯的交流与传播 (Обмен и распространение китайской традиционной музыки в Беларуси, стране вдоль «Один пояс, один путь») / 韩璐娇,杨怡 (Хань Луцзяо, Ян И) // 牡丹 (Журнал Пион). – 2020. – № 18. – С. 44–45.

15. 赵会荣 (ЧжаоХуэйжун). 对中国与白俄罗斯关系的分析与思考 (Анализ и размышления об отношениях между Китаем и Беларусью) / 赵会荣 (Чжао Хуэйжун) // 国外理论动态 (Зарубежная теоретическая динамика). – 2017. – № 11. – С. 120–127.

16. 张艳璐 (ЧжанЯньлу). 白俄罗斯旅游业发展现状与中白旅游合作前景 (Текущее состояние развития туризма Беларуси и перспективы китайско-белорусского туристического сотрудничества) / 张艳璐 (ЧжанЯньлу) // 俄罗斯学刊 (Русский журнал). – 2020. – № 1. – С. 22–36.

17. 王欣彤,蒋辰雪 (Ван Синьтун, Цзян Чэньсюе). “一带一路”倡议助推白俄罗斯中医药的新发展 (Инициатива «Один пояс, один путь» способствует новому развитию традиционной китайской медицины в Беларуси) / 王欣彤,蒋辰雪 (Ван Синьтун, Цзян Чэньсюе) // 东北亚经济研究 (Мировая традиционная китайская медицина). – 2019. – № 9. – С. 2533–2536.

18. 赵会荣 (ЧжаоХуэйжун). 新冠肺炎疫情影响下的白俄罗斯及其与中国合作 (Беларусь и ее сотрудничество с Китаем под влиянием нового вируса коронарной пневмонии) / 赵会荣 (ЧжаоХуэйжун) // 北方论丛 (Северные очерки). – 2022. – № 1. – С. 53–62, 172.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В XV–XVI ВВ. КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ³

С. В. Телепень,

Е. Д. Рыбаченко

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Главным средством исторической репрезентации белорусов в XV–XVI вв. является летописание. До 1842 г. летописи белорусского происхождения назывались «литовскими». Впервые их определил как белорусские

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору № 1410/2021 от 22.03.2021.

О. М. Бодянский [1, с. 7]. Чуть позже белорусскими их стал называть Н. И. Костомаров [4, с. 35]. Белорусский характер летописей подразумевал А. А. Шахматов, использовавший определение «западнорусские» [9, с. 41]. К нему примыкают оценки данного источника И. А. Тихомировым [6, с. 3–5]. Наконец, это определение – белорусские летописи – закрепилось в советское время [8, с. 9].

Прежде всего необходимо отметить, что белорусские летописи находятся в рамках древнерусской летописной традиции, хотя новые геополитические реалии постепенно все более сказывались на сюжете и языке белорусских летописей. Особенностью древнерусской летописной традиции является самостоятельность по отношению к западноевропейским хроникам, а также наличие, начиная с «Повести временных лет», переводных вставок из византийских хроник и юридических документов исторического характера. Византийское влияние сказалось и на способе ритмизации текста (т. н. «ритмическая проза», которой написаны летописи). Привязка к византийской письменной культуре, несомненно, была результатом прочных связей между православной Русью и империей ромеев.

Дошедшие до нас белорусские летописи XV–XVI вв. подразделяются на два свода – краткий и полный. Краткий свод известен по пяти рукописям: 1. Летопись Авраамки, 2. Супрасльская рукопись, 3. Список Уварова, 4. Список Красинского, 5. Познанская рукопись. Как определил А. А. Шахматов, существует непрерывная генеалогическая связь белорусских летописей с «Повестью временных лет» [10, с. 8]. Эту связь не отрицал и Т. Нарбут, впервые осуществивший издание полного свода белорусских летописей. Правда, вышедший тогда вариант представляет собой довольно спорный текст с большим количеством лакун и интерполяций, особенно что касается частей, относящихся к временам Сигизмунда I, т. е. к первой половине XVI в. [3, с. 93].

Более ранним и, соответственно, более достоверным является краткий свод. Древнейшим списком краткой редакции является «Летопись Авраамки», которая датируется 7003 г. «от основания мира», т. е. 1495 г. В самой летописи указана и место ее создания – Смоленск, где она была составлена по распоряжению епископа смоленского Иосифа. В 1823 г. И. Н. Данилович издал этот список в «Виленском дневнике». Текст стал предметом острых дискуссий, которые продолжаются до настоящего времени.

Интересующим нас моментом здесь является вопрос о традиционной исторической репрезентации в XV–XVI вв. как форме исторической памяти белорусов. Как отмечал Д. С. Лихачев, «действующими лицами древнерусских повествовательных произведений всегда были исторические лица либо лица, хотя и не существовавшие, но историческое существование которых не подвергалось сомнению» [5, с. 8]. Сказанное полностью относится к трактовке средневековыми белорусами своего легендарного прошлого [7, с. 130–132]. В этой связи основным результатом проведенного

на данном этапе исследования стал анализ упоминаемых в наличных списках (главным образом в «Летописи Авраамки») единиц информации, указывающих на белорусскую по происхождению ономастику, представленную: 1. антропонимикой ранних литовских князей и их бояр, 2. теонимикой языческих божеств, упоминаемых в летописных текстах, 3. топонимикой, указывающей на белорусский характер населения и его самосознания, 4. исконной этнонимикой белорусских земель, 5. соционимикой категорий населения.

Собранный материал позволил обнаружить наличие в самоидентификации средневековой литовской знати языческого периода признаки культурного субстрата, не имеющего прямого отношения к литовскому этносу. Последнее обстоятельство заставляет пересмотреть концепцию балтского культурного субстрата [2], так как наличный летописный материал показывает, что в генезисе самосознания феодальной знати ВКЛ местные, долитовские, основы сыграли определяющую роль, обусловив направление развития государственного сознания литовских князей означенного периода. Так, в легендарной части белорусских летописей говорится о происхождении литовских князей и бояр от переселившихся из римских владений пяти сотен знатных семей. С другой стороны, в рассказе о переселении присутствуют отсылка к славянским преданиям, зафиксированным в «Повести временных лет» Нестора о бегстве дулебов от притеснений со стороны «влохов» (т. е. римлян) через пределы, занятые враждебными племенами, на земли, где затем расселились пятнадцать летописных восточнославянских племен. Также в именах литовской знати находит отражение славянская ономастика, а в орфографии имен собственных, зафиксированных белорусскими летописными списками, отмечается тенденция к передаче звуков белорусской фонетической системы.

Идеологическое наполнение всех известных науке списков белорусских летописей позволяет обнаружить стремление летописцев обосновать самостоятельность ВКЛ, что, ввиду численного и культурного преобладания здесь белорусов, позволяет утверждать, что уже в XV в. обозначилось особое литвинское (=белорусское) этническое самосознание, которое на данном историческом этапе могло существовать лишь в форме самосознания феодальной верхушки. Для такого самосознания характерным был династийный принцип легитимации политической власти и апелляция к «старине». Существенно, что собственно литовский фольклорный элемент в белорусских летописях прослеживается гораздо слабее славянского, что вновь подтверждает белорусский характер как означенных летописных сводов, так и самого ВКЛ.

Таким образом, можно подытожить:

- 1) главной письменной формой саморепрезентации белорусов в XV–XVI вв. было местное летописание;
- 2) данное летописание имело белорусский характер в отношении не только языка, но и фольклорного и идеологического наполнения;

3) характер политической лояльности летописцев по отношению к литовской феодальной верхушке не привел к превращению белорусского летописания в средство обоснования иноземного господства;

4) генетические связи летописных сводов с «Повестью временных лет» позволяют говорить о единстве летописной традиции, в том числе в аспекте византийского влияния;

5) вектор идейной эволюции белорусских летописей демонстрирует постепенное усиление интереса летописцев к событиям польской истории, что характеризует эволюцию ВКЛ и его социальной верхушки в сторону все большей полонизации и постепенного ослабления влияния общерусской летописной традиции.

Список использованных источников

1. Бодянский, О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке / О. М. Бодянский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. – 1846. – № 1. – С. 7–11.

2. Бэднярчук, Л. Аб этнагенэзе беларусаў / Л. Бэднярчук // Наша слова. – 2001. – 5 снеж. – № 48 (536); 12 снеж. – № 49 (537); 19 снеж. – № 50 (538).

3. Данилович, И. Н. О литовских летописях / И. Н. Данилович // Журнал министерства народного просвещения. – 1840. – Вып. 28. – С. 70–114.

4. Костомаров, Н. И. Лекции по русской истории / Н. И. Костомаров. – СПб., 1861. – Ч. 1. – 112 с.

5. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 492 с.

6. Тихомиров, И. А. О составе западнорусских, так называемых «литовских» летописей / И. А. Тихомиров // Журнал министерства народного просвещения. – 1901. – № 3. – С. 1–36.

7. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 262 с.

8. Чамярыцкі, В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры / В. А. Чамярыцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.

9. Шахматов, А. А. Записка о западнорусских летописях / А. А. Шахматов // Летопись занятий Археографической комиссии. – СПб., 1901. – Вып. 13. – С. 33–49.

10. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М.: «Кучково поле», «Академический проект», 2001. – 375 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОМЕЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

И. Ю. Уваров

ГГТУ им. П. О. Сухого (Гомель)

В первые десятилетия XX в. Гомель представлял собой город, в котором проживало 110 тыс. человек. Первая мировая война, революция 1917 г., гражданская война положили начало новому, драматическому, периоду в истории Гомеля. Социально-экономические и материально-

бытовые условия населения резко ухудшились. Судить об этом можно, например, по тем документам, которые отражают санитарно-эпидемическую ситуацию в Гомеле в первой половине 1919 г.

Среди документов, характеризующих работу санитарно-эпидемического бюро, наше внимание привлек бланк индивидуальной регистрационной медицинской карты для регистрации детей дошкольного и школьного возраста с указанием «Гомельский Уездно-Городской отдел Народного Здравоохранения». Это типографский бланк, на котором были отмечены следующие данные: число, месяц, год, номер карты, школа, степень школы, отделение, мальчик или девочка, фамилия, имя, отчество, национальность, возраст, профессия родителей: отца и матери. Отдельной графой отмечались успехи ребенка: хорошие, посредственные, слабые. Общее состояние здоровья и питания: хорошее, удовлетворительное, ослабленное. В следующей графе была указана наследственность, те болезни, которыми болели или от которых умерли их родители, например, туберкулез, сифилис, алкоголизм [1, л. 35]. На вопрос: был ли у ребенка рахит? стояли два варианта ответа: был; не был. Отмечалось вскармливание детей грудью или искусственно, цвет волос: светлый, рыжий, темный, черный. Особое внимание было уделено полости рта, определялся цвет зубов: белый, желтый, синий; небо – плоское, среднее, высокое; десны нормальные, кровоточили, воспалены, изъязвлены, свищи: десневой, щечный, подбородочный. В документе ничего не сказано, чем могли болеть эти дети. Остается только предполагать, какие страдания выпали на долю маленьких гомельчан в тяжелое послереволюционное время. Распространившаяся эпидемия уносила тысячи человеческих жизней. В числе заболевших оказались и врачи, и остальной медперсонал. Из документа за период с 15 января по 15 мая 1919 г. видно, кто из гомельских врачей болел, а кто находился в отпуске вследствие перенесенной болезни. А. К. Рахиль болела с 9 февраля по 27 апреля, после выздоровления получила отпуск на шесть недель. Санитарный врач Р. А. Ратнер-Гуревич болела с 26 апреля по 4 июня, фельдшер Т. Л. Шестоков – с 16 марта по 3 мая, санитар М. Балтрик болел с 19 марта по 10 апреля 1919 г. Всего за указанный период переболело (не сказано чем) 15 человек медперсонала, среди которых был отмечен студент-медик С. Л. Рогачевский.

Для борьбы с инфекциями разрабатывались специальные инструкции, содержание которых гласило следующее: «1. По прибытии в неблагоприятные по заразным болезням «селения» необходимо установить число пораженных домов и число больных. 2. Принимать все меры по недопущению распространения болезни. 3. Давать указания личной профилактики, вести санитарно-просветительную работу в очагах. 4. В каждом селении установить время появления первых случаев заболевания, откуда болезнь была занесена, число умерших от 161 данной формы заразы, время окончания эпидемии».

К этому периоду в городском эпидемическом бюро насчитывалось следующее количество специалистов: заведующий – один, помощники санитаров – пять человек, дезинфекторов – пять, санитаров – десять человек, один – кочегар, счетчик-статист, он же фельдшер – один, делопроизводитель – один, сторож и по совместительству курьер – один. Кроме этого, в распоряжении санитарно-эпидемического бюро были лошади, которым требовалась регулярная ковка, а также починка збруи и экипажей, дезинфекционные аппараты, которым нужен ремонт, и камера [1, л. 18].

Все врачи получали заработную плату, согласно ставкам Всемедикасантруда, с прибавкой 50 %, как персонал, работающий сыпном тифе – 3000 руб. в месяц. Как указано в документе, эта ставка – самая высокая в Советской России [1, л. 21]. Для перевозки больных в распоряжении санитарно-эпидемического бюро было четыре кучера. В помещении бюро – пять печей и одна кухня. Для отопления паровой рубнеровской камеры (как в документе) в месяц уходили одна, две сажени дров. Для освещения в ночное время использовались три лампы, одна – в канцелярии, другая – в кабинете врача, одна – в комнате кучеров, один фонарь – для осмотра лошадей в конюшне. Среди текущих расходов отмечены также расходы на покупку канцелярских принадлежностей, бумаги, чернил и карандашей.

С увеличением числа зараженных потребовалось до восьми лошадей для перевозки паровой дезинфекционной камеры. На дезинфицирующие средства требовалось не менее 10 000 руб. в месяц. Из-за интенсивного использования кареток, телег, саней, которые имелись в санбюро, все они находились в очень ветхом состоянии и требовали ремонта [1, л. 21 об.]. Паровая рубнеровская камера изнашивалась; гидropульты и фармалиновые аппараты также изнашивались и требовали частичной починки. Крыша конюшни во многих местах протекает и требует мелкого ремонта на сумму 6000 руб. К наступлению зимы надо приобрести двое крытых саней. О распадке эпидемии в Гомеле свидетельствует описание одним из врачей барачков для беженцев, которые были расположены на конной площади. Увиденное им было представлено в виде обращения за помощью к председателю коллегии Пленбежа. Эта организация располагалась в Гомельской гостинице «Метрополь» по адресу: ул. Замковая, д. 107. Документ сообщает информацию о крайней нужде и антисанитарии беженцев, которые прибыли в Гомель из Бреста.

Лишенные всякой опеки, голодные, босые и почти голые люди влачат жизнь среди неподдающейся описанию грязи, прокопченные дымом самодельных печей, покрытые своею же собственной грязью и поедаемые насекомыми. Среди здоровых повсюду лежат больные и те, которые недавно выписались из больниц, главным образом из тифозной больницы в Белице. В этом же сыпном бараке среди беженцев довольно много живет бездомных местных жителей». С целью исправления ситуации 28 января 1919 г. заведующий санитарно-эпидемическим подотделом обратился

в коллегію Пленбежа с предложением само помещение барака привести в порядок и сделать его похожим на жилое помещение. Вставить окна, отремонтировать печи, установить нары, оборудовать отхожие места и помойную яму. Оказать нуждающимся материальную поддержку деньгами, продовольствием и бельем. Учредить административный и врачебный надзор. Избрать или нанять распорядительного человека из жильцов барака для наблюдения за внутренним порядком и здоровьем живущих в нем людей. И в конечном итоге посетить баню, прачечную и парикмахерскую [2, л. 2 об.]. В конце января 1919 г. врачи санитарно-эпидемического подотдела обследовали «японские бараки» в Гомеле, где содержались военнопленные разных национальностей. Составленное заключение было направлено Уполномоченному местного отделения Красного креста. «Лечебница при бараках не соответствует своему назначению, у обитателей этих помещений нет запаса белья, больничной одежды, нет приборов и средств для дезинфекции и дезинсекции. В таких условиях возникает опасность заражения сыпным тифом большого количества людей». Представители комиссии рекомендовали перевести лечебницу в более соответствующее ее назначению помещение бывшего сборного пункта Гомельского уездно-военного начальства [2, л. 5 об.].

Таким образом, Гомель в указанный период являет собой пример той ситуации, которая в целом характеризует ситуацию в стране в условиях разгоревшейся гражданской войны. Осознание этого исторического урока является необходимым условием воспитания подрастающего поколения в понимании ценности гражданского мира [3, с. 192].

Список использованных источников

1. Смета на содержание санитарно-эпидемических учреждений на 1919 г. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 306. Оп. 1. Д. 3.
2. Переписка об организации санитарного обслуживания «беженцев». 1 января 1919 г. – 26 декабря 1919 г. // ГАГО. – Ф. 306. Оп. 1. Д. 11.
3. Уваров, И. Ю. Гомель в исторической ретроспективе (1918–1925 годы) / И. Ю. Уваров. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. – 201 с.

ДАВІД БАРЫСАВІЧ МЕЛЬЦЭР І БАЛГАРЫСТЫЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў БЕЛАРУСІ

**А. У. Ціхаміраў
УК ГДМГР (Гродна)**

Развіццё даследаванняў мінулага іншых краін у беларускай гістарычнай навуцы мае ўжо сваю традыцыю. Беларуская савецкая гістарыяграфія – гэта не толькі значная з’ява ў айчыннай навуковай думцы, але і цікавы культурны феномен, які патрабуе больш глыбокага і асэнсаванага

даследавання. Навуковае вывучэнне іншых славянскіх краін навукоўцамі з беларускіх земляў сягае яшчэ з XIX стагоддзя. Гэтая цікавасць цалкам зразумелая: моўная, культурная і гістарычная блізкасць і шырокія кантакты паміж славянскімі народамі ствараюць адпаведны падмурак для такіх даследванняў. У XX ст. славістычныя даследаванні сталі адной з важных частак навуковай гуманітарыстыкі ў Беларусі. Інтэрдyscyплінарны характар такога вывучэння, які ўключае звесткі з гісторыі, мовазнаўства, літаратуразнаўства, практыкі перакладу, геаграфіі, эканомікі і іншых галін, дазваляе вучоным паглядзець на канкрэтную тэму з розных перспектыв.

Значны ўклад у развіццё даследаванняў гісторыі Балгарыі ў беларускай гістарычнай навуцы ўнёс прафесар, доктар гістарычных навук Давід Барысавіч Мельцэр. Дзейнасці гісторыка прысвечаны шэраг навуковых публікацыі, у тым ліку манаграфія яго вучня, прафесара, доктара гістарычных навук Міхаіла Васільевіча Стральца [5]. У нашым артыкуле разглядаюцца перадусім працы Д. Б. Мельцэра, прысвечаныя гісторыі Балгарыі і беларуска-балгарскім сувязям.

Д. Б. Мельцэр нарадзіўся 16 лютага 1925 г. у горадзе Мазыры ў сям’і служачых. У 1930 г. сям’я будучага навукоўца пераехала ў Мінск. У 1943–1948 гг. ён навучаўся на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе пазнаёміўся з выдатным спецыялістам па германскай гісторыі Львом Міхайлавічам Шнеерсонам (1910–1999). Пад яго кіраўніцтвам Д. Б. Мельцэр навучаўся ў аспірантуры БДУ і пачаў навукова займацца мінулым Балгарыі. У 1951–1954 гг. Д. Б. Мельцэр працаваў выкладчыкам у Мінскай школе прафсаюзнага руху УЦСПС, а з 1954 і да 1992 г. – на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. На факультэце вучоны чытаў агульны курс па гісторыі заходніх і паўднёвых славян, спецкурсы і спецсемінары. А таксама выкладаў на факультэце павышэння кваліфікацыі выкладчыкаў грамадскіх дысцыплін сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў. У 1972, 1974 і 1978 гг. ён вёў спецкурс у Сафійскім універсітэце св. Клімента Ахрыдскага. У 1954 г. Д. Б. Мельцэр абараніў кандыдацкую дысертацыю «Роль Советского Союза в обеспечении свободы и независимости болгарского народа (1939–1952 гг.)», а ў 1975 г. – доктарскую дысертацыю «Болгаро-советские отношения 1917–1939 гг.» [6, с. 144]. У 1992 г. Д. Б. Мельцэр пераехаў у ЗША, дзе не толькі актыўна ўключыўся ў грамадскае жыццё рускамоўнай дыяспары, але і выступае як публіцыст. Аднак і там Д. Б. Мельцэр – перадусім навуковец. Кола яго навуковых інтарэсаў на пераломе XX і XXI стагоддзяў пашырылася, гісторык займаецца праблематыкай гісторыі яўрэяў у Беларусі, у тым ліку Халакоста падчас Другой сусветнай вайны [6, с. 145–147].

Доктарская дысертацыя Д. Б. Мельцэра выйшла асобнай манаграфіяй у выдавецтве БДУ ў 1975 г. і стала важнай навуковай падзеяй не толькі для беларускіх спецыялістаў, але і для балгарыстаў Савецкага Саюза. У зборніку

артыкулаў, прысвечаным савецкай балгарыстыцы аб гэтай працы адзначалася: «автор вводит в научный оборот большое количество новых документов из советских и болгарских архивов. Собранный в книге фактический материал характеризует принципы ленинской внешней политики в действии — в отношениях между Советским государством и небольшой по европейским масштабам Болгарии. Одной из конкретных целей советской политики было не допустить превращения Болгарии, равно как и других балканских государств, в поле антисоветской деятельности. В книге Д. Б. Мельцера показано благоприятное развитие отношений между двумя странами в период пребывания у власти правительства Земледельческого союза и перелом, произошедший в двухсторонних отношениях после фашистского переворота в июне 1923 г. Подробно рассмотрен антисоветский курс правящих кругов болгарской буржуазии в последующие годы. Труд Д. Б. Мельцера — единственное в советской историографии монографическое исследование двухсторонних советско-болгарских отношений на протяжении почти двух десятилетий (1917–1935 гг.)» [1, с. 78–79].

Праца Д. Б. Мельцэра абапіралася на вельмі шырокае кола крыніц з архіваў, музеяў і бібліятэк Масквы і Сафіі, большасць з якіх на той час не выкарыстоўвалася савецкімі даследчыкамі і не публікавалася. М. В. Стралец падкрэсліваў: «работая над этим фундаментальным трудом, Давид Борисович пять лет не уходил в отпуск. Десять свободных от преподавательских дел месяцев были без остатка посвящены системной реконструкции советско-болгарских отношений межвоенного периода» [6, с. 144]. Як і большасць навуковых прац таго перыяду, манаграфія была напісана з захаваннем ідэалагічных патрабаванняў. Гэта адбілася не толькі на шматлікім цытаванні выказванняў дзеячоў камуністычных партый двух краін, але і на агульных высновах. Аднак даследаванне з'яўляецца перадусім важным крокам у вывучэнні складаных дыпламатычных кантактаў паміж СССР і Балгарыяй ў міжваенны час. Устанаўленне дыпламатычных адносін паміж краінамі ў 1934 г., якія дагэтуль мелі вельмі доўгую гісторыю міждзяржаўных адносін, прасочвалася даследчыкам з вялікай дакладнасцю на падставе цэлага шэрагу дыпламатычных дакументаў. Таксама варта падкрэсліць і тое, што ў манаграфіі дастаткова падрабязна была апісана роля Балгарыі падчас заключэння Брэсцкага мірнага дагавора 1918 г. [4, с. 9–26].

У 1978 г. у Мінску выйшла сумесная праца Д. Б. Мельцэра і балгарскага гісторыка Ёрдана Тончава «Национальной свободе Болгарии 100 лет». Выданне было прысвечана стогадоваму юбілею завяршэння Руска-турэцкай вайны 1877–1878 гг. і аднаўленню балгарскай дзяржаўнасці пасля пяцісотгадовага панавання Асманскай імперыі. Першы раздзел працы «Нацыянальная і рэвалюцыйная барацьба» прысвечаны сітуацыі балгарскага народа пад асманскім панаваннем, грамадска-палітычнай сітуацыі і барацьбе за нацыянальную сістэму адукацыі і царкоўную аўтаномію, дапамозе з боку прадстаўнікоў дзяржаўных і грамадскіх дзеячоў Расійскай імперыі

балгарскім нацыянальным элітам, Красавіцкаму паўстанню 1876 г. Гэты раздзел напісаў Ё. Тончаў. Другі раздзел – «Вызваленчая вайна» быў напісаны Д. Б. Мельцэрам і прысвечаны руху салідарнасці з балгарскім народам у Расійскай імперыі падчас вайны і баявым дзеянням на тэрыторыі Балканскага паўвострава. Аўтар не пакінуў у баку і праявы салідарнасці беларусаў з вызваленчым рухам балгарскага народа: падрабязна апісана роля Антона Трусава (1835 – каля 1886), Мікалая Судзілоўскага (1850–1930), выказванні аб балгарах у паэтычнай творчасці і грамадскім жыцці В. Дунін-Марцінкевіча і Ф. Багушэвіча, удзел дабраахвотнікаў з беларускіх земляў у вызваленні Балгарыі [3, с. 85–98]. У заключэнні манаграфіі таксама шмат месца займае апісанне супрацоўніцтва паміж Беларуссю і Балгарыяй пасля Другой сусветнай вайны ў галіне прамысловасці, транспарту, культуры і навукі [3, с. 152–161].

У 1981 г. у Мінску выйшла манаграфія Д. Б. Мельцэра «Белоруссия и Болгария: Дружба вечная, нерушимая, 681–1981», якая з’яўляецца падсумаваннем шматгадовых даследаванняў вучонага. У 1985 г. яна выйшла ў перакладзе на балгарскую мову пад назвай «Белорусско-болгарские връзки» («Беларуска-балгарскія адносіны»). Нягледзячы на адбітак таго часу (перадусім падкрэсліванне ролі камуністычных партый, камуністычнай ідэалогіі і цытаванне партыйных дзеячоў), гэтая кніга застаецца комплексным аглядам развіцця сувязей паміж беларускім і балгарскім народамі з сярэднявечча да пачатку 1980-х гадоў. На падставе назапашанага і прааналізаванага аўтарам фактычнага матэрыялу можна і сёння паглыбляць даследаванні па розных тэмах. Варта падкрэсліць, што Д. Б. Мельцэр не абмінуў такія пытанні, як культурныя сувязі ў перыяд ранняга сярэднявечча і Вялікага Княства Літоўскага, шырока асвятліў пытанні салідарнасці беларусаў з вызваленчай барацьбой балгарскага народа ў 70-я гады XIX ст. Не менш важнай часткай балгара-беларускіх сувязей з’яўляецца баявая садружнасць у перыяд Другой сусветнай вайны: гісторык падрабязна спыніўся на постацях Янка Маслінкава, Агняна і Крэмена Міхайлавых, Ліліі Карастаянавай, Олі Касцюк-Атанасавай, Дзімітрыя Дзімітрыева і іншых [2, с. 128–161]. Другая частка манаграфіі, якая называецца «Дарогай сяброўства і супрацоўніцтва», прысвечана сацыяльна-эканамічным сувязям Беларусі і Балгарыі, супрацоўніцтву ў сферы навукі, культуры і адукацыі пасля Другой сусветнай вайны. Гісторык між іншым засяродзіўся на ўзаемным літаратурным перакладзе і літаратурных сувязях, якія атрымалі асаблівае развіццё ў 60–70-я гг. XX ст.

Д. Б. Мельцэр таксама з’яўляецца аўтарам кнігі «Беларусь і Балгарыя – дружба, супрацоўніцтва, брацтва» (у сааўтарстве з П. З. Савачкіным), навуковых артыкулаў і рэцэнзій, складальнікам хрэстаматыі тэкстаў па гісторыі заходніх і паўднёвых славян [6, с. 145, 148].

Д. Б. Мельцэр падрыхтаваў 13 кандыдатаў гістарычных навук, сярод яго вучняў і адзін доктар гістарычных навук. Ён таксама актыўна ўдзельнічаў

у арганізацыі супрацоўніцтва з балгарскімі вучонымі, правядзенні навуковых мерапрыемстваў, быў віцэ-прэзідэнтам Усесаюзнай асацыяцыі балгарыстаў [6, с. 145]. Урадженец Мазыра Давід Барысавіч Мельцэр з'яўляецца выбітнай постаццю ў галіне беларускай гістарычнай навукі. Нягледзячы на шаноўны ўзрост, ён працягнуў навуковыя даследаванні ў XXI ст.: у ЗША выйшлі тры кнігі і больш за 100 артыкулаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Волков, В. К. Внешняя политика Болгарии в период между двумя мировыми войнами (1919–1939 гг.) в трудах советских историков / В. К. Волков // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвящённой 1300-летию Болгарского государства. – М. : Наука, 1983. – С. 78–84.
2. Мельцер, Д. Б. Белоруссия и Болгария: Дружба вечная, нерушимая, 681–1981 / Д. Б. Мельцер. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. – 320 с.
3. Мельцер, Д. Б. Национальной свободе Болгарии 100 лет = 100 години национална свобода на България / Д. Б. Мельцер, Й. Тончев. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. – 168 с.
4. Мельцер, Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917–1935 гг.) / Д. Б. Мельцер. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. – 224 с.
5. Стрелец, М. В. Д. Б. Мельцер: портрет ученого и педагога / М. В. Стрелец ; науч. ред. А. Н. Баюра. – Брест : БрГТУ, 2006. – 122 с.
6. Стрелец, М. В. Мельцер Д. Б.: исследование проблем мировой и отечественной истории и педагогическая и общественная деятельность / М. В. Стрелец // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2004. – № 6. – С. 144–148.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ И ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ БССР В 1945–1950 гг.

С. А. Юрис
ГГТУ им. П. О. Сухого (Гомель)

В послевоенный период потребительская кооперация республики являлась одной из основных заготовительных организаций.

Конкретные условия ее участия в проведении заготовок и закупок определялись решениями правительства, которые в свою очередь зависели от конкретно-исторической ситуации и общего политического фона.

Основные подходы к проведению государственных поставок и закупок в четвертой пятилетке были заложены еще в 1930-е гг., когда произошел переход от контрактации к обязательным госпоставкам. При контрактации отношения между производителями сельскохозяйственной продукции (сельскохозяйственными производственными кооперативами, индивидуальными хозяйствами крестьян) регулировались договорами купли-

продажи. Главным условием, определявшим возможность участия физического лица или организации, являлось производство продукции непосредственно в собственном хозяйстве.

В 1932–1933 гг. контрактация была заменена обязательными поставками государству, то есть сдачей государству заранее установленного количества сельскохозяйственных продуктов по обязательствам, имевшим для колхозов, колхозников и единоличников силу налога. Такой порядок обязательной сдачи был установлен в конце 1932 г. для молока и мяса, а затем в первой половине 1933 г. он был распространен на зерно, картофель, рис, подсолнух, шерсть [1, с. 74–79].

Одновременно в начале 1932 г. началась реорганизация заготовительных органов. Созданный в октябре 1928 г. самостоятельный орган управления сельскохозяйственной кооперацией БССР – Белколхозсоюз (с января 1930 г. Белколхозцентр) был ликвидирован, а его функции по контрактации и заготовкам сельскохозяйственных продуктов передавались республиканским отделам всесоюзных государственных объединений «Заготзерно», «Заготскот», «Союзмолоко», «Заготлен», «Союзшерсть». Общее руководство всеми заготовками возлагалось на организованный при СТО СССР Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов.

В непосредственное ведение Комзага входила организация заготовок хлеба, масло-семян, льноволокна, пеньки. Соответственно в его подчинении находились всесоюзные объединения «Заготзерно» и «Заготлен». Заготовки мяса, картофеля, свеклы, табака и махорки осуществлялись в системе Наркомата снабжения; молока, животного масла, яиц и плодоовощной продукции – Наркомата снабжения и Центросоюза; шерсти – Наркомата легкой промышленности.

Перечень сельхозпродуктов, подлежащих обязательным поставкам, постепенно расширялся, в него были добавлены лен, конопля, табак и махорка [2, с. 130].

После введения в СССР обязательных поставок сельскохозяйственной продукции потребительская кооперация по заданиям государства участвовала и в централизованных заготовках, и в закупке зерна.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. на основе закона от 19 января 1933 г.» прекращалась колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом, а также закупка зерна Закупхлебом с 1 августа 1933 г. по республикам, в том числе и по БССР [3].

Всесоюзное объединение «Закупхлеб» было создано при СТО для проведения закупок хлеба от имени государства, но не имело собственной заготовительной сети. Оно действовало через контрагентов, которыми являлись «Заготзерно» и «Центросоюз». В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 августа 1933 г. «Закупхлеб» ликвидировался, а проведение закупок было полностью возложено на потребкооперацию [4]. Закупать зерно ей позволялось в колхозах и сельских советах, выполнивших

государственный план хлебозаготовок и закончивших закупку семенных фондов. Закупочные цены на 20–25 % превышали цены, по которым оплачивались хлебозаготовки, но на порядок уступали ценам рынка [2, с. 111–112].

До 1940 г. объем сельскохозяйственных поставок определялся в зависимости от плана сева сельскохозяйственных культур. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г. была введена система исчисления обязательных поставок с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом [5, с. 745–749].

В 1940-е гг. была возобновлена контрактация как вид заготовок: заключение договоров непосредственно с самими колхозниками. Прежде всего, это имело отношение к приобретению у них крупного скота [6, с. 291].

Ускорить восстановление разоренной войной экономики могли меры, способствующие вовлечению крестьянских хозяйств в рыночный оборот через потребительскую кооперацию. Если положение с госпоставками жестко регламентировалось государством, в их проведении у потребкооперации была вспомогательная роль, то ее закупочная деятельность привлекала на рынок часть сельхозпродукции, остававшейся вне распоряжения государства. И все возрастающие объемы децентрализованных закупок потребкооперации БССР, приведенные в таблице 1, отображают увеличение значимости ее заготовок и закупок.

Таблица 1. – Децентрализованные закупки в потребительской кооперации БССР [7, л. 179].

	01.01.1941 г.	01.01.1945 г.	01.01.1946 г.	01.01.1947 г.
Сумма децентрализованных закупок в млн руб.	275,7	50,0	156,3	532,6
Удельный вес в ее розничном товарообороте в процентах	15,3	4,9	9,6	18,9

Потребительская кооперация имела собственную торговую сеть, предприятия по переработке сельхозпродукции, вела заготовки и децентрализованные закупки. Так, Полесский облпотребсоюз, объединявший на 1 января 1945 г. 81 сельпо, насчитывал 39 тысяч 100 пайщиков. Его розничная торговая сеть состояла из 304 магазинов, лавок и ларьков, а торговый оборот за 1944 г. составил 37 223 тыс. руб. Имелось также 11 предприятий общественного питания с оборотом в 1944 г. 1959 тыс. руб. Из децентрализованных источников поступило товаров на 236 тыс. руб., в том числе от 11 собственных хлебопекарен и 9 предприятий. Облпотребсоюзом было заготовлено в 1944 г. сельскохозяйственных продуктов на 1375 тыс. руб. [8, л. 171].

Многоотраслевое хозяйство позволяло потребительской кооперации маневрировать средствами и увеличивать свое значение в торговле-заготовительной деятельности.

Стремясь преодолеть сложности продовольственного снабжения городов, вызванные, в том числе и неурожаем 1946 г., Совет Министров СССР принял постановление, в котором дал право потребкооперации на закупки важнейших видов продовольствия у колхозов и крестьян, выполнивших в срок свои обязательства по государственным поставкам по ценам, складывающимся на рынке в местах закупок; до 25 % заготовленных продуктов она должна была сдавать союзному Министерству торговли, остальную часть продавать в городах и поселках, на станциях железных дорог и на пристанях.

Конкретный план мероприятий по развертыванию кооперативной торговли в городах БССР и увеличению производства продовольствия был намечен в постановлении Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б от 14 декабря 1946 г. [9, с. 13–19].

Потребкооперация республики проделала большую работу по развитию материально-технической базы в послевоенные годы. На 1 января 1946 г. было восстановлено 148 овощехранилищ емкостью 12 720 тонн, 287 прочих заготовительных складов, площадью 26 870 м. кв. В основном это были не специально построенные хранилища, а приспособленные помещения. Поэтому к 1950 г. их количество не возросло, и насчитывалось 126, емкостью 13 427 тонн. Прочих заготовительных складов стало 344, площадью 41 995 м кв. За 1946–1950 гг. на строительство новых хранилищ и складов было израсходовано 8222 тыс. руб. [10, л. 18, 19].

В 1947 г. в систему обязательных поставок зерновых культур были внесены изменения, имевшие целью увеличение объемов хлебосдачи. Отныне погектарные нормы сдачи устанавливались не для районов в целом, а для групп колхозов внутри районов, что позволило увеличить обложение в более урожайных хозяйствах. Районным и областным органам власти разрешили самостоятельно повышать задания колхозам [2, с. 139].

В следующем году посеы зерновых на приусадебных участках колхозников стали выполнять госпоставки по нормам, установленным для единоличных хозяйств данного района [2, с. 140].

В 1948 г. была возвращена авансовая контракция табака, махорки, льноволокна и пеньки, а их обязательные поставки отменены.

В таблице 2 приведены сведения, отображающие изменения видов закупок сельхозпродукции, применяемых потребительской кооперацией БССР и величину их оборотов.

Таблица 2. – Заготовки и закупки сельскохозяйственных продуктов и сырья в 1945–1950 гг. в млн руб. [10, л. 18]

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Заготовки в виде госпоставок	–	–	22,2	29,6	39,0	43,0
Закупки по госценам	30,0	39,8	–	–	–	–

Продолжение таблицы 2

Закупки по рыночным ценам по постановлению от 09.11.1946 г.	–	21,0	327,2	329,0	201,8	–
Закупки по предельно-закупочным ценам	–	–	–	–	40,4	125,9
Итого	30,0	60,8	349,4	358,6	281,2	168,9

Полесский облпотребсоюз восстанавливал материально-техническую базу в первые послевоенные годы. На 1 января 1946 г. он имел 17 общетоварных торговых складов, 7 складов для соли, 11 хлебопекарен, по одному картофелехранилищу, квасильно-засолочному и приемно-перевалочному пункту. Имелась также 1 яйцебаза, 2 сушилки, 13 скотобойных пунктов. В хозяйстве облпотребсоюза также были 4 автомашины, 20 лошадей, 1 гараж. Имелись также одни авторемонтные мастерские, две конюшни, одно судно и склад для горючего. Было очевидным, что данной материально-технической базы недостаточно и правлением была разработана программа ее развития на 1947–1948 гг. [11, л. 199–203]. Выполнению доведенных Белкоопсоюзом заданий по закупкам и переработке сырья способствовало наличие на территории области собственности Белкоопсоюза – Калинковичского грибоконсервного завода.

Динамика объемов заготовок и закупок отражена в таблице 3.

Таблица 3. Виды сельхозпродукции, заготавливаемые и закупаемые потребительской кооперацией БССР в 1940–1950 гг. [10, л. 20].

Основные виды заготовок	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Картофель, госпоставки тыс. тонн	176,2	107,8	140,8	118,6	88,6	104,4
Картофель, закупки тыс. тонн	–	0,2	7,3	11,8	9,5	1,7
Овощи, госпоставки тыс. тонн	14,5	3,3	8,4	3,7	4,2	4,6
Овощи, закупка тыс. тонн	–	2,9	10,0	7,3	3,7	2,5
Плоды, семечковые тонн, контрактация	1359	–	113,6	86,7	148,8	707,6
Плоды, семечковые тонн, закупка	–	421	2776	3943	10 808	12 297
Яйцо в ящиках, поставка	–	5983	8093	13 088	19 880	29 523
Яйцо в ящиках, закупка	40 100	20 352	18 523	16 452	17 405	7312

Продолжение таблицы 3

Масло животное, тонн, закупка	–	–	63	632	343	–
Жиры, тонн, закупка	–	–	152	918	655	463
Молока, закупка	–	–	490	822	955	1779
Мясо, закупка	3640	–	5848	11 787	8752	10 572
Птица домашняя	–	29	23	50	154	108
Рыба, тонн, закупка	–	–	120	167	156	85
Клюква, тонн, закупка	–	–	2324	3715	6638	2288
Ягоды свежие	–	–	463	660	2269	189
Грибы сухие белые, тонн	449	225	201	150	63	308
Грибы солено-маринованные	3058	803	1294	462	183	1036
Мед пчелиный, тонн	–	0,6	93	318	283	102

Самых больших оборотов заготовительная деятельность потребительской кооперации достигла в 1948 г.

Изменения в отношении к кооперативной форме хозяйствования, происходившие с конца 1940-х гг., коснулись и закупочной деятельности потребительской кооперации. Постановлением Совета Министров СССР от 8 августа 1949 г. отменялось право потребкооперации закупать продукты по рыночным ценам. Вместо этого была введена закупка по предельно-закупочным ценам, регулируемым государством, значительно более низким, чем рыночные.

Такой курс привел к резкому сокращению объема закупок сельскохозяйственных продуктов. Так, в 1948 г. закупки у населения и колхозов были произведены на сумму 325,9 млн руб., а в 1950 г. – 125,9 млн руб. Если в 1948 г. картофеля было закуплено 11,8 тыс. тонн, то в 1950 г. – 7 тыс. тонн, мяса соответственно 11,8 и 10,6 тыс. тонн, овощей 7,3 и 2,5 тыс. тонн. Сократились также закупки яиц, жиров, рыбы, клюквы и других продуктов питания [10, л. 20].

Из-за отсутствия материальной заинтересованности все меньшее количество сельпо участвовало в закупках, становилось очевидной необходимость реформирования отношений между производителями сельскохозяйственной продукции и государством.

Список использованных источников

1. Рогозин, Г. Государственные заготовки / Г. Рогозин // Сельскохозяйственная энцикл. – 4-е изд. – М., 1971. – Т. 2. – С. 74–79.

2. Ильиных, В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. / В. А. Ильиных. – Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. – 167 с.

3. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). – 1933. – № 38. – Ст. 228.

4. СЗ СССР. – 1933. – № 50. – Ст. 246.

5. Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов : постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР, 7 апр. 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М. : Политиздат, 1967. – Т. 2. – С. 745–749.

6. Шалак, А. В. Система обязательных поставок и проблема стимулирования колхозного труда в 1940-е гг. / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. Байкальский гос. ун-т. – 2014. – Т. 15, № 2. – С. 285–308.

7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 44. Д. 59.

8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 332. Оп. 5. Д. 245.

9. О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями. Постановление СМ и ЦК КП(б)Б. – Минск, 1946. – С. 13–19.

10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 332. Оп. 5. Д. 255а.

11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 332. Оп. 5. Д. 18.

МГТУ ИМ. И. П. ШАЛАКА

Раздел 2

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

ДЫЯЛОГ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ З РЭЛІГІЙНЫМІ АРГАНІЗАЦЫЯМІ Ў СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

В. А. Адзіночанка
ГДУ імя Ф. Скарыны (Гомель)

Актуальнасць разумення таго, што такое дыялог, і засваення яго механізмаў абумоўлена пераходам ад савецкага грамадства, у якім была дзяржаўная ідэалогія, што прэтэндавала на выраз адзіна правільнага пункту гледжання, да грамадства, якое прадугледжвае магчымасць наяўнасці дыяметральна супрацьлеглых поглядаў, і ў ходзе развіцця якога плюралізм меркаванняў паступова становіцца не толькі нормай, але і патрабаваннем.

Варта ўсведамляць, што для нас праблема наладжвання міжрэлігійнага дыялогу з'яўляецца новай. Яе не існавала ў савецкім грамадстве, паколькі яно жорстка кантралявалася дзяржавай, цэментуючую ролю ў якой выконвала Камуністычная партыя. Згодна з афіцыйным пунктам гледжання, рэлігія лічылася не проста “опіумам народа”, але і адзінай легальна існуючай формай камуністычнай ідэалогіі, пераследаваліся ўсе рэлігійныя напрамкі, і таму для іх актуальным было не наладжванне дыялогу, але захаванне сябе ў неспрыяльных умовах.

З пункту гледжання механізму яго ажыццяўлення, дыялог – гэта ўзаемадзеянне паміж людзьмі, якое мае на мэце ўзаемную канфрантацыю і ўзгадненне поглядаў, якое накіравана на сумесны пошук вырашэння праблемы. Яго неабходнай умовай з'яўляецца ўзаемнае прызнанне годнасці бакоў і іх права на іншую пазіцыю. Пры гэтым, у ходзе дыялогу адбываецца выпрацоўка бачання праблемы, якое з'яўляецца прымальным для ўсіх яго ўдзельнікаў.

Дыялог рэлігійных арганізацый з дзяржавай мае, на наш погляд, найменш праблемны характар. Беларускія ўлады ясна і паслядоўна выказваюць сваё імкненне да яго. У якасці прыкладу прывядзем словы былога Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцяў Л. П. Гулякі: «У цяперашні час рэспубліканскія і мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання вядуць канструктыўны і шматпланавы дыялог з рэлігійнымі арганізацыямі, аказваюць магчымую дапамогу ў вырашэнні іх праблем, забяспечваюць канстытуцыйныя правы грамадзян на свабоду сумлення і веравызнання, умацоўваюць этнаканфесійны мір і стабільнасць у гра-

мадстве. У нас у краіне няма канфліктаў на рэлігійнай глебе; узаемаадносіны дзяржавы і рэлігійных канфесій будуцца на прававой аснове і нацэлены на падтрыманне грамадзянскай згоды» [1, с. 15–16].

Асаблівасцю беларускай Канстытуцыі з’яўляецца тое, што ў ёй адсутнічае прынцып аддзялення царквы ад дзяржавы, і гэта ў нейкай меры таксама можна разглядаць як паказчык дыялогу, паколькі рэлігія прызнаецца часткай публічнай сферы. Дзяржава ставіць на мэце наладжванне ўзаемадзеяння з рэлігійнымі арганізацыямі ў залежнасці ад іх ролі ў фарміраванні беларускай культурнай і дзяржаўнай традыцыі.

Пра гэта гаворыцца ў Прэамбуле закона «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях». Гэты Закон вызначае прававыя асновы стварэння і дзейнасці рэлігійных арганізацый, зыходзячы з: права кожнага на свабоду сумлення і свабоду веравызнання, а таксама на роўнасць перад законам незалежна ад стаўлення да рэлігіі; роўнасці рэлігій перад законам; прызнання вызначальнай ролі Праваслаўнай царквы ў гістарычным станаўленні і развіцці духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа; духоўнай, культурнай і гістарычнай ролі Каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі; неаддзельнасці ад агульнай гісторыі народа Беларусі Евангелісцка-лютэранскай царквы, іўдаізму і ісламу; неабходнасці садзейнічання дасягненню ўзаемага разумення, цяпімасці і павагі рэлігійных пачуццяў грамадзян у пытаннях свабоды сумлення і веравызнання» [2].

Культура з’яўляецца адной са сфер супрацоўніцтва беларускай дзяржавы і рэлігійных арганізацый, перш за ўсё, Беларускай праваслаўнай царквы. 2016 год быў абвешчаны ў Беларусі годам культуры. У гэтай сувязі Беларуская праваслаўная царква і Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь падпісалі Комплексны план мерапрыемстваў, які ўключаў шэсцьдзсят два сумесных творчых мерапрыемствы, сярод якіх Міжнародны фестываль праваслаўных песнапенняў «Каложскі Благавест» (г. Гродна), Чытанні «Мой род – мой народ» (г. Барысаў), XIII гарадскі Велікодны фестываль (г. Гомель), Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні (г. Мінск), мерапрыемствы, прымеркаваныя да Дня беларускага пісьменства (г. Рагачоў, Гомельская вобласць), мерапрыемствы ва ўстановах культуры, якія раскрываюць ролю праваслаўя ў станаўленні, развіцці і зберажэнні духоўных асноў беларускага народа і іншых народаў усходнеславянскай цывілізацыі, мерапрыемствы, накіраваныя на фарміраванне культуры здаровага ладу жыцця, павышэнне культуры шлюбна-сямейных адносін.

Адным з кірункаў палітыкі сучаснай беларускай дзяржавы з’яўляецца захаванне нацыянальнай культурнай традыцыі. У яго рамках аказваецца дапамога рэлігійным арганізацыям у аднаўленні і рэстаўрацыі культавых будынкаў, якія з’яўляюцца гісторыка-культурнымі каштоўнасцямі Рэспублікі Беларусь. Выдзелены сродкі на аднаўленне Жыровіцкага Свята-

Успенскага манастырскага комплексу, Успенскага манастыра ў вёсцы Пустынка Мсціслаўскага раёна, Свята-Пакроўскага жаночага манастыра ў Талачыне, касцёла Божага Цела ў Нясвіжы і інш.

Дзяржавай ажыццяўляецца арганізацыйная падтрымка правядзення Міжнароднай навукова-асветніцкай экспедыцыі «Дарога да святыняў», Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, Міжнароднага фестывалю духоўнай музыкі «Магутны Божа». Распрацоўваюцца маршруты пілігрымак да праваслаўных і каталіцкіх святынь у Рэспубліцы Беларусь. Пры падтрымцы дзяржавы рэлігійнымі арганізацыямі арганізуюцца экскурсійна-паломніцкія паездкі ў іншыя краіны.

Важную ролю ў ажыццяўленні культурнай палітыкі беларускай дзяржавы мае ўручэнне штогадовай прэміі «За духоўнае адраджэнне», заснаванай у 1997 г. Яна рэгулярна прысуджаецца рэлігійным дзеячам, якія належаць да розных рэлігійных напрамкаў, што існуюць у сучаснай Беларусі.

У 2022 г. за вялікі асабісты ўнёсак ва ўмацаванне духоўных каштоўнасцей, самаадданую працу ў сферы асветы і царкоўнай дабрачыннасці прэмія прысуджана протаіерэю, настояцелю храма іконы Божай Маці «Усецарыца» ў г. Мінску, старшыні Сінадальнага аддзела па царкоўнай дабрачыннасці і сацыяльным служэнні Кірылу Шолкаву.

У цэлым мы можам канстатаваць, што ў сучаснай Беларусі сфарміравалася ўстойлівая практыка ўзаемадзеяння дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі ў сферы культуры. У асноўным яна накіравана на захаванне культурнай спадчыны і маральнае выхаванне.

Асабліва трэба сказаць аб узаемадзеянні сучаснай беларускай дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі ў сферы адукацыі.

Згодна з артыкулам 9 Закона «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» «нацыянальная сістэма адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь носіць свецкі характар і не мае на мэце фарміраванне тых ці іншых адносінаў да рэлігіі» [2].

Пры гэтым настойліва падкрэсліваецца, па-першае, свецкі характар адукацыі, па-другое, роўнасць усіх канфесій. Так, у Праграме супрацоўніцтва паміж Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь і Беларускай Праваслаўнай Царквой на 2020–2025 гг. запісана: «Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і Беларуская Праваслаўная Царква, названыя ў далейшым «Бакі», дамовіліся падпісаць гэтую Праграму супрацоўніцтва ў галіне выхавання дзяцей і моладзі і рэалізоўваць яе ў адпаведнасці з прынцыпамі: узаемнай павагі і неўмяшання ў справы, якія адносяцца да кампетэнцыі Бакоў; свецкага характару адукацыі; павагі правоў навучэнцаў на фарміраванне ўласнай пазіцыі ў адносінах да рэлігіі і правоў бацькоў або асоб, якія іх замяняюць, на выхаванне дзяцей у адпаведнасці з уласным стаўленнем да рэлігіі. Супрацоўніцтва органаў і ўстаноў

адукцыі з Беларускай Праваслаўнай Царквой не мае на мэце ўшчамлення правоў іншых канфесій або грамадзян і не перашкаджае ім у развіцці супрацоўніцтва з сістэмай адукцыі ў адпаведнасці з дзейным заканадаўствам» [3].

Гаворачы аб наступствах ажыццяўлення дыялогу сучаснай беларускай дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі, варта ўлічваць, што ён можа прывесці не проста да змены месца рэлігіі ў грамадстве, але да змены самога грамадства. Калі рэлігія становіцца адной са сфер грамадскага жыцця, то яна аказвае ўплыў на стан грамадства ў цэлым. Напрыклад, пры прыняцці рашэнняў маральнага характару частка людзей у той ці іншай форме будзе арыентавацца на рэлігійныя нормы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гуляко, Л. П. Приветствие / Л. П. Гуляко // Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира : материалы междунар. науч. конф., Жировичи, 14–15 мая 2015 г. / Институт философии НАН Беларуси ; науч. ред. совет: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2015. – С. 15–16.

2. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2020–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://turovobraz.by/docs/s_24/. – Дата доступа: 08.05.2022.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЦЕННОСТНОЙ ПРИРОДЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Ю. Н. Кириллов

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Ценности в гуманитарном научном знании являются конститутивным основанием как самого социогуманитарного знания, так и воплощающих его социально-гуманитарных практик. Из огромного массива знания необходимо вычленить исследовательскую проблему концептуализации ценностей как формы знания в философии ценностей или аксиологии и в ценностнополагающих гуманитарных науках или практической аксиологии.

Проблема специфики гуманитарного знания, его места в духовной культуре – одна из центральных в современной эпистемологии, осмысления предметно-методологической и парадигмальной специфики

наук о духе или наук о культуре. С науками о культуре связывается ценностно-оценивающая сторона знания, а другой стороной знания выступает научно-истинная объективность, выраженная в естественных науках в качестве идеала научности вообще. Научное познание предмета таково, что рассмотрение причинных условий стоит всегда на первом месте. Оно ограничено целями и формами рациональности, которые оно вынуждено использовать для этих целей. Ценностная же точка зрения не отрицает причинность, а как бы игнорирует её, не интересуясь самим объектом, и позволяет без логических противоречий мыслить свободу желания как беспричинность, и, следовательно, связанные с нею индивидуальность, интеллигибельный характер, ответственность субъекта знания. С этой точки зрения мы оцениваем нравственную ценность, например, хотения или убеждения, сравнивая их соответствие с нравственной нормой или идеалом, не принимая во внимание их возникновение. В свою очередь ценность норм определяет их способность выбора. Так у философов-неокантианцев возникает идея ценности как важнейшего элемента бытия. Онтология ценностей как особого бытия общезначимых (объективных, идеальных) для трансцендентального субъекта (И. Кант) должных сущностей и стала ведущей проблемой философии ценностей, названной еще раньше Р. Лотце аксиологией. Ценность не тождественна не только значению, но и цели, норме, идеалу. Ценность трансцендентна, цель же всегда субъективна, так как характеризует только субъективную деятельность человека. Роль цели в человеческой познавательной деятельности зависит от ценности, с которой она связана. Но также верно понимание ценности как имманентной субъекту познания: смысл ценности человекомерен. По сути дела, научное определение гуманитарного знания неотрывно от онтологии ценностей, что вызвало и вызывает ряд методологических затруднений эпистемологического научного статуса гуманитарных наук, актуальных по сей день.

Концептуализацию указанной проблематики осуществляли классики аксиологии М. Шелер и Н. Гартман. В русской философии классической была работа Н. А. Лосского «Ценности и бытие». Из классических идей аксиологии выделяются трансцендентальные основания и структуры отношений ценностей и познания. Следует подчеркнуть принцип иерархизации ценностей на высокие и низкие, положительные и отрицательные и априорный характер предпочтения ценностных модальностей или рядов. Вопрос о субъективной и/или объективной природе ценностей решался по «ценностной ситуации»: ценности либо в оценивающем субъекте, либо в оцениваемом объекте, либо в том и другом и, наконец, за пределами и того, и другого. Различные варианты трактовки ценностного отношения образовали субъективистскую, субъект-объективистскую и объективистскую аксио-

логии. Последняя и была детально проработана в учениях о бытии ценностей М. Шелера и Н. Гартмана. Разработка ценностных аспектов познания в классике принадлежала преимущественно Баденской школе неокантианства. Сущее составляет предмет конкретных наук, философия же должна обратиться к ценностному миру. Особая область ценностного познания, связанная с идеографическим методом, характерна для наук о культуре. Значение ценностных компонентов в научном познании также рассматривалось М. Вебером, выдвинувшим концепцию «отнесения к ценности». Ценностные установки ученого не являются субъективными, произвольными – они связаны с духом его времени и культуры. Ученый не является чистым трансцендентальным субъектом, он носитель социокультурных ценностных предпосылок знания.

Современные аксиологические учения, как правило, продолжают традиции классики. В современном гуманитарном научном знании практически во всех отраслях применяется идея ценности и категории, ее раскрывающие – цели, оценки, значения, значимости и др. Из философских аксиологических учений само понятие ценности выходит полисемантическим и как бы «растворяется» во множестве социально-гуманитарных наук и практик, становясь содержательным феноменом всей современной социокультурной среды. В аксиологии даже вводится термин аксиосферы как духовного основания культуры. Одновременно появляются методологические проблемы изучения аксиосферы, сфокусированные в разработке и реализации в социогуманитарном знании ценностного подхода. Возникает ситуация нового осмысления и полагания ценностей и прежде всего в сфере нравственных идеалов и идей. Идея ценности как бы получила экспансионистский характер, что только усиливает ее вездесущность и вызывает оправданную критику ее чрезмерной релятивизации вплоть до постмодернистских манифестаций полной невозможности и неопределенности ценностей.

Но постмодернистские версии в постклассической аксиологии, к счастью, указывают на возможные действительно плодотворные направления развития ценностного подхода в современном гуманитарном знании. С одной стороны, это точки роста в актуальных аксиологических теоретических подходах, с другой – концептуализация ценностей в прикладных отраслях аксиологии.

Важнейшей методологической проблемой современной аксиологии является вопрос о природе ценностей. Наиболее широко представлено субъектно-объектное понимание ценностей. Этот подход, тем не менее, содержит круг в самом определении, суживает сферу функционирования и бытия ценностей. Ценности трактуются как значения или значимости объектов для субъектов, но сами эти значения/значимости задаются ценностями. Своеобразное логическое уточнение подобного понятия

ценности предложил А. А. Ивин, который, сравнивая ценность и истину, отметил, что ценность, как и истина, является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью. Утверждение и его объект могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: истинностном и ценностном. В случае первого отправным пунктом сопоставления является объект, утверждение выступает как его описание и характеризуется в терминах истинностных понятий. В случае ценностного отношения исходным является утверждение, функционирующее как оценка, стандарт, план. Соответствие ему объекта характеризуется в оценочных понятиях [1, с. 97–98].

Неоаксиологическое понимание ценности как отношения предполагает ценностно-смысловое познание бытия. Онтология гуманитарного знания формируется сквозь призму экзистенциального диалога познающего субъекта по отношению к другим людям и предметным реалиям мира. Человек получает «свой мир», используя рычаг «одухотворения», «одушевления» бездуховного в событиях с другими. Тем самым предметный мир обретает ценностно-смысловое наполнение. Такого рода смыслопорождение знаменует переход вещи в «антропный» универсум [2, с. 31]. Универсализации производимых человеком смыслов в коммуникативном диалоге с другими людьми предстает ценностным достоянием intersubjectively значимого мира культуры. Здесь следует подчеркнуть характеристики универсальности и intersubjectivity ценностей, выходящих за пределы коммуникативного опыта человека на более высокий уровень общезначимого и объективного знания. Это показывает статус объективной научности гуманитарного знания.

Другой точкой роста в современном социально-гуманитарном знании выступает методологический подход трансцендентального реализма [3, с. 155, 159]. Этот подход дает возможность понять природу ценностей, не редуцируя их ни к человеку, ни к объектам. Данный подход в начале XXI в. предстал в разных концепциях о сущности ценностей, что вполне естественно для науки, полагающей объективность ценностей гарантией научности гуманитарного знания. Объективность может быть понята как общезначимость или intersubjectivity ценностей, как определённая автономность, трансцендентность. Мир с этой точки зрения «приобретает» специфическую объективную ценностную идеальность. При этом подходе к ценностям, становится возможным исследовать те свойства ценностей, которые остаются неуловимыми при иной точке зрения. На методологическом обновлении современного гуманитарного знания в плане переосмысления классического трансцендентализма и априоризма аргументированно настаивает Л. А. Микешина, указывая на «высокий потенциал трансцендентальных форм, создающих достаточное эпистемологическое основание для... знания необходимого, объективно истинного – в целом отвечающего критериям научности» [4, с. 317].

В условиях современной формы постклассической научной рациональности методологические трудности синтеза неоксидологического и трансцендентального подходов в анализе ценностной природы гуманитарного знания могут быть сняты.

Из прикладных практических аксиологий идею ценности в современном гуманитарном знании можно отследить по ценностному подходу в педагогической науке. Конечно, это несколько не отменяет эпистемологическую значимость других ценностнополагающих наук, прежде всего, этики и эстетики. О «прикладной» аксиологии говорят в связи с аксиологическими обоснованиями этики. В философии науки также сегодня все большее значение придается ценностному аспекту научного познания.

В философии образования формируются концепции социокультурного подхода, обосновывающие развитие педагогической аксиологии. Речь идет о духовных ценностях общества в развитии личности как субъекта культуры, факторах и условиях становления ценностно-нормативной основы сознания обучающихся. Представляется, что ценностный социокультурный подход к образованию восстанавливает классический принцип культуросообразности образования. Ценности обеспечивают целостность общества и системы образования в качестве меры порядка и общности целей. Социокультурная образовательная аксиология эвристична, она развивается через углубление личностной направленности ценностного сознания – ценностные ориентации обучающихся. Это направление наиболее востребовано в силу своей технологичности при использовании в образовательном процессе. Ценностные ориентации являются механизмом иерархизации и субординации ценностей, что определяется социокультурными предпосылками. Переход к ценностно-смысловой парадигме является одной из отличительных особенностей постнеклассической педагогической аксиологии. Она рассматривает образовательные ценности в контексте признания человека высшей ценностью и осуществляет ценностный подход к образованию на основе признания ценности самого образования как важного социального института.

Одним из новейших направлений развития ценностной парадигмы образования можно назвать подход, продвигающий субъектно-объектный культурный смысл образования в условиях глобальных цивилизационных турбуленций ценностей, могущих менять свой смысл и трансформироваться, увлекая за собой изменения культуры образования.

Список использованных источников

1. Ивин, А. А. Классическое и неклассическое определения понятия ценностей / А. А. Ивин, И. П. Никитин // Национальная философия в глобальном мире :

материалы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 окт. 2017 г. : докл. / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2018. – С. 95–98.

2. Ильин, В. В. Философия гуманитарного знания. *Studia humaniora*. Гуманитаристика : учеб. / В. В. Ильин. – М. : Проспект, 2019. – 256 с.

3. Матвеев, П. Е. Аксиология : учеб. пособие : в 2 ч. / П. Е. Матвеев. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – Ч. 1 : История аксиологии. – 176 с.

4. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ НАРАТЫВЫ БЕЛАРУСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ ХІХ СТ.⁴

П. Р. Кошман

МДПУ імя І. П. Шамякіна (Мазыр)

Станаўленне вобраза Беларусі і нападзенне яго агульным каштоўнасным зместам, значымым для мадэліравання нацыянальнай ідэнтычнасці, характарызуе адно з найважнейшых дасягненняў беларускай літаратуры ХІХ ст. У творах гэтага перыяду выявіўся працэс канцэптуалізацыі ідэі беларускай адметнасці, звязаны з эвалюцыяй яе ўспрымання ад лакальнага да нацыянальнага маштабаў. Гэтае ўзбуйненне сэнсу адбывалася за кошт узаемадзеяння традыцый успрымання асобных рэгіёнаў, абагульнення ўяўлення аб іх у цэласным вобразе беларускага краю.

Наяўнасць вобраза агульнай радзімы, згодна тэорыі нацыі, адносіцца да ліку абавязковых элементаў нацыянальнай ідэнтычнасці, паколькі дазваляе чалавеку адчуць далучанасць да прасторы, маштабы якой выходзяць за межы яго паўсядзённага існавання. У беларускім выпадку прыклад такога шырокага бачання сваёй прасторы і, адпаведна, канструявання на ім нацыянальнай ідэнтычнасці ілюструе прадмова да паэтычнага зборніка «Дудка беларуская», аўтар якой Ф. Багушэвіч, увасобіўшыся ў вобраз селяніна Мацея Бурачка, палічыў неабходным патлумачыць межы свайго краю. Пры гэтым зварот да чытача, прысутнасць у ім пытанняў і адказаў сведчаць, што на той час не ўсе беларусы, да якіх звяртаўся аўтар, усведамлялі межы сваёй вялікай Радзімы пад назвай Беларусь: «Можа, хто спытае: гдзе цяпер Беларусь? Там, братцы, яна, гдзе наша мова жывець: яна ад Вільні да Мазыра, ад Вітэбска за малым не да Чарнігава, гдзе Гродна, Міньск, Магілёў, Вільня

⁴ Стат'я падготовлена пры фінансавой падтрымцы МО РБ па догавору № 1410/2021 от 22.03.2021.

і шмат мястэчкаў і вёсак...» [1, с. 22]. Безумоўна, што для многіх адрасатаў дадзенага тэксту прадстаўленне сваёй уласнай краіны ў такіх геаграфічных, а затым і гістарычных маштабах было па-сапраўднаму адкрыццём. Адсюль і такі тлумачальна-пераканаўчы тон звароту да іх ад імя Мацея Бурачка, такога ж самага селяніна, які пражывае ў ваколіцах Вільні, але які ўжо ўсвядоміў сваё дачыненне да ўсяго народа, якога «не жменька, а з шэсць мільёнаў» [1, с. 21].

Шырокае бачанне Беларусі, той цэласны яе вобраз, які прадставіў Ф. Багушэвіч, з'яўляецца вынікам не толькі палітычных і эканамічных працэсаў, але і творчых. Шлях літаратурнай традыцыі да ўсведамлення радзімы, якое сягала за межы паўсядзённага вопыту, пралягаў праз асэнсаванне рэгіянальных вобразаў, тых тэрыторый, якія мелі свае абрысы, але перш за ўсё адметны гістарычны, прыродны і этнакультурны воблік. Гістарычныя карты выяўляюць на тэрыторыі пражывання беларускага этнасу прысутнасць трох значных рэгіёнаў: Літвы, Беларусі і Палесся. Заканамерна, што разам з картаграфаваннем, візуалізацыяй дадзеных рэгіёнаў існавала і традыцыя напаянення іх вобразаў тым адметным зместам, які б даказваў правамоцнасць існавання такога рэгіянальнага адасаблення. Адпаведна ў адносінах да названых рэгіёнаў можна казаць аб наяўнасці наратыву – сістэмы аповедаў, якія тлумачаць сэнс вылучэння дадзенай прасторы, працуюць на яе рэпрэзентацыю. Дадзеная напаяняльнасць рэгіянальных традыцый не заставалася па-за ўвагай літаратараў XIX ст. Так, польскі крытык М. Грабоўскі ў 1847 г. адзначаў, што «... вельмі агульным з'яўляецца наданне тутэйшаму асяродку літаратуры і яе зместу катэгорыі літаратуры занёманскай, як прывыклі дзе-нідзе выказвацца. Тутэйшыя краіны складаюцца з трох асобных Намесніцтваў: Літоўскага, Беларускага і таго, які ахоплівае Валынь, Падолле, Украіну... Гэтыя правінцыі – вялікія краі і, несумненна, у сюжэце іх паўсядзённага жыцця ёсць шмат адрозненняў» [2, с. 104–105].

Рэгіянальныя наратывы не былі ізаляваны адзін ад аднаго, больш за тое, іх, развіццё прадугледжвала магчымасць абaperціся на параўнанне з іншым і, перш за ўсё, са сваім суседам. Так, значным элементам у канструяванні вобраза Літвы было вылучэнне яе асаблівых гістарычных адносін з Польшчай, а літаратары Беларусі ў сваю чаргу арыентаваліся ўжо на Літву, сцвярджаючы сваё сваяцтва і пераймаючы элементы вобраза заходняга суседа на сябе.

Такія ж погляды, як у беларускім рэгіянальным наратыве, вылучэнне ідэі сяброўства з суседзямі і супраціву агульным ворагам дэманстравалі і прадстаўнікі з творчага асяродку Палесся. У вершы Ф. Савіча «Там блізка Піньска...» галоўны герой паляшук Мікіта заклікаў сваіх суседаў з Валыні і Літвы да яднання ў барацьбе з нацыянальным і сацыяльным уціскам: «Царам на згубу – панам для науки» [3, с. 130].

У сваю чаргу мазырскі паэт С. Неслухоўскі ў паэме «Прыпяіда» паэтызаваў старонкі гераічнага сумеснага змагання сваіх землякоў і ліцвінаў супраць татар.

Аднак у літаратуры XIX ст. можна налічыць усяго некалькі аўтараў, якія, выяўляючы вобраз Палесся, атаясамлівалі сябе з гэтым краем. У асноўным палескі рэгіянальны наратыў фарміраваўся за кошт знешняга асэнсавання, што адбівалася на яго ідэйна-эстэтычным змесце. Письменнікі, што належалі да суседніх рэгіёнаў, пры ўспрыманні палескай рэчаіснасці рабілі акцэнт на яе асаблівасцях, на тых адзнаках мясцовасці, якія адрознівалі яе ад іншых. Найбольш запатрабаванымі для выяўлення адметнасці Палесся сталі тэмы прыроды, матэрыяльнага і духоўнага быту палешукоў. Усё гэта пазначалася рысамі экзатыкі, якая была важнай не толькі для выяўлення рэалій палескага краю, але і для ўсведамлення айчыннай літаратуры сваёй самастойнасці. Для творцаў ліцвінскага і беларускага наратываў судакрананне з прыродай і культурай палескага краю стварала сітуацыю пазнання таго іншага свету, якое актуалізавала пытанне ўласнай адметнасці. Расказваючы пра адметнасць такога блізкага і па сутнасці свайго краю, творы палескай тэматыкі Ю. Крашэўскага, У. Сыракомлі, В. Дуніна-Марцінкевіча, Я. Лучыны дзяліліся з чытачом адкрыццём таго, наколькі разнастайная іх краіна, паступова ўзбагачалі гэтай палескай унікальнасцю вобраз радзімы.

Рэгіянальныя традыцыі ўплывалі на змест мастацкіх твораў, шмат у чым вызначалі той пункт гледжання, з якога аўтары і іх героі ацэньвалі гістарычныя падзеі, культурныя з'явы, успрымалі навакольны свет. Пры гэтым воблік рэгіёнаў нярэдка арганічна суадносіўся з той агульнай культурнай асновай, якой на той час з'яўлялася польскамоўная культура і рэчпаспалітаўскі патрыятызм. Да прыкладу, А. Міцкевіч, прадстаўляючы ў паэме «Пан Тадэвуш» сваю вялікую радзіму Рэч Паспалітую, зрабіў акцэнт на каштоўнасці кожнага яго рэгіянальнага элемента, а ў баладзе «Тры Будрыса» дэклараваў сяброўства ліцвінаў і палякаў, якія ў мінулым неаднаразова ваявалі, але цяпер цалкам зрадніліся.

Разам з тым, рэгіянальныя наратывы не былі застылымі з'явамі, актыўна развіваліся, рэагуючы на гісторыка-культурныя змены і выяўляючы асабістыя погляды аўтараў. У прыватнасці вобраз Літвы, які на пачатку XIX ст. цесна атаясамліваўся са шляхецкай культурай, паступова напаяўся актуальнай сацыяльнай праблематыкай. Вершы «Вольнасць сялян у Польшчы» А. Гарэцкага, «Вызваленне сялян» У. Сыракомлі расказваюць пра Літву як краіну, сяляне якой пакутуюць ад жорсткага прыгоннага права. У аўтараў гэтых вершаў антыгуманная сутнасць прыгону выклікала рэзкае непрымання, якое ў цэлым пераносілася і на вобраз радзімы.

Беларускі рэгіянальны наратыў сваім з'яўленнем абавязаны аўтарам з тпаўночна-ўсходняй часткі тэрыторыі беларускага этнасу. Пра значнасць для мясцовых пісьменнікаў беларускай ідэнтычнасці сведчыць шэраг фактаў. У 1837 г. у Пецярбургу ўраджэнцамі тагачаснага Дрысенскага павета быў выдадзены трохтомны зборнік з красамоўнай назвай «Вершаваныя творы трох братоў, Валяр'яна, Клеменса, Юльяна Грымалоўскіх, беларусаў». З 1842 па 1849 гг. дзякуючы ініцыятыве творчай эліты Віцебскай губерні было арганізавана выданне альманаха «Rubon», ініцыятары якога ўсклалі на сябе місію па развіцці культуры ў «наддзвінскай краіне». Указанне на беларускае паходжанне мела таксама на сваім тытуле знакавыя для гісторыі айчынай літаратуры тэксты: аповесць «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апапавяданнях» Я. Баршчэўскага і першы аглядавы артыкул па беларускай літаратуры Р. Падбярэскага «Беларусь і Ян Баршчэўскі». Відавочна, што інтэнсіўнасць прэзентацыі беларускай тэмы з'яўляецца адпостраваннем упэўненасці аўтараў у каштоўнасці вобраза Беларусі. Менавіта ёй узносіць хвалебныя спевы лірычны герой паэмы «Ваколцы Віцебска» Т. Лады-Заблоцкага, пераймаючы для краю сваёй маладосці тыя настальгічныя матывы, у якіх крыху раней узнаўляўся вобраз Літвы ў «Пане Тадэвушы» А. Міцкевіча. Гэтае пачуццё абавязку перад радзімай, жаданне падкрэсліць сваю адметнасць пра выяўленне ўнікальнасці роднай зямлі матывуе аўтара распавядаць пра гераічнае мінулае беларускага краю, якое ні ў чым не ўступае суседзям:

Тут беларусін у часы найстарыя

Не раз адбіваў войскаў зграі чужыя.

За край свой спрадвечны, устаўшы сцяною,

Ён біўся адважна тут з Руссю, з Літвою [4, с. 924].

Творчасць Т. Лады-Заблоцкага, ураджэнца Віцебшчыны, сведчыць пра яго беларускую ідэнтычнасць, якая, безумоўна, яшчэ не мела нацыянальнай асновы, але выяўлялася ў асаблівым стаўленні да роднай правінцыі. Т. Лада-Заблоцкі ўводзіць у мастацкую прастору сваіх твораў шэраг знакавых вобразаў беларускай зямлі (рэкі Дзвіна, Віцьба, горад Віцебск), выкарыстоўвае іх паэтычнае апісанне для ўзнёслага прадстаўлення свайго краю. Замацаванню гэтага ўражання спрыяюць аўтарскія каментарыі да паэтычных тэкстаў, дзе ўказваецца на прыналежнасць Беларусі да гісторыі ўсходніх славян і вызначаюцца перспектывы развіцця беларускай літаратуры. Паэт выказваў упэўненасць, што дзякуючы ўвазе мясцовых аўтараў да фальклорнай традыцыі «беларуская паэзія будзе мець сваю ўласціваю адзнаку і здольная будзе абудзіць такую ж цікавасць і прывабнасць, як польская ці літоўская» [5, с. 150].

Паэт меў рацыю ў ацэнцы перспектывы беларускай літаратуры. З пазіцыі сённяшняга дня відаць, што апетая ім рэгіянальная Беларусь

на працягу XIX ст. набірала моц прыцяжэння, становілася ядром нацыянальнага мастацтва слова і нацыянальнага светаўспрымання. У гэтым працэсе суседнія рэгіянальныя наратывы выконвалі ўжо дапаможную ролю. Ліцвінскі стаў тым фундаментам, на якім выбудоввалася гістарычная канструкцыя вобраза нацыянальнага свету, а палескія тэксты высвечвалі яго прыродную і культурную унікальнасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Багушэвіч, Ф. Творы / Ф. Багушэвіч ; уклад. і прадм. Я. Янушкевіча ; камент. У. Содаля, Я. Янушкевіча. – 2-е выд. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. – 206 с.
2. Мархель, У. Прадвесце: Беларуска-польскае літаратурнае ўзаемадзеянне ў першай палавіне XIX ст. / У. Мархель. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 112 с.
3. Савіч, Ф. Там блізько Піньска... / Ф. Савіч // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. ; уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – С. 129–130.
4. Лада-Заблоцкі, Т. Ваколiцы Віцебска / Т. Лада-Заблоцкі // Літаратура першай паловы XIX стагоддзя ; укладанне і каментарыі М. В. Хаўстовіча ; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2012. – С. 923–928.
5. Łada-Zabłocki, T. Zakłęta dziewica (ballada). Z podania gminnego / T. Łada-Zabłocki // Rubon. – 1847. – T. VII. – S. 143–150.

ОТРАЖЕНИЕ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ В НАЗВАНИЯХ

Л. А. Лисовский

П. Е. Ахраменко

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Припятское и Мозырское Полесье – это уникальный край не только с точки зрения его природного ландшафта, но и названий географических объектов.

«Современное Полесье для лингвиста, фольклориста, географа и этнографа является заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценнейших памятников устной, живой старины. Исключительная авторитетность и научная весомость полесских данных признавалась и признается крупнейшими славистами (К. Мошинским, М. Гавации, Э. Гаспарини и др.)», – говорил Н. И. Толстой [1, с. 17].

Следует отметить, что особенность микропонимов заключается в мотивированности порой уже стертого их наименования. Все они имеют внутреннюю форму. А. А. Станкевич отмечала, что «пад унутранай формай слова звычайна разумеюць «уяўленне аб пярвiчнай прыкмеце, пакладзенай у аснову паняцця, якое захавалася ў слове... Унутраная форма слова (вобраз

прыкмета, пакладзеныя ў аснову наймення) робяць мову больш выразнай, жывой і сакавітай. У жывых мовах унутраная форма з'яўляецца недаўгавечнай, даўжэй яна захоўваецца ў словах, якія маюць выразна выдзялімыя часткі» [2, с. 24–25].

По семантике производящих основ микротопонимы Полесья подразделяются на две группы:

- 1) микротопонимы, созданные на базе апеллятивов;
- 2) микротопонимы, созданные на базе антропонимов [3, с. 131].

В связи с тем, что Мозырское Полесье с давних времен осваивалось людьми, многие названия имеют исторический характер. Первобытный человек попал на территорию юга Беларуси более 100 тыс. лет назад. Древнейшие поселения людей (стоянки) найдены археологами на берегах рек Припять и Сож, возле деревень Юровичи (Калинковичский район) и Бердыж (Чечерский район) Гомельской области. Они существовали примерно 24–21 тыс. лет до н. э. Здесь обнаружены орудия труда из кремния, остатки очага, а также черепа и кости мамонта, использовавшиеся для строительства жилья. Важными достижениями первобытных людей были освоение огня, изобретение остроконечных режущих и колющих орудий.

После отступления последнего ледника началось потепление и славяне начали широко расселяться в Европе. Они занимали территории бассейна реки Припяти и отсюда расселялись по всей территории Беларуси и далее в северном направлении. Двигались они преимущественно по рекам.

В VI–VII вв. славяне разделились на три большие группы: западные, южные и восточные.

В VIII в. на территории нынешней Беларуси и пограничья сложились племенные объединения восточных славян: кривичи, радимичи, дреговичи. Кривичи расселились по бассейну Западной Двины, радимичи в бассейне Сожа, а дреговичи занимали территорию между Припятью и Западной Двиной.

Название *дреговичи* происходит от слова *дрыгва* – болото, среди которого они и жили; ведь в древности Припятское и Мозырское Полесье было весьма значительной по размерам заболоченной территорией. Первобытный человек селился в основном по берегам рек. Например, на Наровлянщине, где протекает река Припять, значительно больше археологических памятников, чем, например, в Ельском районе, где их насчитываются лишь единицы. Поэтому речные названия считаются наиболее древней частью топонимики [5].

Мозырское Полесье находится на юге Гомельской области, между Припятским и Гомельским Полесьем, занимая территорию Мозырского,

Лельчицкого, Ельского и Наровлянского районов. Большая часть её – это плосковолнистая вторичная водно-ледниковая равнина. В междуречье Ботывли и Чертени – плоская озерно-аллювиальная низина. На севере выделяется Мозырская конечно-моренная гряда [5].

Известные нам названия больших рек возникали первоначально в одном месте, а затем распространялись вверх или вниз по течению.

Рассмотрим наиболее известные гидрологические объекты.

Припять является правым притоком реки Днепр (в древних письменных источниках до XIX в. *Припечь*, см. карту Великого княжества Литовского, 1603 г.). Название предположительно происходит от термина «*припечь*», сохранившегося еще местами на Полесье. Его значение, как отмечают ученые, – «песчаный, не покрытый растительностью берег реки, пляж», «песчаный нанос у коренного берега»; ср. *опечек* – «небольшой песчаный нанос среди реки». *Река Словечна* протекает в Беларуси с запада на восток. Название происходит от этнонима – «славянская речка». В настоящее время многие населенные пункты, которые расположены на берегах реки, такие, как Белый Берег, Белобережская Рудня, Вяжище и другие, находятся в зоне отчуждения на территории Полесского радиационно-экологического заповедника. *Желонь* – правый приток реки Припяти в Ельском и Наровлянском районах. Название славянского происхождения: *желонь (желонка)* – «желоб». *Иппа* – левый приток реки Припять. Впадает в Припять недалеко от Мозыря. Название балтийского, а, возможно, и финского происхождения. *Уборть* – правый приток реки Припять. Протекает с территории Украины с юга на север по Лельчицкому и Петриковскому районам. Славянское название, образованное по типу ландшафтных терминов *уборок, прибор*, т. е. местность «у боров». Менее вероятно сближение со старославянским *борть* – «дупло», *уборть* – «колодка, подставка при медосборе из дупла». *Мытва* – правый приток Припяти в Мозырском, Ельском и Наровлянском районах. Наиболее вероятно балтийское происхождение. Название встречается в бассейне Немана, на территории Прибалтики. Не исключена возможность славянского происхождения от основы *мыть* [6, с. 167]. В названиях поселений Мозырского Полесья закреплены многие гидронимы.

В. А. Жучкевич разделил все названия поселений на несколько групп: 1) названия, данные поселениям по природным особенностям местности; 2) названия, отображающие социально-экономические явления; 3) названия, характеризующие особенности самого объекта; 4) названия перенесенные; 5) названия религиозного и культового значения; 6) названия мемориальные; 7) названия неясного смыслового значения [6, с. 77].

В основном на Полесье распространены названия, которые давались по наименованиям растительной природы.

Названия, данные по растительным ассоциациям, составляют большинство. К ним относятся названия со смысловым компонентом «лес» и названия по отдельным древесным породам: *Берёзовка* (Мозырский, Наровлянский и др.), *Дуброва*, *Боровичи*, *Дубровка* (Наровлянский, Лельчицкий), *Боровое*, *Ольховая*, *Вязовая*, *Дубицкое*, *Липляны* (Лельчицкий), *Вишеньки*, *Зелёный бор*, *Шишки* (Ельский), *Бук*, *Вербовичи*, *Грушевка*, *Антоновка* (Наровлянский). Названия некоторых поселений мотивируются именами травянистых растений, кустарников и грибов: *Конопелька*, *Замошье* (Лельчицкий), *Луковцы* (Ельский), *Зелёнка*, *Зелёный мох*, *Кустовница* (Мозырский).

Некоторые названия характеризуют рельеф местности: *Горная*, *Загорины*, *Нагорные* (Мозырский), *Верхи*, *Старое Высокое* (Ельский).

Множество названий связано с особенностями гидрографии или места расположения: *Криничный*, *Прудок*, *Заводной остров* (Мозырский), *Остров*, *Старый мост*, *Копанка*, *Загатье* (Ельский), *Заракитное* (Наровлянский). Фиксируются и названия, данные по особенностям природной среды: *Заболотье*, *Забродье*, *Заполье*, *Рубеж* (Лельчицкий, Мозырский), *Заширье*, *Гнойное* (Ельский). Реже встречаются названия, характеризующие почвенно-грунтовые условия местности: *Каменка*, *Камень*, *Глиница*, *Гиневичев Груд* (Мозырский), *Запесочное* (Лельчицкий).

Многие названия соотносятся с наименования животных. К их числу относятся: *Бобры*, *Бобреньята*, *Дрозды*, *Хомички* (Мозырский), *Лисное*, *Воронов* (Лельчицкий), *Бобруйки*, *Жуки*, *Зячье*, *Козлы*, *Волчье* (Ельский), *Вепры*, *Дятлик*, *Конотоп*, *Белая Сорока* (Наровлянский).

По-видимому, более поздними являются названия, отображающие социально-экономические явления по занятиям жителей Мозырского Полесья. Это названия, характеризующие занятия населения и его производственные навыки. Так, названия со словом (корнем) *буда* связаны со значением «поташный завод, смолокурный завод». В прошлом добыча смолы и поташа была характерна для жителей Мозырского Полесья; также слово *буда* означало «строение в лесу». Ср.: *Буда Головчицкая*, *Будки* (Наровлянский), *Буда-Софиевка*, *Буда-Лельчицкая* (Лельчицкий), *Зимовая Буда*, *Осовецкая Буда*, *Буда Казимировская* (Мозырский). Название *Гута* (Наровлянский район) свидетельствует о том, что когда-то в этой деревне было предприятие по выплавке стекла. Также встречаются названия со словом *млынок*: *Верхний Млынок*, *Нижний Млынок* (Мозырский), *Половковский Млынок* (Ельский), *Симонитский Млынок* (Лельчицкий) [2].

В различных местах Мозырского Полесья, как и всей Беларуси, встречаются названия со словом *Рудня*: *Рудня Михалковская*, *Рудня Каменковская*, *Рудня Скрыгаловская* (Мозырский), *Убортская Рудня*, *Руднице*, *Симоницкая Рудня*, *Рудня* (Лельчицкий), *Белобережская Рудня*, *Смоле-*

говская Рудня (Наровлянский), Велавская Рудня, Новая Рудня (Ельский). Все Рудни, как правило, довольно старые поселения. Надо полагать, что в этих селах ранее добывалась и плавилась болотная железная руда [1].

Отмечены названия, характеризующие польский национальный состав поселений: *Мазуры, Мозырь* (Мозырский), *Мазуры* (Ельский). («Мазуры» – крупная этнографическая группа поляков, населяющая часть Польши); чешский: *Чехи*; русский *Москалевка* (Наровлянский).

Многочисленные названия характеризуют относительный возраст села. Это, например, *Новая Нива, Новики* (Мозырский), *Новое Полесье* (Лельчицкий), *Слобода, Старосельце* (Мозырский), *Дворище, Хатки, Углы* (Наровлянский), *Слободка, Иванова Слобода* (Лельчицкий).

Довольно многочисленными названиями являются данные по фамилии или имени первоначальных жителей села. Это названия на *-ичи*: *Махновичи, Борисковичи, Лучежевичи, Балажевичи, Жаховичи, Костюковичи, Мелешковичи* (Мозырский), *Кузьмичи* (Ельский), *Карповичи, Дерновичи* (Наровлянский), *Картиничи, Симоничи, Стодольичи, Марковичи* (Лельчицкий); названия на *-ов/-ев, -ово/-ево, -ин/-ино*: *Барбаров, Гостов, Боков, Скригалов, Ивановщина* (Мозырский), *Тешков* (Наровлянский), *Усов, Осов, Ковыжев* (Лельчицкий); *Сколодин* (Мозырский), *Шарин* (Ельский); на *-цы*: *Головчицы, Мальцы* (Наровлянский); *Баранцы, Вязцы, Засинцы* (Ельский), *Манчицы* (Лельчицкий), *Ляховцы* (Мозырский).

Многие названия образуются по модели: имя (существительное) + суффикс *-к-*: *Васьковка, Моисеевка, Романовка, Казимировка* (Мозырский), *Осиповка, Данилеевка, Красновка, Михайловка, Романовка* (Наровлянский), *Захарки, Казимировна, Николаевка, Некрашевка, Павловка, Александровка* (Ельский) и др.

На Мозырском Полесье незначительное количество названий, указывающих на статус человека, его положение в обществе: *Королин* (Ельск), *Княжеборье* (Ельский), *Раевские, Булавки* (Мозырский).

В советское время появились названия, которые отображали преобразования, происходившие в годы советской власти: *Передовой, Прогресс, Красная Нива* (Мозырский), *Киров, Дзержинск; Роза Люксембург* (Ельский), *Дзержинск, Краснобережье, Калинино, Ударное* (Лельчицкий) и т. д.

Сам термин *Полесье* лежит в основе географического названия *Полесская низменность*, употребляется однословно или в составе общегеографического термина-словосочетания (*Брестское Полесье, Гомельское Полесье, Мозырское Полесье*).

В заключение отметим, что основными признаками, которые лежат в основе мотивации для наименований объектов в Мозырском Полесье, являются: растительный и животный мир, антропонимические наименования, занятия жителей и территориальные особенности проживания жителей.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Атлас духовной культуры Полесья – лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты / Н. И. Толстой // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры : тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25–26 верас. 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980. – 183 с.
2. Станкевіч, А. А. Да пытання аб тыпах унутранай формы гутарковага слова / А. А. Станкевіч // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры : тэз. дакл. II рэсп. навук. канф. 25–26 верас. 1980 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. – Гомель, 1980. – 183 с.
3. Иванова, А. А. Мікратапонімы-назоўнікі Мазырскага Палесься ў форме множнага ліку / А. А. Иванова // Беларуская анамастыка, 2 : зб. / рэд. В. П. Лемцюгова. – Мінск : Вышэйшая школа, 1981. – С. 131.
4. Полесье: Лингвистика. Археология. Топонимика / АН СССР. – М.: Наука, 1968. – 301 с.
5. Лісоўскі, Л. А. Прырода роднага краю: Гомельская вобласць / Л. А. Лісоўскі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мазыр : ТАА ВД “Белы вецер”, 2004. – 170 с.
6. Жучкевич, В. А. Топонимика Белоруссии / А. А. Жучкевич – Минск : Наука и техника, 1968. – 184 с.

РАБОТА В КОМАНДЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

С. Н. Новик
НИО (Минск)

Происходящие в современном обществе социально-экономические преобразования, вызванные процессами глобализации, информатизации, предъявляют личности определенные требования, которым она должна следовать для эффективного функционирования в данном обществе. Среди них отмечается быстрая ориентация личности на изменения во внешней среде, поиск, качественная переработка, интерпретация информации, мобильность, гибкость, способность адаптироваться в динамичном социуме, личностная необходимость в постоянном саморазвитии, самообразовании, готовность к сотрудничеству, коммуникации с представителями различных культур в разных сферах общественной жизни. Наряду с обозначенными требованиями конкурентоспособная на рынке труда личность, владеющая набором профессиональных компетенций, личностных качеств, необходимых для выполнения производственных задач, должна владеть умениями и навыками работы в команде для эффективного решения сложных профессиональных и общественных вопросов.

В последние годы именно команда выступает одной из ведущих форм организации совместной профессиональной деятельности людей. Это связано с тем, что в настоящее время в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе и профессиональной, активно внедряются различные проекты и проектные технологии, все большую востребованность получают специалисты, способные высокоэффективно работать в составе разных

творческих команд. Члены этих команд умеют согласовывать этапы и действия в совместной деятельности, поддерживать высокий темп работы, решать поставленные перед ними индивидуальные задачи для достижения общей командной цели через раскрытие личностного потенциала каждого из членов командного взаимодействия.

Динамично изменяющаяся социальная среда вносит коррективы в жизнедеятельность как уже сформировавшейся личности, так и оказывает воздействие на становление личности учащегося, в связи с чем возникает необходимость пересмотра подходов реализации образовательного процесса на всех ступенях системы образования. В современных условиях социум требует, с одной стороны, проявления высокой активности личности, принятия на себя ответственности за свою деятельность и поведение, а с другой стороны – отмечается неустойчивость социальных процессов, наблюдаемых во всех сферах жизнедеятельности человека, что влияет на его развитие, приводит к изменению личностных ценностей и идеалов, препятствует успешной социальной адаптации. Знания, умения, навыки, приобретенные учащимся в данный момент с целью повышения успешности функционирования его в обществе, быстро меняются, становятся неактуальными за короткое время, некоторые из них носят предметный характер. Возникает необходимость в формировании не только знаний, но и качеств личности, отношений, умений и навыков коммуникации, сотрудничества, которые бы способствовали успешной социализации учащегося, а в дальнейшем его самореализации. Эти вопросы становятся предметом дискуссии исследователей из разных стран в различных областях знания, которые говорят о необходимости формирования у учащихся навыков XXI в. или «универсальных навыков», компетенций, новых видов грамотности.

Среди универсальных навыков важно выделить навыки работы в команде. Характеристику универсальности данные навыки получили в связи с использованием в разнообразных областях жизнедеятельности личности. Овладение навыками работы в команде позволит ее членам эффективно сотрудничать, взаимодействовать в условиях изменяющегося социума.

Работа в команде предполагает принятие общих целей представителями команды, осуществление взаимодействия на основе принципа толерантности, оказание взаимопомощи, выполнение личностью учащегося взятого на себя обязательства, проявление самостоятельности и инициативности. Совместная деятельность в команде строится с опорой на индивидуальные особенности и способности каждого ее члена с ориентацией на общий результат. При этом индивидуальные достижения зависят от эффективного взаимодействия членов команды, а общий результат достигается за счет объединения их усилий и способностей, кооперации деятельности.

Овладение навыками работы в команде в нынешних условиях, как для взрослого человека, так и для учащегося в условиях учреждения общего среднего образования, становится особенно актуальным. Являясь инстру-

ментом повышения качества образовательных результатов учащихся, навыки работы в команде способствуют эффективному взаимодействию с окружающими, развитию потенциала личности. Среди них выделяются такие, как умение высказывать и аргументировать свое мнение, принимать мнение других учащихся, умение слушать и слышать, принимать критику в свой адрес, уважительно относиться к участникам своей команды и других команд, ценить вклад каждого члена команды; владеть навыком конструктивного диалога, этической критики, уметь разрешать конфликтные ситуации, владеть навыком организации, управления, координации командной деятельности, тайм-менеджментом, умением эффективно управлять ресурсами команды, нести ответственность за свою часть работы в команде и осознавать, что от личного вклада каждого зависит результат работы всего коллектива. Процесс формирования навыков работы в команде требует достаточно длительного времени, наличия мотивации, определенных знаний, создания комфортной для членов команды обстановки.

Сензитивным периодом для формирования навыков работы в команде является подростковый возраст. В это время подросток переосмысливает свои ценности, свое место в обществе, а вопрос межличностных отношений со сверстниками становится особенно актуальным, поскольку группа подростков-сверстников выступает для учащегося именно той средой, где он может раскрыть свои способности, реализовать свои потребности. Ориентиры в общении между подростками могут быть разные: один ищет признания и реализации своих лидерских качеств, другой получает необходимую информацию и развивает коммуникативные умения, третьему нужна эмоциональная поддержка и сопричастность с группой сверстников. Отмеченные аспекты в общении эффективно реализуются в работе команды, причем такая работа отличается определенной свободой, которая не всегда может быть в общении со взрослыми; критичностью к мнениям, словам и поступкам своих сверстников. Это выражается в умении видеть позицию другого человека, принимать ее или не принимать, понимать его потребности, в умении дискутировать, отстаивать свою позицию, иметь свою точку зрения, отличную от других, в умении договариваться.

Через активное взаимодействие подростка со сверстниками в условиях команды происходит освоение им норм, ценностей, принятие целей данной команды; формируются представления о себе и о других членах командного взаимодействия, вырабатываются критерии оценки своей деятельности и других членов команды; развиваются навыки рефлексии в процессе командного взаимодействия.

Опыт командных взаимоотношений оказывает значительное влияние на развитие личности подростка, чему способствует учет принципа ролевого разнообразия командного взаимодействия. В процессе совместной деятельности каждый член команды приобретает определенный статус, положение, роль в данной команде. Выполнение подростком различных ролей в команде

создает предпосылки для формирования у него организаторских способностей, предприимчивости и многих других личностных качеств, умений и навыков. Для эффективного функционирования команды и развития ее членов важны все участники и все роли, которые они активно выполняют: «творческие, коммуникативные, поведенческие группы ролей» и другие [1].

Немаловажное значение для подростка представляет возникновение чувства принадлежности его к команде, которое выражается в установлении тесных взаимоотношений со сверстниками – членами команды, предполагающих позитивные эмоциональные переживания в процессе совместной деятельности, сотрудничество, взаимопомощь, поддержку.

В настоящее время в образовательной практике учреждений общего среднего образования уделяется недостаточное внимание формированию у подростков навыков работы в команде. Сложность реализации данного процесса состоит в том, что групповая работа обучающихся используется в учреждении образования не очень часто по причине трудности ее оценивания, в некоторых случаях в виду отсутствия у педагога опыта эффективной организации данного вида взаимодействия учащихся, в отсутствии достаточной степени методического обеспечения, направленности образовательного процесса на индивидуальную форму получения предметных знаний и, в значительно меньшей степени, на формирование навыков, необходимых подросткам для самореализации, самоутверждения, построения эффективного взаимодействия не только в стенах учреждения образования, но и за пределами образовательного пространства, в будущей профессиональной и общественной деятельности, для успешной социокультурной адаптации учащегося подросткового возраста.

Таким образом, использование в образовательном процессе учреждений общего среднего образования такой формы организации образовательной деятельности учащихся, как работа в команде, предоставляет значительные возможности для формирования у учащихся подросткового возраста умений и навыков сотрудничества: понимания и принятия цели команды, активного участия в совместной деятельности, уважения индивидуальных точек зрения, признания различий, принятия критики, помощи другим участникам командного взаимодействия и другое; общения: внимательного слушания других в команде, обеспечения конструктивной обратной связи и другое; принятия решений: навыков целеполагания, планирования, координации, делегирования функций и другое; самоуправления: саморазвития, самоактуализации, самореализации и другое, что, в свою очередь, способствует развитию личностного потенциала учащегося подросткового возраста, его успешной социальной адаптации.

Список использованных источников

1. Равикович, Н. Е. Тренинг командообразования. Цели, диагностические методики, игры / Н. Е. Равикович. – М. : Генезис, 2003. – 112 с.

МОЛОДЁЖНЫЕ ШКОЛЫ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ МЕТОДИКЕ ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ

А. П. Соловьянов

**Научно-исследовательский институт теории и практики
государственного управления Академии управления
при Президенте Республики Беларусь**

Посещение школьниками и молодежью мест исторической памяти периода Великой Отечественной войны крайне важно для их патриотического воспитания. Учащиеся должны не только прочитать учебник, но и побывать на местах сражений и скорби, посетить музеи и экспозиции. Таким образом сформируется целостность представления о Второй мировой войне. Организация и проведение таких мероприятий ложится, как правило, на учителей истории. В этой связи встает вопрос об обучении и переподготовке учителей школ и преподавателей высших учебных заведений. Данная работа должна вестись еще на этапе обучения студентов в высших учебных заведениях. Преподавательский состав соответственно, также обязан владеть соответствующей методикой и знаниями. Однако на практике в учебных программах соответствующие разделы, как правило, отсутствуют, да и многие преподаватели имеют смутные представления о историко-патриотическом туризме детей и молодёжи. Дело ограничивается педагогической практикой студентов в летних «пионерских» лагерях и школах.

Образуется существенный пробел. Актуальным в этой связи стало проведение молодёжных школ для студентов, вузовских преподавателей и исследователей. На таких мероприятиях дается теоретическая и методическая база, а также практикуется посещение музеев, памятников истории и т. д. Так, благодаря инициативе Ассоциации Институтов истории стран СНГ, во главе с научным руководителем Института всеобщей истории Российской академии наук, академиком А. О. Чубарьяном регулярно проводятся школы молодых учёных-историков стран СНГ.

Подобная школа, посвященная истории Великой Отечественной войны, стала традиционно проходить и на базе Института истории НАН Беларуси. Так, с 14 по 23 июня 2010 г. в Минске состоялась летняя школа молодых ученых-историков стран СНГ по теме «Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы)». Проводилось данное мероприятие под патронажем Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. В нем приняли участие студенты, молодые преподаватели вузов стран СНГ из Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины.

В ходе работы летней школы исследователи из стран СНГ прочитали курс лекций по теме истории Великой Отечественной войны. Будущие учителя, вузовские преподаватели смогли ознакомиться с последними исследованиями, с методикой проведения и организации туристических

маршрутов. Молодые ученые познакомились с героической историей и достопримечательностями Минска, посетили мемориальный комплекс «Хатынь», Курган славы, Линию Сталина, Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» и др. Кроме того, был опубликован сборник материалов школы [1]. В дальнейшем данный опыт был успешно внедрен в учебный и воспитательный процесс и дал положительный эффект.

Поскольку школа прошла довольно удачно, было принято решение о проведении с 17 по 27 июня 2015 г. Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ «Советский Союз во Второй мировой войне: актуальные проблемы истории и исторической памяти», посвященной 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Данная Международная школа историков проводилась Институтом истории Национальной академии наук Беларуси и Институтом всеобщей истории Российской академии наук под патронажем Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. В ней приняли участие 85 участников из стран СНГ и Украины.

В процессе проведения школы на лекционных занятиях обсуждались многочисленные темы: боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны, нацистский оккупационный режим, геноцид населения СССР, антифашистская борьба на оккупированной территории, история Великой Отечественной войны в учебно-воспитательном процессе в школах, средних специальных учебных заведениях, вузах и другие. Молодые исследователи имели возможность ознакомиться с последними на тот момент научными и научно-популярными изданиями, к сожалению, часто недоступными в их вузах и библиотеках [2–4].

Участники школы посетили Музей истории Национальной академии наук Беларуси, мемориальный комплекс «Хатынь», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта «Строчицы», мемориальную экспозицию «Тростенец», Национальный исторический музей Республики Беларусь и др. Студенты и преподаватели помимо просто ознакомления с экспозицией получали навыки организаторской работы с большими группами участников туристических мероприятий.

В последующем во многом маршруты для студентов исторических и других факультетов подбирались уже исходя из опыта проведения данных школ.

Кроме того, исходя из их положительного эффекта в рамках Российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия» при поддержке Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» 7–17 октября 2018 г. прошла Международная школа молодых историков «Сожжённые деревни: Хатынь и её сёстры».

На данном мероприятии акцент делался на изучении карательных операций оккупантов против мирного населения и партизан, рассматри-

вались современные подходы к освещению истории населённых пунктов, сожжённых и уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на оккупированных территориях СССР и европейских стран в 1941–1945 гг. Также анализировались мероприятия штабов партизанского движения и партизанских формирований по защите мирного населения, деятельность районных комиссий содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Беларуси, Украины и России, а также вопросы увековечения и сохранения памяти о сожжённых деревнях в годы Великой Отечественной войны в образовательно-воспитательном процессе, литературе, искусстве, архивном деле и в музейных экспозициях. На основе лекций затем был издан сборник научных статей [5].

Поскольку все вышеперечисленные школы показали свою эффективность, было принято решение о проведении на базе Института истории НАН Беларуси в 2020 г. еще одной молодежной летней школы стран СНГ. Помимо этого, Международную школу молодых историков «Сожжённые деревни: Хатынь и её сёстры» планировалось сделать ежегодной. Однако данным планам помешала тяжёлая эпидемиологическая ситуация.

Довольно часто в ходе совместных обсуждений исследователей встает вопрос о поисковом движении как форме историко-патриотического туризма, которое распространено в Российской Федерации. Как правило, проводятся поисковые земляные работы с участием школьников и молодёжи, в ходе которых находятся останки бойцов и командиров Красной Армии. Уточняются их имена, производится поиск родственников, далее останки передаются представителям регионов России для захоронения.

В Беларуси подобные работы имеет право проводить только 52-й отдельный специализированный поисковый батальон Министерства обороны Республики Беларусь. Связано это с тем, что при выполнении земляных работ на местности нередко встречаются взрывоопасные предметы (противотанковые и противопехотные мины, гранаты, боеприпасы и др.), работать с которыми разрешается только специалистам-саперам. Кроме того, участники поисковых отрядов часто не имеют соответствующей подготовки по исследованиям, не владеют методикой проведения раскопок, не проводят подготовительной работы. Деятельность некоторых поисковых отрядов на территории Беларуси и России приводила к печальным последствиям: нарушению захоронений более раннего периода или ранению и даже гибели участников.

Нам представляется более рациональной иная деятельность для школьников и молодёжи. Так, достаточно положительным примером может служить уход за памятниками периода Великой Отечественной войны, помощь местным властям в их ремонте, уборке прилегающей территории. Значительно вырос интерес к туристическим походам по местам сражений. Некоторые школьники участвуют в конкурсах по написанию работ по исто-

рии родного края в период войны, студенты пишут рефераты. Проводится опрос местных жителей, составляются электронные и интерактивные карты. Например, в Беларуси ежегодно проводятся археологические школы для детей и молодежи, в ходе которых проводятся исследования под присмотром специалистов. Кроме того, гимназией № 174 г. Минска и Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка проводится общереспубликанский конкурс школьных работ по истории Великой Отечественной войны.

В целом, нужно отметить положительную роль проведения различных молодежных школ по получению необходимых знаний по истории Великой Отечественной войны и наработке необходимых навыков организаторской работы. Студенты, молодые преподаватели и исследователи проходят обучение в наглядной форме по проведению историко-патриотического туризма школьников и студентов. Полученные сведения они успешно внедряют в образовательный процесс вузов и школ.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы) : материалы V международной летней школы молодых историков стран СНГ, Минск 14–23 июня 2010 г. / сост.: А. А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский ; редсовет: О. А. Чубарьян [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2010. – 431 с.

2. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 495 с.

3. Крыварот, А. А. Узаемадзеянне партызанскіх фарміраванняў Беларусі і Расіі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. А. Крыварот. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 239 с.

4. Третьяк, С. А. Трудный путь к Победе / С. А. Третьяк. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 287 с.

5. Сожжѐнные деревни: Хатынь и её сѐстры : сб. ст. / сост. В. Н. Надтачаев. – Минск, 2018.

ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ И ПОДДЕРЖКИ ЧТЕНИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В. В. Степанова

Орловский государственный институт культуры (Орел, Россия)

Воспитание и образование как общие понятия и духовно-нравственное воспитание и образование в частности традиционно выступают неотъемлемым фактором стабильности социальной системы. Именно поэтому проблемам воспитания и образования всегда уделяется повышенное внимание как со стороны государственных органов, так и со стороны педагогической науки. При этом нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на осознание

важности и необходимости неотложного решения данных проблем, на практике мало конкретных действий, то есть зачастую рассмотрение вопросов и проблем нравственного воспитания и образования происходит лишь формально [11]. Тем не менее, существует ряд мер, предпринимаемых для преодоления данной ситуации. На современном этапе развития общества духовно-нравственное воспитание и образование осуществляются в нескольких аспектах: культурно-историческом, нравственно-этическом и этнокультурном [12, с. 135]. Культурно-исторический аспект охватывает огромную сферу социальной жизнедеятельности, которая оказывает непосредственное влияние на становление нравственных ценностей в обществе и воспитывает моральные качества. Сюда можно отнести и знакомство с историческими личностями и фактами, и литературные произведения, и кинематограф, и СМИ, и сеть Интернет. В этом смысле польза чтения неоспорима. Чтение представляет собой важнейший способ освоения жизненно значимой информации. Без него немислима интеграция личности в многонациональную и многослойную российскую культуру – сложный комплекс духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, образа жизни, прав человека, систем мировоззрения (ценностей, норм, традиций, образования, характеризующих общество). Иными словами, чтение лежит в основе социализации и инкультурации граждан, необходимой для нормального функционирования современного общества [1, с. 90].

По последним исследованиям аналитического центра «Левада-центр» [6], более чем у половины жителей России к чтению художественной литературы прохладное отношение – ее читают несколько раз в год (27 %) или не читают вовсе (28 %). Если в целом доля опрошенных, никогда не читающих художественную литературу от 1994 г. к 2019 г. снизилась, но не критично (на 5 п. п.), то доля жителей России, которые читают её ежедневно или еженедельно, сократилась существенно – в два раза: с 23 % до 14 % и с 26 % до 14 % соответственно. Если обратиться к мнению молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, то следует также отметить негативную динамику чтения художественной литературы, газет и журналов, и, наоборот, положительную – в посещении кинотеатров и частоте просмотров кино и сериалов. Доля молодежи, никогда не читавшей газеты или журналы, от 2006 г. к 2019 г. выросла в 12 раз: с 4 % до 46 %. Учитывая рост популярности социальных сетей в качестве информационных источников [7], следует указать на ограничение – возможно, существенная доля тех 18–29-летних, кто ответил, что никогда не читал газеты и журналы, подписаны на страницы (паблики) тех или иных газет и журналов в социальных сетях, также нельзя исключать возможность электронной подписки на СМИ и т. п.

Исходя из понимания важности роли чтения для развития любого государства, в Российской Федерации предпринимаются попытки противодействовать тенденциям снижения интереса к чтению. Однако на уровне

российского государства и общества, по утверждению экспертов, «значимость чтения как одного из важнейших средств развития страны не осознается во всей полноте и сложности» [2, с. 55]. Тем не менее, для этого Правительство РФ в распоряжении от 29 февраля 2016 г. № 326-р приняло решение реализовать программы поддержки и развития чтения в рамках культурной политики.

Одной из таких мер стало утверждение «Основ государственной культурной политики» [8]. Настоящие Основы призваны обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Согласно документу, это возможно только при условии «расширения доступности для граждан произведений классической и современной отечественной и мировой литературы, детской литературы, произведений, созданных на языках народов России; сохранения книги как вида печатной продукции, развития отечественной традиции искусства книги; создания условий для развития книгоиздания и книжной торговли, поддержки социально ориентированной деятельности издательств и предприятий книжной торговли; сохранения библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятия мер по модернизации их деятельности» [8, с. 15].

Меры по возрождению интереса к чтению прописаны также и в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [11]. Данный документ разработан в рамках принципа, согласно которому государственная культурная политика понимается как «широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также, как воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» [11, с. 2].

Если брать положения, касающиеся именно чтения, то можно выделить следующие задачи:

– для осуществления максимально быстрого и полного доступа к информации, а также для сохранения национального культурного наследия, находящегося в библиотеках, создана Национальная электронная библиотека, фонд электронных документов которой насчитывает более 1,6 млн экземпляров. К Национальной электронной библиотеке подключены более 100 региональных библиотек, а также ресурсы архивов и музеев [11, с. 5];

– принятие необходимых мер по сохранению и усилению роли русского языка как государственного языка и как языка межнационального общения [11, с. 9];

– формирование условий для постепенного увеличения внебюджетных источников финансирования для обеспечения эффективности культурной политики [11, с. 18].

С 2006 г. в Российской Федерации действует «Национальная программа поддержки и развития чтения» [5]. Главными целями данной программы являются: повышение читательской компетентности и рост читательской активности (охвата и интенсивности) граждан. Под читательской компетентностью понимается совокупность знаний и навыков, позволяющих человеку отбирать, понимать, организовывать информацию, представленную в печатной (письменной) форме, и успешно ее использовать в личных и общественных целях [5]. Показателем успешности второй задачи должен стать рост уровня, соответствующего успешной адаптации в сложном, динамичном обществе переходного типа [10, с. 186]. Однако точные критерии этого показателя не определены. Реализация заложенного потенциала, интенсивный рост происходит в настоящий момент – на третьем этапе Программы (2016–2020 гг.).

Для реализации «Национальной программы поддержки и развития чтения в России» созданы все необходимые условия и ресурсы. В стране существуют институциональные структуры, предназначенные для хранения и распространения печатной продукции и письменных документов (сеть библиотек, учебные и научные учреждения, издательства, книжная торговля, архивы). А также активно работают профессиональные литераторы, журналисты, писатели, переводчики, литературные критики и литературоведы. Благодаря этому имеется в наличии огромный объем социально значимой информации. А главное в обществе не до конца утрачены богатые литературные традиции и желание передать их подрастающему поколению [5, с. 3].

Таким образом, реализация «Национальной программы поддержки и развития чтения» направлена на объединение в рамках единой государственной политики в области чтения слабо связанных между собой ресурсов в области чтения, а также на ориентирование членов общества на решение одной из важнейших национальных задач, которая заключается в том, чтобы вызвать у подрастающего поколения интерес к чтению и вернуть в ранг активных читателей многочисленные группы сравнительно образованных работающих россиян, которые определяют настоящее России, закладывают основы ее будущего и которые по разным причинам почти перестали читать за последние 20 лет [5, с. 1].

Распоряжением от 17 апреля 2017 г. № 719-р. утвержден комплекс мер по поддержке развития негосударственных организаций в сфере книготорговли (книгораспространения) и распространения печатных средств массовой информации (в том числе через обеспечение условий для развития розничной сети распространения) [10].

К данным мерам относят:

– создание возможности для отнесения субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе осуществляющих торговлю книгами и

печатными средствами массовой информации в специализированных магазинах и павильонах, к субъектам социального предпринимательства [10, с. 1].;

– принятие региональных программ поддержки и развития чтения [10, с. 2].;

– проведение мероприятий по популяризации чтения в печатном и электронном виде [10, с. 4].;

– мониторинг количества нестационарных торговых объектов (киосков и павильонов) со специализацией «Печатная продукция» [10, с. 3].

Реализация данного комплекса мер позволит поддержать организации в сфере книготорговли (книгораспространения) и распространения печатных средств массовой информации, а также выработать единый подход к организации распространения печатных средств массовой информации.

Последним предпринятым шагом в рамках повышения интереса к чтению и роли книжной культуры стало включение задач по обеспечению развития муниципальных библиотек, переоснащению муниципальных библиотек по модельному стандарту, оцифровке и включению в Национальную электронную библиотеку книжных памятников, проведению культурно-просветительские программы для школьников в Национальном проекте «Культура» [12]. В рамках нацпроекта «Культура» реализуется подпрограмма «Культурная среда», направленная на повышение качества жизни граждан путем модернизации инфраструктуры культуры и реновации учреждений от национальных, имеющих мировое значение, – до сельских организаций культуры. Инвестиции будут направлены на модернизацию оборудования и мебели, оказание централизованных цифровых услуг, повышение квалификации персонала и многое другое. В каждом регионе – участнике проекта – будут созданы современные библиотечные центры, которые сформируют новый стандарт работы библиотек в регионе: всего 660 модельных библиотек (180 межрайонных и 480 поселенческих) [9]. Согласно модельному стандарту это будут интеллектуальные центры, оснащенные скоростным Интернетом, доступом к современным отечественным информационным ресурсам научного и художественного содержания, к оцифрованным ресурсам периодической печати. Стандарт предусматривает создание точек доступа к НЭБу и электронной библиотеке диссертаций, комплектование мультимедийными ресурсами, а также организацию современного комфортного библиотечного пространства. В составе библиотечных фондов будут предусмотрены носители информации, изготовленные в форматах, доступных для инвалидов по зрению [4]. Будут созданы дискуссионные клубы, консультационные пункты и лектории для всех возрастных групп. Обновление муниципальных библиотек, по подсчетам экспертов, повысит эффективность их работы и посещаемость не менее, чем в 2 раза [9].

Таким образом, только рациональная, научно обоснованная, социально ориентированная, комплексная, скоординированная работа по поддержке и развитию чтения поможет существенным образом изменить отношение и

в обществе, и в государственных структурах к книжной и читательской культуре. Именно она сможет обеспечить возможность для дальнейшего планомерного и последовательного осуществления эффективной государственной политики в области поддержки и развития чтения – политики, которую должны активно формировать, рационально и согласованно реализовать государственные структуры, бизнес и общественные объединения.

Реализация всех вышеперечисленных мер должна привести к повышению интеллектуального потенциала нации, стать важным инструментом сохранения и развития культуры России, поддержания и приумножения богатства родного языка. Главным ожидаемым результатом всех предпринятых мер должны стать существенные изменения в обществе и государственных структурах по отношению книжной, читательской культуре.

Список использованных источников

1. Аскарлова, В. Я. Методологические аспекты изучения чтения современной молодежи / В. Я. Аскарлова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 4 (182). – С. 82–93.
2. Бабич, И. Н. Чтение как средство социализации личности в трансформирующемся обществе / И. Н. Бабич // Вестник РГГУ. Сер. Философия, Социология, Искусствоведение. – 2013. – № 2 (103). – С. 54–66.
3. Михайлова, Л. Н. Проблемы детского чтения и пути их решения / Л. Н. Михайлова // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАР-Югры и НВГУ : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2016 г. – Нижневартовск : Изд-во НГУ, 2016. – С. 186–187.
4. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки. Рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муниципальной власти. – М. : Минкульт, 2014.
5. Национальная программа поддержки и развития чтения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf. – Дата доступа: 28.04.2022.
6. Опрос «Досуг и развлечения». Левада-центр. 01.07.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/07/01/dosug-i-razvlecheniya/>. – Дата доступа: 28.04.2022.
7. Опрос «Каналы информации». Левада-центр. 13.09.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/09/13/kanaly-informatsii/>. – Дата доступа: 28.04.2022.
8. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf>. – Дата доступа: 28.04.2022.
9. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319207/. – Дата доступа: 28.04.2022.
10. «Комплекс мер по поддержке развития негосударственных организаций в сфере книготорговли (книгораспространения) и распространения печатных средств массовой информации (в том числе через обеспечение условий для развития розничной сети распространения)» [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2017 г. № 719-р. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/6RpUCDpBlfvX9KjsekFBZRhZhaozSB3w.pdf>. – Дата доступа: 28.04.2022.

11. Селиванова, Н. Л. Воспитание в системе образования: от проблем настоящего к контурам будущего [Электронный ресурс] / Н. Л. Селиванова // Среднее образование в России. – Режим доступа: [http://federalbook.ru/files/FSO- 52 SREDNEE/Soderzhanie/SO-3/II/ Selivanova.pdf](http://federalbook.ru/files/FSO-52_SREDNEE/Soderzhanie/SO-3/II/Selivanova.pdf). – Дата доступа: 28.04.2022.

12. Спиридонов, С. Н. Утрата духовных и нравственных ценностей / С. Н. Спиридонов, А. Н. Спиридонов // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 28 февр. 2014 г. : в 4 т. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – Том II. – С. 133–136.

13. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>. – Дата доступа: 28.04.2022.

14. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 7 мая 2018 г., № 204. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>. – Дата доступа: 28.04.2022.

О РОЛИ ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

**И. Л. Судибор
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)**

М. А. Булгаков – классик русской литературы XX в., писатель-сатирик, драматург, романист, режиссер, создатель самобытной эстетической системы. Художественное наследие Михаила Булгакова остается одним из наиболее значимых явлений современной культуры. Образы его героев распространились в российском менталитете, стали привычными в повседневной культуре. С момента выхода в свет произведения М. А. Булгакова способствовали появлению новых культурных связей, изменению системы ценностей, идеалов, стереотипов.

«Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег», «Багровый остров», «Зойкина квартира», «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Мастер и Маргарита» – произведения, в которых М. А. Булгаков поднял проблемы добра и зла, взаимоотношений творческой личности и власти. В центре художественного мира писателя – нравственная проблематика, связанная с выбором жизненного пути героев. В булгаковских произведениях отразилась эпоха сложных противоречивых коллизий первой половины XX в. (Февральская и Октябрьская революции, гражданская война, политика военного коммунизма и НЭПа, революционные эксперименты в культуре и просвещении), а его персонажи (Турбины, Елена, Алексей, Николка, профессор Преображенский, доктор Борменталь, Швондер, Шариков, Мастер, Маргарита) явились носителями судеб и мировоззрений разных слоёв общества.

Булгаков-писатель и Булгаков-человек до сих пор во многом – загадка. Не ясны его политические взгляды, отношение к религии. Его жизнь состояла как бы из трех частей, каждая из которых чем-то примечательна. До 1919 г. он врач, только изредка пробуя себя в литературе. В 1920-е гг. Булгаков уже профессиональный писатель и драматург, зарабатывающий на жизнь литературным трудом и осененный громкой, но скандальной славой «Дней Турбиных». Наконец, в 1930-е гг. Булгаков – театральный служащий, поскольку существовать на публикации прозы и постановки пьес уже не может – не дают (в это время он пишет свой главный шедевр – «Мастера и Маргариту»).

М. А. Булгакову в полной мере довелось испытать на себе давление мощной административной системы сталинских времен, которую он впоследствии обозначил сильным и ёмким словом – «кабала». Многие его творческие и жизненные установки встретили жестокий отпор. Произведения не печатали, пьесы не ставили, не давали работать в любимом МХАТе. Булгаков знал, что в СССР его вряд ли ждет блестящее литературное будущее, доведенный до нервного срыва, открыто писал Сталину: «...я обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР об изгнании меня за пределы СССР вместе с женою моею, которая к прощению этому присоединяется» [1]. На самом деле Булгаков по-своему любил Родину, не представлял себе жизнь без России и русской культуры.

При жизни писатель не получил большой известности. Знаменитость ему принес роман «Мастер и Маргарита», который был напечатан только спустя 26 лет после смерти писателя в журнале «Москва» (и то только в сокращении). В это время большинство рецензий о его произведениях были отрицательными. Подобное можно объяснить присутствием в его творческом наследии антиреволюционных мыслей и идей. Известно, что революцию Булгаков не принял. В ней он увидел «ту страшную, завораживающую и влекущую силу, что столько раз проступала в загадочных выюгах русской истории, в ее смутах, восстаниях и крестьянских войнах» [2]. Писатель считал, что революция – стихия, которая уничтожает высокую культуру и разъединяет людей. Булгаков всегда был против насилия, террора, подавления творческой личности и радикальных экспериментов. Он выступал за гуманизм и христианские ценности в жизни и литературе. О своем предназначении как человека в мире писатель писал: «Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь...» [2].

Судьба Булгакова как писателя складывалась не очень гладко. Работать он начал в дореволюционные годы, в беспокойное и опасное время. Произведения абсолютно всех авторов подвергали жёсткой цензуре,

на корню пресекались все антиреволюционные толки. Это было проблемой для него, привыкшего не сдерживать себя и выражать свои мысли так, как видит их он, Булгаков. Творческая свобода художника – главное условие для развития литературного таланта писателя. В эпоху тоталитаризма писатель не позволил власти растоптать себя, он не лгал, когда из страха лгали почти все.

Карьеру писателя М. А. Булгаков начинал со статей, фельетонов, очерков и сатирических повестей для московских газет. По типу сатиры его имя связывали с такими авторами, как Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин. Считалось, что последний был его кумиром и с него Булгаков брал пример как писатель-сатирик. Булгаков – «уникальное продолжение» литературных традиций Гоголя и Достоевского, Чехова и Толстого. Действительно, булгаковское творчество вырастает на почве русской классики. Ориентацией на литературную традицию была обусловлена присущая Булгакову манера осмысливать временное, преходящее, настоящее сквозь призму вечного. Этой особенностью питались и пафос утверждения общечеловеческих гуманистических ценностей, и авторская позиция «над схваткой с властью», и сатирическое высмеивание советской действительности.

Для художественного стиля М. А. Булгакова характерны: научность и философичность, реализм и фантастика, драматизм и лиризм, сатира и фантазмагория, строгая архитектура замысла и аллегорическая форма. В произведениях Булгакова присутствуют узнаваемые аллюзии, многочисленные реминисценции, библейские ассоциации. Последователи писателя обращали внимание на свойственную его творческой манере эклектичность, смешение стилей, перемещение в разные пространственные планы. Его идиостиль не спутаешь ни с кем – это путь экспериментов в области литературного творчества и духовного раскрепощения художника и человека вообще.

Опорные концепты этого мира – театр, карнавал, дьяволиада, мистика, зеркало, сон, художник, Мастер, любовь, дом, город. Пространственно-временная парадигма совмещает разные уровни – социально-бытовой, мифологический, философский, которые подчинены отношению человека и истории, человека и вечности.

Творчество Михаила Булгакова оказывает колоссальное влияние на современный мир. Его произведения читает все культурное мировое сообщество (роман «Мастер и Маргарита» переведен на 10 языков мира). И не только потому, что он признан гениальным писателем, драматургом. Булгаков был не менее гениальным мыслителем, способным правильно оценить самые сложные и запутанные общественно-политические ситуации, но главное – предвидеть обозримое будущее, человеком чести и достоинства, не способным кривить душой.

М. А. Булгакову в лучших традициях русской и мировой литературы была свойственна боль за человека, будь то незаурядный мастер или никем

не замеченный делопроизводитель. Писатель не принимал ту литературу, которая живописала страдания абстрактных, нереальных героев, проходя в то же время мимо правды жизни. Для Булгакова гуманизм был идейным стержнем литературы. Подлинный, бескомпромиссный гуманизм произведений мастера оказывается особенно близким и читателям XXI в. Сегодня М. А. Булгакова нет с нами, но остались жить его творения. Ведь «рукописи не горят», даже когда их запрещают или предают огню.

Читайте М. Булгакова! «Для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы».

Список использованных источников

1. Булгаков, М. А. Булгаков – Правительству СССР [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/34935045//>. – Дата доступа: 05.05.2022.

2. Соколов, Б. В. Булгаковская энциклопедия [Электронный ресурс] / Б. В. Соколов. – Режим доступа: <http://www.bulgakov.ru>. – Дата доступа: 09.05.2022.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

**Т. Н. Сыманович
МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)**

В древнерусской духовной традиции большое внимание уделялось определению способов воспитательного воздействия на личность. Православные мыслители считали своей первейшей обязанностью разъяснить людям сущность моральных требований, их смысл и значение в нравственном совершенствовании, а самое главное – убедить человека в том, что смысл его жизни состоит в достижении победы духа над плотью, в приближении к нравственному, раскрытию в себе Образа Божия.

Исходя из представления об изначальной предрасположенности человека к добру, авторы учительной и житийной литературы стремились воздействовать отчасти на интеллектуальную, но, в основном, на эмоциональную сферу личности. Так, например, в «Сказании, страсти и похвале св. мучеников Бориса и Глеба», авторство которого приписывается черноризцу Иакову, при наставлении совершенствовать своё «естество» выдвигается следующий аргумент: «вольное мучение есть подражание Христу» [1, с. 29]. По мысли автора «Сказания», такой аргумент должен был затронуть сокровенные стороны души верующего человека, оказать на него сильное эмоциональное воздействие. В то же время, с целью закрепления вызванной эмоциональной реакции «Сказание» выделяет момент бессмысленности суеты мира и власти: «Что бо приобретае преже братия отца моего или отец мой? Уже все се им каки не было николи же, вся с ними исчезала...» [1, с. 28]. В печерской идеологии метод убеждения использовался в полном соот-

ветствии с традицией, заложенной Иоанном Златоустом: «Оградим их со всех сторон советами, увещеваниями, страхом и угрозами» [2, с. 788].

Мастером словесного воздействия на сознание людей являлся Кирилл Туровский. Поучения, слова, молитвы туровского мыслителя были нацелены на то, чтобы сформировать в человеке стремление стать высоконравственной личностью. Философ, убеждая человека принять строгую духовную дисциплину, обращался к его чувствам и эмоциям. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» Кирилл Туровский внушает: «Те, кто ради Господа оставит и отца, и мать, и имущество... сторицею примут, и жизнь вечную наследуют» [1, с. 208]. Вот почему «всякий христианин должен стремиться принять на себя иноческий образ» [1, с. 208]. Однако мыслитель с сожалением отмечал, что «не любят мирские люди этого держать» [1, с. 204].

В христианской педагогике метод убеждения находится в тесном взаимодействии с методом положительного примера. Православные мыслители не только поучали, наставляли, разъясняли, каким образом человек может стать совершеннее, какие нравственные качества он должен в себе развивать, но и обращали внимание на конкретные примеры тех, кто сумел в себе развить требуемые моральные свойства, чья жизнь является образцом нравственного поведения.

В «Житии Феодосия» в качестве положительного примера выступает сам печерский игумен. Нестор пишет, что Феодосий, «не бо ником же бенапраси, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих» [1, с. 53]. Вся его жизнь состоит из молитвы, учительства и труда. Отсюда и назидание читателю – человек должен стремиться к гармонизации деятельной и молитвенной жизни. В данном случае действие метода положительного примера являлось весьма эффективным, т. к. те, кто находился рядом с игуменом, имели возможность наглядно видеть и анализировать живой, реальный опыт высоконравственного поведения. Духовный авторитет Феодосия Печерского был чрезвычайно высок. Поэтому поступки, им совершаемые, воспринимались окружающими как достойные одобрения и подражания.

В произведениях Киево-Печерского патерика положительный пример представлен в образе инока, всю свою жизнь посвятившего борьбе с телесными страстями. Один из героев повествования – Николай Святоша (Святослав), первый князь-инок на Руси. Его никто не видел праздным: работа на огороде, изготовление одежды сопровождалась постоянными молитвами; свои большие средства он употреблял на помощь бедным и на «церковное строение» [1, с. 64].

При использовании метода положительного примера большую роль играет личность самого наставника. Только тот воспитатель может оказать влияние на своего ученика, кто вызывает доверие, уважение, является непререкаемым авторитетом. Пример достойного учителя описал Кирилл Туровский. Это человек, выступающий не только как моралист, но и как

хороший психолог, умеющий затронуть самые тонкие струны человеческой души. В «Слове о премудрости» мыслитель делает акцент на том, что в качестве учителя, духовного наставника может выступать лишь высоконравственный человек, смиливший свою гордыню [1, с. 79]. Мудрый книжник, являющийся носителем истинного и глубокого знания, не только просвещает людей, но и является образцом для подражания. Кирилл утверждает «да аще будеши послушлив, и умякчиши землю сердечную ... нъ инемъ будеши раздавая требушим того же: первое притчам разрешение книжным, потом неразумным словом разрешение и всему писанью толкованье» [1, с. 79].

Важным методом воспитательного воздействия на личность является применение наказаний и поощрений. Говоря о необходимости применения наказания, православные мыслители исходили из педагогических взглядов Иоанна Златоуста, который советовал: «Наступает момент, когда просьба бесполезна, здесь требуются не увещания, но уроки более сильные, строгие истязания, врачевание столь же крепкое как зло» [2, с. 8]. По мнению Златоуста, наказание – это научение, «установление закона» [2; 15]. Но в применение наказания важно соблюдать меру, оно должно быть справедливым. Мыслитель подчёркивает: «Если видишь, что нарушается закон, накажи: когда суровым взглядом, когда язвющим словом, когда и упрёком, порой же хвали его и обещаи награду» [2, с. 15]. Соблюдение чувства меры в наказании очень важно. «Ударами же не злоупотребляй, – говорит Иоанн Златоуст, – чтобы не привык он к этому способу воспитания» [2, с. 15]. Считая наказание необходимым методом в процессе нравственного воспитания, христианская педагогика по-разному расставляет акценты в его применении.

Идея наказания за дурные поступки прослеживается практически во всех произведениях Кирилла Туровского. Так, например, в «Притче о слепце и хромце» нарушившие закон душа и тело сурово наказываются за своё преступление. Просветитель подчёркивает, что каждый получит воздаяние по делам своим: «Чем же кто согрешит, тем же и муку примет» [1, с. 202]. Мысль о неотвратимости наказания способствовала повышению ответственности человека за свои поступки, помогала развивать волю, вырабатывать умение противостоять многочисленным соблазнам и преодолевать их.

Однако необходимо отметить, что в педагогических воззрениях восточнославянских просветителей прослеживается сочувственное, а порой и милостивое отношение к «падшим», к страдающим, вне зависимости от тяжести их греха. Наиболее ярко гуманистический подход к человеку и к наказанию в частности присутствует у митрополита Иллариона. Философ также говорит о неотвратимости наказания за дурные поступки, но в то же время в «Молитве» он призывает Бога: «...мало накажи, но много помилуй,

мало уязви, но милостиво исцели... Но по делам нашим не сотвори нам, как и граду тому, и по грехам нашим не воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева Твоего...» [1, с. 123]. Если другие произведения морально-этической мысли запугивали человека гневом Господним, считая силу этого гнева главной силой христианства, то Илларион не призывал кару на людей, он молил Бога не о наказании, а о сострадании: «...укроти гнев, умилосердись, ибо Твоё есть – помиловать и спасти...» [1, с. 124]. Если Бог проявляет милость к грешникам, то люди, которые занимаются духовным учительством, тем более должны проявлять терпимость, сочувствие, сострадание к своим ученикам, избегая жестоких наказаний.

Общей идеей для большинства произведений православных мыслителей является признание того, что главная похвала, главное поощрение для добродетельного человека – это его будущая небесная жизнь в Царстве Божием. Кирилл Туровский в «Притче о человеческой душе и теле» пишет: «...праведники получают вечную жизнь...» [1, с. 202]. Лучшая награда за добрые дела – помощь Бога. Кроме того, авторы житийной литературы подчеркивали, что наградой нравственному человеку является признание его заслуг со стороны окружающих, проявляющееся не в возвеличивании и восхвалении, а в следовании его образу жизни, в повторении его жертвенного служению людям. Такой подход прослеживается в «Житии Феодосия Печерского», «Житии Авраамия Смоленского» и других произведениях агиографического жанра.

Христианская педагогика в качестве одного из методов формирования нравственной культуры личности рассматривала создание ситуаций, в которых человек должен сделать свой моральный выбор. В такой ситуации личность может реализовать себя и как представитель определенной социальной группы, и как индивидуальность. Исходный момент в создании воспитывающей ситуации – признание человека свободным, ответственным за свои поступки.

В некоторых произведениях житийной литературы в качестве ситуации нравственного выбора рассматривалась та, в которой мирянин сталкивался с юродивым. При этой встрече человек может быть «ввергнут в соблазн и грех осуждения, а то и жестокости» [1, с. 258]. Он должен сделать выбор: как относится к юродивому. И если индивид преодолевает себя, сочувственно, милосердно, с благоговением относится к юродивому – значит, он уже поднялся на ступеньку выше в своем нравственном развитии.

Кроме того, сами юродивые «молили Бога о прощении людей, которым они дали повод преследовать их» [1, с. 258]. Как отмечал Г. Федотов, «всякий акт спасения людей вызывает благодарность, уважение ... вот почему жизнь юродивых является постоянным качанием между актами нравственного спасения и актами безнравственного глумления над ними» [3, с. 258].

При встрече с юродивым человек может как укрепиться в своих пороках, так и преодолеть их.

Кирилл Туровский полагал, что именно покаяние делает возможным духовно-нравственное совершенствование человека. Мыслитель отмечает: «Древо жизни – это смиренномудрие, начало которому покаяние. Для того, чтобы стать лучше, совершеннее человек в первую очередь должен «покаяться в злобе, зависти, во лжи» [1, с. 199].

Покаяние доступно всем, оно соединяет в себе разум и эмоции человека. Индивид сознает греховность собственного поведения, анализирует причины, толкнувшие его на дурное, искренне переживает и раскаивается в содеянном. Покаяние можно трактовать как многолетний опыт очищения личности. Оно не только не унижает достоинства человека, но и восстанавливает, улучшает нравственную природу личности, делает её духовной. Покаяние открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга и т. д. Можно утверждать, что данное средство воспитания представляет своеобразный «труд души». Его необходимость в процессе нравственного развития личности была взята на вооружение и светской педагогикой. Любое воспитательное требование, наставление останется мёртвой буквой, если индивид не «примерит его на себя» при оценке собственных поступков. В современной педагогической науке «труд души» является средством, при помощи которого осуществляется бинарный метод воспитания, «дилемма – рефлексия», предполагающий размышление индивида о происходящем в мире и внутри себя, познание себя, оценку собственного поведения.

Самопознание человека, конечным итогом которого являлось покаяние, рассматривается в качестве самостоятельного средства духовно-нравственного совершенствования индивида. Такой подход является продолжением традиции, заложенной Иоанном Златоустом, призывавшим: «Будем исследовать силу души и не перестанем испытывать самих себя; будем требовать у себя отчёта в том, что в нас входит, и в том, что выходит, – что мы сказали полезного и какое слово полезного и какое слово праздное, а также, что полезного ввели в душу через слух, и что внесли в неё могущее повредить Отцу вашему» [2, с. 68]. Философ также определяет самопознание как развитие сердца, ума, воли [2, с. 68].

Таким образом, древнерусская духовная традиция содержит в себе широкий спектр методов, средств и приемов, которые позволяют эффективно решать задачи по формированию нравственной культуры личности, реализации целей и содержания ее нравственного воспитания.

Список использованных источников

1. Златоустий. Древняя Русь X–XIII вв. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 302 с.
2. Иоанн Златоуст. О воспитании / Иоанн Златоуст. – М. : Паломник. – 903 с.
3. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Ростов н/Д : Феникс. – 384 с.

МАСТЕРСКАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ И РЕШЕНИЙ «ТОП-10 ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ»

К. И. Хомутовский
«Средняя школа № 12 г. Мозырь»

Процесс становления и функционирования системы идеологического воспитания не протекает спонтанно, а происходит благодаря целенаправленным управленческим действиям по её развитию. Управление развитием системы идеологического воспитания включает в себя четыре основных направления: моделирование строящейся системы, организацию коллективной творческой деятельности членов школьного сообщества и ориентирование участников образовательного процесса в данной деятельности на общечеловеческие ценности; корректировку возникающих взаимоотношений в этом процессе, рациональное использование воспитательного потенциала образовательной информационно-пространственной среды.

Согласно нормативным правовым актам, инструктивно-методическим материалам Министерства образования Республики Беларусь определяются стратегия деятельности всех участников процесса воспитания, направления воспитательной работы, информационные условия её организации.

На основании вышеизложенного был определен ряд управленческих решений по совершенствованию идеологического воспитания в образовательном процессе:

1. Выявление соответствия созданных условий организации воспитательной работы, направленной на идеологическое воспитание путем проведения SWOT-анализа и планирование «по-умному» с помощью SMART-проектирования

На основании SWOT-анализа проанализированы используемые формы воспитательной работы, направленные на идеологическое воспитание. По итогам проведенного SWOT-анализа применяется SMART-проектирование для достижения конкретного, актуально-значимого результата за определенное время. Система постановки smart-целей позволяет на этапе целеполагания обобщить всю имеющуюся информацию, установить приемлемые сроки работы, определить достаточность ресурсов, предоставить всем участникам образовательного процесса ясные, точные, конкретные задачи. На основе SMART-проектирования определяется стратегия развития SMART-образования.

2. Перераспределение и частичное изменение функционала педагогических ресурсов

Осуществляется переход от контроля качества к управлению качеством процесса воспитания. С этой целью проводится децентрализация управления – перераспределение и/или частичное изменение функционала, полномочий и ответственности педагогических ресурсов: разграничение

зоны ответственности, конкретизация трудового функционала каждого педагогического работника, повышение взаимодействия между исполнителями, исключение выполнения двойной работы. Необходимые изменения внесены в должностные инструкции и локальные правовые акты учреждения образования.

3. Методическое обеспечение идеологического актива (администрации, руководителей информационно-пропагандистских групп, лидеров общественных организаций, органов ученического самоуправления)

В школе обновлена планирующая документация воспитания в соответствии с учетом новых подходов, изложенных в подпрограмме 11 «Молодежная политика» Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., Концепции и Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.

Имеется доступ к действующим нормативным правовым актам в сфере воспитательной и идеологической работы в учреждениях общего среднего образования, которые размещены в информационно-правовых системах «Эталон», «Консультант», имеется доступ к нормативным правовым актам, инструктивно-методическим и иным материалам по вопросам социальной, воспитательной и идеологической работы, реализации молодежной политики, размещенные на сайте Министерства образования (<http://edu.gov.by>) [1]. В целях повышения эффективности воспитательной работы на сайте школы создана тематическая рубрика «Актуальные практики и технологии воспитания», где размещен банк электронных образовательных ресурсов в области организации воспитательной работы, имеются ссылки на учебные программы факультативных занятий воспитательной направленности (<http://adu.by> / Главная / Образовательный процесс. 2021/2022 учебный год / Организация воспитания), лучший опыт в области организации воспитательной работы (<https://adu.by/ru/uchitelyu/aktualnye-praktiki-i-tehnologii-vospitaniya.html>) [2; 3]. В учреждении создан информационно-образовательных ресурс, в котором сформирован фонд программно-методических материалов, научно-методической литературы, создан банк программ, авторских разработок тренингов, сценариев мероприятий, занятий, памяток и рекомендаций по проведению педагогической и управленческой деятельности по различным направлениям воспитательной работы.

Проводится работа по популяризации среди учащихся информационных ресурсов конструктивной направленности.

На базе школы функционирует районный ресурсный центр по идеологическому воспитанию для учащихся и педагогов района и школы, работа которого связана с деятельностью музейной комнаты истории комсомола Мозырщины.

4. Выявление среди педагогов и учеников лидеров, которые могут и желают заниматься вопросами информационного обеспечения идеологического воспитания

В работу по идеологическому воспитанию включаются творческие и заинтересованные педагоги, классные руководители, которые иницируют

новые проекты и работают в них эффективно, результативно. Данная работа способствовала созданию творческой группы педагогов «Сотрудничество», которая занимается вопросами информационного обеспечения идеологического воспитания, а также привлекает своих коллег к совместной деятельности по воспитанию обучающихся. В результате данной деятельности классный руководитель Барановская Екатерина Викторовна по итогам районного конкурса классных руководителей награждена дипломом II степени, а также дипломом за участие в акции, проведенной главным управлением образования Гомельского облисполкома и Гомельским областным отделением Белорусского фонда мира «Классный руководитель – миротворец-воспитатель».

Большое внимание уделяется поддержке и развитию детских и молодежных общественных объединений, инициатив. Позитивный опыт участия детей в общественной жизни школы заложен в деятельности общественных объединений «БРСМ», «БРПО», деятельности детской организации «Формула успеха» как органа школьного самоуправления. По итогам своей деятельности пионерская дружина имени В. Карвата награждена грамотой за активное участие в пионерской жизни города и района, популяризацию деятельности Белорусской республиканской пионерской организации. Первичная организация ОО «БРСМ» награждена грамотой РК ОО «БРСМ» за активное участие в реализации основных целей, задач и направлений общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи».

Для развития лидерских качеств учащихся организованы занятия клуба «Лидер», в котором обучаются активы классов и лидеры школы. Два учащихся школы включены в состав районного клуба «Лидер», районного молодежного Парламента при Мозырском районном совете депутатов. По итогам данных мероприятий учащиеся обсуждают вопросы на школьных заседаниях клуба «Лидер».

5. Разработка и поиск новых технологий, развитие и координация нестандартных проектов, направленных на создание эффективного идеологического обеспечения воспитания, формирование ученических информационных центров

В системе общественно-политического информирования, целесообразным также может быть использование технологии «информационное зеркало». С этой целью в учреждении образования оформлена образовательная информационно-пространственная среда, отражающая все направления воспитательной работы.

Учащимися школы изготовлено более 30 стендов, способствующих повышению информационной грамотности участников образовательного процесса в рамках организации временной трудовой занятости молодежи за счет средств Управления по труду, занятости и социальной защиты населения.

Важное место в организации воспитательной работы принадлежит школьному пресс-центру как центру идеологической, патриотической, культурно-просветительской и информационной работы с молодежью.

Налажен выпуск школьной познавательно-развлекательной газеты «12 баллов» с учетом уровня интересов и склонностей читательской аудитории, ее возрастных особенностей, а также требований времени. На сегодняшний день вышло 99 номеров газеты, электронная версия газеты размещается на сайте школы. Авторский коллектив школы награжден дипломом III степени на областном этапе и I степени на республиканском этапе XIX Республиканской выставки научно-методической литературы, педагогического опыта и творчества учащейся молодежи за разработку материалов «Школьная газета как средство формирования гражданственности и патриотизма учащихся».

Развитию познавательных интересов, воспитанию гражданственности и патриотизма способствует работа этнографического уголка, музейной комнаты истории комсомола Мозырщины. Общественная значимость музейных комнат определяется качеством и количеством материалов экспозиций, но не менее существенным фактором является «лицо» музейных комнат, обращенное в открытое информационное пространство. Педагогами и учащимися школы проведена плодотворная работа по созданию QR-пространства музейных комнат как инструмента информационных технологий для повышения интереса педагогов, учащихся и их родителей, жителей г. Мозыря к их экспозициям и экспонатам, изменения формата подачи информации. Также были созданы брошюры с виртуальными экскурсиями с QR-кодами, используя которые можно посетить музейные комнаты, находясь в любой точке мира. В районном конкурсе-презентации «Экскурсионные маршруты» школьных музеев учреждение образования награждено дипломом I степени в номинации – проект-экскурсия: «Мой край – моя Родина», дипломом II степени в номинации – проект-экскурсия: «Музейная мозаика»; в проектно-образовательном конкурсе школьных музеев, музейных комнат и уголков «Меняющийся музей в меняющемся мире» в номинации «Музейные образовательные программы» творческая группа «Содружество» отмечена двумя дипломами III степени.

6. Создание коммуникативной площадки для учащихся и родителей по актуальным проблемам детей и молодежи, где они имеют возможность встречаться, обмениваться мнениями, обсуждать вопросы и принимать решения совместно с представителями власти, школьной администрации, общественности

Для информирования учащихся по основным направлениям внутренней и внешней государственной политики в школе ежемесячно проводятся единые дни информирования под общим девизом «ШАГ», главное назначение которых – усиление идейной направленности

воспитательной работы, формирование у учащихся политической культуры, собственной принадлежности к событиям и явлениям общественно-политической жизни страны. В рамках проекта «ШАГ» для встречи с учащимися приглашаются государственные и общественные деятели, представители органов государственного управления, депутаты, представители различных организаций и ведомств, медийные персоны.

В школе функционирует и успешно развивается единое информационное пространство, центром которого является школьный сайт <http://школа-12-мозырь.бел>. Сайт школы – это не только информационный, но коммуникативный инструмент всех участников образовательного процесса. На сайте в рубрике «Вопрос-ответ» можно задать вопросы администрации и педагогам, высказывать свои пожелания по работе учреждения образования. Школьная жизнь отражается в социальных сетях на странице в Instagram: [shkola_12mouzr](#), мессенджере «Вайбер».

7. Использование новых подходов, современных технологий в досуговой деятельности

Одним из средств повышения эффективности процесса воспитания является применение инновационных форм и методов воспитания, которые подтвердили свою эффективность в практической деятельности с участниками образовательного процесса: технология педагогической поддержки (Тьюторство); телевизионные (ток-шоу, «круглые столы», просмотр телепередач на белорусских каналах); информационно-коммуникативные (создание презентаций, блогов, видеосюжетов, банка идей, фото- и видеоархивов); нестандартные технологии (импровизация событий, интеллектуальный марафон); диалоговые технологии (диспуты, дискуссии, дебаты); тренинг общения; технология создания ситуации успеха (через проблемные ситуации); ситуативные технологии; кейс-технологии; квест-технологии, медиа-клубы (площадка для обсуждений посредством кинематографа).

Данные инновационные формы досуговой деятельности произвели оживление и обновление системы воспитательной работы, что позволило вовлечь в активное взаимодействие всех участников образовательного процесса.

8. Повышение педагогической культуры

Современный этап развития образования требует непрерывной системы повышения квалификации педагогов, которая характеризуется переосмыслением базовых ценностей в содержании, формах и технологиях процесса воспитания. В этой связи большое внимание уделяется повышению педагогической культуры всех организаторов воспитательной работы, а именно активное участие в тренингах, вебинарах, интернет-конференциях, аукционах педагогических идей, творческих отчетах и презентациях, интерактивных семинарах, коучинге, курсах дистанционного обучения, педагогических интернет-сообществах.

9. Использование различных форм взаимодействия, наполнение их современным содержанием

С целью пропаганды положительного семейного опыта, повышения родительской компетентности и ответственности, активизации участия родителей в школьной жизни организована работа семейной гостиной «Эффективный родитель», виртуального родительского университета «Растем вместе», группы в мессенджере «Viber» «Эффективный родитель».

10. Проведение интенсивного мониторинга по вопросам идеологической работы в школе с целью анализа и оценки, прогнозирования и коррекции

Руководитель должен иметь объективное представление о том, как развивается учреждение образования, организуется и эволюционирует процесс воспитания. Соответственно полную и достоверную информацию можно получить только с помощью эффективно организованного самоконтроля. Самоконтроль служит способом мобилизации всех участников образовательного процесса для решения выявленных проблем. Он позволяет получать информацию, анализ которой дает возможность для стратегического, тактического и оперативного реагирования, принятия управленческих решений и коррекции.

Для реализации управленческих решений привлекаются материально-технические, трудовые, технологические, информационные и финансовые ресурсы.

Эффективность организации идеологической работы в учреждении образования за 2020 год подтверждается дипломом III степени в областном смотре-конкурсе на лучшую организацию идеологической работы среди учреждений общего среднего образования.

На волне бурного развития информационно-коммуникационных технологий выросло так называемое «digital-поколение», для которого smart-устройства и гаджеты, использующие «продвинутые» технологии, являются обязательными элементами жизненного пространства.

Поэтому необходимо развивать концепцию SMART-образования, которая предполагает комплексную модернизацию всех образовательных процессов, а также методов и технологий, используемых в этих процессах, что позволит по-новому построить процесс разработки контента, его доставки и актуализации с целью развития базиса личностной культуры всех участников образовательного процесса с учетом традиций и инноваций.

Список использованных источников

1. Министерство образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.by>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. Национальный образовательный портал. Образовательный процесс. 2021/ 2022 учебный год. Организация воспитания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adu.by/ru/uchitelyu/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god>. – Дата доступа: 15.10.2021.
3. Национальный образовательный портал. Актуальные практики и технологии воспитания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/uchitelyu/aktualnye-praktiki-i-tehnologii-vospitaniya>. – Дата доступа: 30.03.2022.

ИДЕИ ЕДИНЕНИЯ И СОГЛАСИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ БЕЛОРУСОВ

М. М. Щербин,

В. А. Исаев

МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Современные реалии поликультурного мира, процессов глобализации и информатизации как никогда актуализировали вопросы сохранения национально-культурного единства как основы устойчивого развития и существования народа и государства. Однако исторические корни единства были и есть в нашей истории, в нашей самобытной культуре.

Среди главных предпосылок развития идей единства и согласия на белорусских землях следует отметить:

1) геополитическое расположение белорусских земель на перекрестке из Европы в Азию, между Западом и Востоком, православием и католичеством. Данные условия пограничья во многом способствовали широко-масштабным обменным процессам во всех сферах жизни;

2) опыт мирного существования на белорусских территориях белорусов, русских, украинцев, литовцев и др., изначально предполагавший терпимый взгляд на любого рода различия;

3) традиции толерантности в отношении представителей других народов, создавшие благоприятные условия для активных контактов и переселений, например, евреев, татар и др.

В результате необходимость сохранения согласия стала важной особенностью становления как государственно-правовых институтов, так и общественных, культурных и этнических процессов на территории Беларуси. В таких условиях происходит процесс национального самоопределения белорусов, актуализировавший вопросы развития родного языка, культуры, просвещения.

В качестве значимых достижений мира и согласия на белорусских землях можно назвать: свободу вероисповедания, закрепленную юридически еще в Статуте ВКЛ 1588 г.; поликультурный характер деятельности многих известных белорусских деятелей («пражский» период деятельности Франциска Скорины, латинский язык «Песни про зубра» Николая Гусовского, русский этап жизни Симеона Полоцкого и т. д.).

Исторически сложилось, что аксиологические основания общественного единства на белорусских землях опирались на три концептуальные идеи: солидарности, служения, согласия.

Центральное место среди них принадлежит идее солидарности, которая имела очень глубокие историко-культурные основания. В ее основе – категория общего блага, цементирующая всю мировоззренческую систему человека, основанную на христианском человеколюбии. Общее благо, опиравшееся на любовь к ближнему, закрепило неприятие любого рода превосходства и возвышения. «Счастье одних не должно строиться на несчастье других» – этот постулат стал определяющим в отношениях и между людьми,

и между странами, исключив ненависть, самовозвеличивание, ксенофобию [3, с. 98]. Такой духовно-нравственный фундамент развития патриотических чувств определил их толерантную направленность, закрепил солидарность в качестве ключевого принципа общественного согласия на белорусских землях. Согласно христианской этике достичь морального совершенствования человек может только в русле общего счастья и пользы. Поэтому направленность на коллектив и в интересах коллектива – один из главных исторически оправданных принципов общежития, актуальных и сегодня.

Консолидирующая сущность солидарности была связана с защитой всего «своего» как части общего. И даже сословная разобщенность периода феодализма не привела к общественному расколу. Поскольку для человека средневековья соответствие определенному месту согласно общественной иерархии, закреплённость обязанностей и занятий были значительно выше личной значимости. Нравственное совершенствование человека понималось как основание общего счастья и пользы для общества, не мыслилось индивидуально.

Идея служения, явившись, по сути, продолжением общей пользы и блага, служение рассматривалось через призму общественно-полезного труда в любом его проявлении. И если у Кириллы Туровского служение ограничено религиозно-просветительской деятельностью, то впоследствии оно приобретает общечеловеческую значимость [2, с. 77]. Служение для «общего блага» получает распространение и как ценность, и как способ урегулирования общественно-политических противоречий.

Данная идея нашла воплощение в самоотверженности наших предков, которая имела прочную связь с духовно-религиозными доминантами мировосприятия белорусов, опиравшимися на этнокультурное единство восточнославянских земель.

Исторические условия становления белорусского этноса привели к переплетению долга религиозного и гражданско-патриотического, что проявилось в осмыслении ответственности за свои поступки и дела как перед Богом, так и перед обществом. Христианские самоотверженность, преданность, набожность, стремление на первое место поставить общие интересы приобретают общественное распространение и «светский» характер звучания, когда религиозная основа выступала прочным фундаментом личностного развития и общественной реализации человека.

Воплощением верности Родине являлось «исполнение в отношении ее высоких моральных императивов» [1, с. 67]. С точки зрения христианской философии, это проявлялось в символическом личностном спасении по примеру Божьему, с точки зрения житейской практики, – в защите своей Родины, отстаивании ее интересов.

Идея согласия. Ее важное значение было обусловлено выбором собственного пути развития белорусского этноса в европейском сообществе, необходимостью сохранения своих традиций, языка, культуры. При распространении общественного плюрализма не абсолютное подчинение, а общая направленность на мир, признание и уважение непохожести в её

многообразии поддерживали единство и целостность. Вот почему существование различий (религиозных, этнических, мировоззренческих и т. д.) не противоречило целям консолидации и объединения общества [2, с. 211]. Кроме того, существование такого рода различий привело к формированию и закреплению не только долга, ответственности, верности как значимых патриотических качеств, но и гордости и уважения ко всему «своему», стремления содействовать развитию и расцвету своей страны при признании таких же прав за другими.

В этой связи закономерным итогом исторического развития белорусских земель является становление законодательной системы, закрепившей уже в XVI в. приоритет суверенитета и законности, территориальную целостность и единство.

Высшие подъемы патриотических чувств, как правило, связаны с исключительными обстоятельствами – защитой страны, изгнанием неприятеля, созданием, восстановлением и т. д., – когда, только благодаря посильному вкладу каждого, возможно достичь поставленной цели. Однако конструктивный ресурс объединения общества востребован и в современных реалиях, когда совместные усилия могут быть направлены на благополучие, созидание, процветание народа и государства.

Таким образом, для белорусов историческую основу единения составляло триединство солидарности, служения, согласия, воплотившееся в преемственности, сохранении своих традиций, приоритете национальных ценностей. Эти аксиологические доминанты и сегодня обладают значимым дидактическим потенциалом, могут быть использованы в патриотическом воспитании молодого поколения.

Список использованных источников

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-педагагічнай думкі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2 : Пратарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – 840 с.
2. История общественной и философской мысли Беларуси: Раннее и развитое Возрождение: хрестоматия : пособие / авт.-сост. В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 332 с.
3. Старостенко, В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII) / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 200 с.

ЛЕКЦИОННАЯ ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН: ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ

**Т. А. Юрис
БТЭУ ПК (Гомель)**

В 2010 году студенты Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации инициировали заседание центра бизнес-образования на тему «Нужно ли конспектировать лекции?», на котором

изложили своё видение проблемы. Лекция – одна из основных форм учебного процесса, главным назначением которой долгое время считалось обеспечение обучающегося конспектом, представляющим собой минимум знаний, необходимый для успешной сдачи экзамена по изучаемой дисциплине. Ценность конспекта студентами под сомнение не ставилась, так как у него по сравнению с учебником как альтернативным вариантом есть ряд важных с точки зрения обучающихся преимуществ. Во-первых, конспект меньше объёмом и содержит основную информацию по курсу; во-вторых, учебник по разным причинам не всегда имеется в распоряжении студента; в-третьих, конспект отражает личные интересы и пристрастия преподавателя в рамках читаемого им курса, что немаловажно знать и учитывать при подготовке и сдаче экзамена.

На протяжении столетий конспект лекций писался вручную. Однако сейчас существуют различные виды технических устройств, которые, по мнению студентов, могут помочь уменьшить количество ручного труда в образовательной сфере и сделать необязательным рукописный вариант конспекта. Нынешний студент может, например, приходить на занятия с ноутбуком и конспектировать лекции, пользуясь клавиатурой, а не ручкой. В принципе, достаточно одного-двух студентов с ноутбуками, чтобы обеспечить весь поток электронными копиями конспекта лекционного курса. Поскольку практически у всех студентов есть персональные компьютеры и смартфоны, печатная и копировальная техника общедоступны, постольку студенты осмелились предложить преподавателям вариант – давать учащимся электронный вариант текстов лекций, с которым можно работать как в компьютерном, так и в распечатанном виде.

Большинство участвовавших в дискуссии преподавателей к предложенным новациям отнеслись отрицательно, заподозрив студентов в стремлении облегчить себе жизнь, одновременно загружая педагогов новыми задачами. Однако, если абстрагироваться от личных интересов и соответствующих им эмоций, то еще в то время можно было найти рациональные аргументы в пользу высказанных студентами пожеланий.

Во-первых, студенты младших курсов не умеют быстро записывать лекционный материал, что создаёт проблему для преподавателя, стремящегося работать в соответствии с рабочей программой курса и не всегда успевающего дать на занятиях необходимый объём информации под запись. Какие-то темы приходится оставлять для самостоятельного изучения студентами по учебникам, качество которых не всегда удовлетворяет даже преподавателей. Электронный вариант лекций позволяет дать студентам точно выверенное необходимое и достаточное количество учебного материала.

Во-вторых, при конспектировании лекций обучающимися нередко непреднамеренные искажения информации, воспринятой на слух, пропуски фрагментов лекций, ошибки при написании терминов, сокращения слов,

которые в дальнейшем неправильно расшифровываются, и тому подобные «ляпсусы», всплывающие при проверке знаний студентов и отрицательно влияющие на их оценку. Электронный вариант лекций избавлен от подобного рода ошибок и недостатков.

В-третьих, в однообразно написанном конспекте студенту трудно ориентироваться, находить нужную информацию, запоминать её. В электронном варианте конспекта материал можно сопроводить иллюстрациями, которые способствовали бы лучшему представлению объектов и явлений, о которых идёт речь, пониманию сути изучаемых идей и теорий, их запоминанию. В текст лекций можно вставить портреты мыслителей, рисунки, схемы и тому подобные наглядные образы, которые играли бы роль своеобразных ориентиров при изучении материала и подсказок при его воспроизведении.

В-четвёртых, от использования в учебном процессе электронного варианта курса лекций выигрывают не только студенты. Лектор, не привязанный жёстко к запланированному для озвучения под запись материалу, избавляется от опасения забыть или не успеть раскрыть какой-либо аспект темы и получает свободу импровизации, возможность сосредоточения внимания на раскрытии наиболее сложных и важных вопросов темы, приведения дополнительных примеров, поясняющих излагаемые идеи, вовлечения студентов в мини-дискуссию по ходу лекции, ответа на их вопросы и реплики и т. п.

Кроме названных, можно добавить и другие аргументы в пользу отказа от рукописного варианта конспекта лекций [1, с. 256–259]. Таким образом, плюсов при использовании электронного варианта курса лекций достаточно, причём как для студентов, так и для преподавателей. Однако, конечно же, вставал резонный вопрос: если дать студентам электронный текст лекций по курсу, что тогда делать преподавателю на лекциях? Какими формами обучения может или должен воспользоваться лектор, чтобы заставить себя слушать? Возможности мультимедийной техники, которыми тогда начали оснащать УВО, подводили к логичному выводу: параллельно с электронным конспектом необходимо создавать презентации лекций, которые позволили бы в наглядно-образной форме прояснить студентам смысл многих абстрактных идей, помогли концентрировать внимание на объясняемом преподавателем материале, способствовали его лучшему запоминанию.

Автор решил пойти по пути, предложенном студентами, и с энтузиазмом взялся за подготовку электронного конспекта лекций по учебной дисциплине «Философия» и презентаций к ним.

Разработка электронного конспекта лекций происходила с ориентацией на ряд методических установок. Во-первых, во внимание принимался клиповый характер мышления нынешней молодежи, которая с трудом воспринимает длинные тексты [2]. Многостраничные учебники былых времен

с попыткой охватить как можно больший круг идей, теорий, подходов к решению вопросов и обстоятельным изложением учебного материала оказываются не по силам современным студентам, изучающим философию как общеобразовательную учебную дисциплину. Современный конспект должен быть кратким, что означает сосредоточение внимания на важнейших проблемах и идеях авторитетнейших учений и персоналий и лаконичное изложение их сути.

Во-вторых, мало того, что молодежь не умеет читать длинные тексты, она еще и не умеет читать сложные тексты, насыщенные научной терминологией и сложившимися в научной среде вербальными оборотами. Большой объем информации и новых слов, который бесконечным потоком обрушивается на людей в настоящее время, приучил молодежь проскакивать мимо незнакомых понятий, не фиксируясь на них и не делая попыток прояснить их смысл с помощью Google. Студенты хотели бы, чтобы учебные пособия читались как художественная литература и не настроены на работу по осмыслению их содержания. Поэтому конспект должен быть написан достаточно простым, приближенным к разговорному языком, не перенасыщенным специальными терминами и в то же время позволяющим без искажений передать основной смысл рассматриваемых идей и теорий, то есть, сложные смыслы нужно облечь в простые формы. Краткость текста и простота языка конспекта, естественно, создают впечатление редукционизма в подаче учебного материала, но это плата за приспособление к специфике мышления современной молодежи.

В-третьих, электронный конспект лекций можно наполнить разнообразным иллюстративным материалом, и эту возможность нужно использовать в полной мере. Страницы печатных и электронных учебников и учебных пособий, заполненные сплошным однотипным текстовым материалом, тяжело воспринимаются при чтении. Некоторые зарубежные переводные учебные пособия по философии, а также различные российские и отечественные издания стараются облегчить восприятие текста, сопровождая его портретами мыслителей, схемами, таблицами и другими иллюстрациями, делая разбивку текста с выделением тех или иных его частей при помощи смены шрифта, цветного фона, параметров расположения на странице, условных знаков. В качестве примера психологически правильного оформления контента можно указать на методическое пособие ректора БГУ, доктора педагогических наук А. Д. Короля [3]. На имеющиеся наработки стоит ориентироваться при оформлении электронного конспекта лекций.

Относительно создания презентаций к лекциям на практике выяснилось, что это весьма трудоёмкое дело, которое начинается с овладения соответствующими знаниями и навыками работы с нужными компьютерными программами. Далее для создания конкретной презентации нужно продумать её содержание, составить план, придумать иллюстрирующие материал

образы, найти их изображение в Интернете или других источниках, эстетично и терминологически корректно оформить слайды. Это интересная творческая работа, результат которой в значительной степени определяется уровнем общего культурного развития преподавателя.

В процессе использования электронного конспекта курса и чтения лекций с презентациями стал понятен минус данной методики – им является интенсификация работы преподавателя в аудитории. Свободное повествование с элементами импровизации и диалога с аудиторией требует больших энергозатрат, нежели спокойная и размеренная диктовка лекционного материала. Оптимизировать количество выпадающей на долю лектора нагрузки помогает включение в презентации различных по объёму фрагментов документальных и научно-популярных фильмов по теме лекции, являющихся хорошим дополнением к статичным картинкам.

Личный преподавательский энтузиазм перехода на новую методику чтения лекций столкнулся с некоторыми особенностями субъекта педагогического воздействия. Как оказалось, освобождение студентов от «писанины» не привело к массовому повышению внимания к информационному потоку, идущему от преподавателя. Слушание и вникание в смысл информации – это интеллектуальный труд, требующий усилий, затрат энергии, как всякий труд. И если можно не думать, то есть, не напрягаться, то большинство аудитории и не напрягается.

Как убедительно объяснил российский ученый С. Савельев, главной особенностью мозга человека является его энергоёмкость, то есть потребление большого количества энергии организмом – в пять раз больше, чем потребляет любой другой орган. Активное состояние нервной системы крайне невыгодно организму человека. По этой причине ресурсы мозга каждого человека охраняются целой системой защитных механизмов. К ним относятся сопровождающие интеллектуальные усилия ощущения дискомфорта, ухудшение настроения, постоянное отвлечение внимания на второстепенные события и другие неприятные явления, исчезающие вслед за прекращением напряжённой работы мозга. Именно поэтому учеба как энергозатратный процесс воспринимается без воодушевления, а обучение не может обойтись без принуждения. Только меньшая часть человечества научается самомотивации своего мозга, приучает его к стабильной интеллектуальной деятельности и оказывается способной создавать бесценные произведения искусства, науки и человеческой мысли, выступая двигателем социального прогресса [4, с. 29–34].

Практика показывает, что во время чтения лекции работает преподаватель и еще от силы 10–15 % аудитории, нацеленной на добросовестную учебу, получение знаний, а не только дипломов. Остальные могут выполнять какие-то виды работ к другим занятиям, думать о чем-то своем, «чатиться» в мессенджерах, играть, смотреть ролики в «YouTube» или «TikTok», фото

в «Instagram», пользуясь общедоступностью смартфонов. Современные преподаватели, похоже, смирились с зависимостью молодежи от гаджетов и соцсетей и уходом в них во время занятий, в чем они признаются в различных интервью и заметках в СМИ.

К сожалению, остались в прошлом времена, когда СССР считался самой читающей страной в мире, достаточно распространенной была установка на повышение своего культурного уровня, расширение кругозора. Сейчас преобладает установка на узкий профессионализм, которая проявляется в снижении общего познавательного интереса у молодежи и степени эрудированности, формальном отношении к учебе и успеваемости.

Люди, не имеющие отношения к системе образования, вину за снижение познавательного интереса и ответственного отношения к учебе у учащихся, как правило, возлагают на преподавателей – недостаточно их заинтересовываете, мол. Складывается впечатление, что массовое сознание ожидает превращения учебных занятий в вид развлечения, где учащиеся выступают в роли пассивных потребителей, а не сотрудников. Подобным образом проявляется еще одна особенность поколения Z (молодых людей, появившихся на свет в 90-е гг. предшествующего столетия и первое десятилетие двухтысячных), воспитывавшегося в соответствии с официальными установками «квалифицированными потребителями», по выражению российского министра образования А. Фурсенко (2007 г.). Представители поколения Z ориентированы на простоту, интерес и удовольствие, личные интересы у них превалируют над общественными, поэтому они менее ответственны, дисциплинированы, заинтересованы в качестве своего труда, чем предшествующие поколения X и Y, к которым относится преподавательский корпус учебных заведений [5]. Межпоколенная разница в системах ценностей и стереотипах поведения, обусловленная формированием поколений в разных историко-культурных контекстах, порождает дополнительное напряжение в отношениях обучающихся и педагогов.

Естественно, разрабатывая курс лекций по учебной дисциплине, необходимо учитывать социально-психологические черты поколения Z, но не потакать их дальнейшему развитию, поскольку это не отвечает общественным интересам, а пытаться найти разумный баланс между интересной и полезной, необходимой и достаточной, наглядно-образной и абстрактной информацией.

Использование в учебном процессе электронных вариантов курсов лекций даёт возможность изменить общее количество и соотношение аудиторных часов и часов, отводимых на самостоятельную работу студентов по конкретной дисциплине. Имеется в виду вполне целесообразное с учетом всего вышеизложенного радикальное сокращение количества лекций по курсу, что вполне соответствует современной задаче уменьшения теоретической и увеличения практической направленности обучения в системе

высшего образования. Более продуктивной формой аудиторной работы представляются семинарские занятия, позволяющие наладить реальный эффективный диалог с обучающимися, что способствует лучшему усвоению ими учебного материала, поэтому уменьшать количество семинарских занятий нежелательно.

Остаётся отметить, что вышеизложенные соображения касаются преподавания дисциплин социально-гуманитарного блока в системе высшего образования.

Список использованных источников

1. Неверова, З. А. Варианты модернизации лекционной формы обучения / З. А. Неверова, Т. А. Юрис // Креативная образовательная среда: состояние и направления развития : сб. науч. ст. респ. науч.-практ. конф., 26–27 апр. 2012 г., МГУ им. А. А. Кулешова, г. Могилёв. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2012. – 452 с.
2. Демин, А. От молчаливых до зуммеров: теория поколений в России (и в музыке) [Электронный ресурс] / А. Демин // Мел. – 2020. – Режим доступа: <https://mel.fm/blog/vizual-club/94825-ot-molchalivykh-do-zumerov-teoriya-pokoleny-v-rossii-i-v-muzyke>. – Дата доступа: 21.03.2022.
3. Король, А. Д. Технология эвристического обучения в высшей школе: теория и практика : метод. пособие / А. Д. Король. – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 189 с.
4. Савельев, С. В. Изменчивость и гениальность / С. В. Савельев. – М. : ВЕДИ, 2012. – 128 с.
5. Костенков, А. Теория поколений: как и почему она поменялась за 30 лет? [Электронный ресурс] / А. Костенков // Хабр. – 2022. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/ruvds/blog/599711/>. – Дата доступа: 21.03.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахраменко Петр Евгеньевич – доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат филологических наук, доцент;

Бай Сюетун – аспирант, факультет международных отношений БГУ;

Барсук Елена Евгеньевна – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат исторических наук, доцент;

Белевич Анастасия Валерьевна – студентка филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Богданов Владислав Максимович – магистрант, факультет истории и межкультурных коммуникаций УО ГГУ им. Ф. Скорины;

Варнава Зинаида Семеновна – старший преподаватель кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Васьков Павел Сергеевич – студент исторического факультета УО ГГУ им. Ф. Скорины;

Гавриловец Людмила Владимировна – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат исторических наук, доцент;

Гужаловский Александр Александрович – профессор кафедры этнологии, музееведения и истории искусств БГУ, доктор исторических наук, профессор;

Дубровко Елена Николаевна – доцент кафедры всеобщей истории УО ГГУ им. Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент;

Елизаров Сергей Александрович – профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО ГГТУ им. П. О. Сухого, доктор исторических наук, профессор;

Забельникова Ольга Васильевна – доцент кафедры социально-трудовых отношений ГУО РИПК Минтруда и соцзащиты, кандидат исторических наук, доцент;

Исаев Вадим Андреевич – студент филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Лисовский Леонид Альбинович – доцент кафедры специальной педагогики и методик дошкольного и начального образования УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат педагогических наук, доцент;

Каплиев Алексей Александрович – старший научный сотрудник ГУО «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», кандидат исторических наук;

Кириллов Юрий Николаевич – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат философских наук, доцент;

Ковяко Ирина Ивановна – доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ, кандидат исторических наук, доцент;

Колбасина Ирина Николаевна – учитель истории и обществоведения высшей категории ГУО «Гимназия г. Калинковичи»;

Кошман Павел Григорьевич – декан факультета повышения квалификации и переподготовки кадров УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат филологических наук, доцент;

Крюковский Владимир Дмитриевич – доцент кафедры социально-гуманитарных наук УО БГАТУ, кандидат исторических наук, доцент;

Мезга Николай Николаевич – заведующий кафедрой всеобщей истории УО ГГУ им. Ф. Скорины, доктор исторических наук, профессор;

Нарижная Елена Павловна – доцент кафедры права и экономических теорий УО БТЭУ ПК, кандидат исторических наук, доцент;

Новик Светлана Николаевна – научный сотрудник лаборатории проблем воспитания личности НМУ «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь;

Одиноченко Виктор Александрович – доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин УО ГГУ им. Ф. Скорины, кандидат философских наук, доцент;

Острога Валентина Павловна – доцент кафедры истории Беларуси и политологии УО БГТУ, кандидат исторических наук, доцент;

Панарин Андрей Анатольевич – профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, профессор;

Панарина Елена Владимировна – профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, доцент;

Попченко Анна Анатольевна – студентка филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Рыбаченко Егор Дмитриевич – студент филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Рожкова Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО ГГУ им. Ф. Скорины;

Сальков Анатолий Петрович – заведующий кафедрой истории южных и западных славян БГУ, кандидат исторических наук, доцент;

Севницкая Олеся Ивановна – магистрант исторического факультета БГУ;

Соловьянов Андрей Петрович – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент;

Степанова Валерия Владимировна – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», кандидат исторических наук;

Судибор Ирина Леонидовна – старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

Сунь Шэнцзы – аспирант, факультет международных отношений БГУ;

Сыманович Татьяна Николаевна – декан филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат педагогических наук;

Телепень Сергей Валерьевич – доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат исторических наук, доцент;

Тихомиров Андрей Владимирович – заведующий отделом научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работы учреждения культуры «Гродненский государственный музей истории религии», магистр культурологии;

Уваров Игорь Юрьевич – доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО ГГТУ им. П. О. Сухого, кандидат исторических наук, доцент;

Хомутовский Константин Иванович – директор ГУО «Средняя школа № 12 г. Мозыря»;

Щербин Марина Михайловна – заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина, кандидат педагогических наук, доцент;

Юрис Сергей Анатольевич – начальник отдела довузовской подготовки и профессиональной ориентации УО ГГТУ им. П. О. Сухого, кандидат исторических наук, доцент;

Юрис Татьяна Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков УО БТЭУ ПК, кандидат философских наук, доцент.

Научное издание

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Мозырь, 27 мая 2022 г.

Корректор *Е. В. Сузько*
Оригинал-макет *Ю. С. Карась*
Дизайн обложки *Л. В. Клочкова*

Иллюстративный материал на первой странице обложки заимствован из общедоступных ресурсов сети Интернет, который не содержит указания на авторов этих материалов и ограничения на их заимствование.

Подписано в печать 13.10.2022. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,04. Уч.-изд. л. 12,6.
Тираж 53 экз. Заказ 30.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 24-61-29.